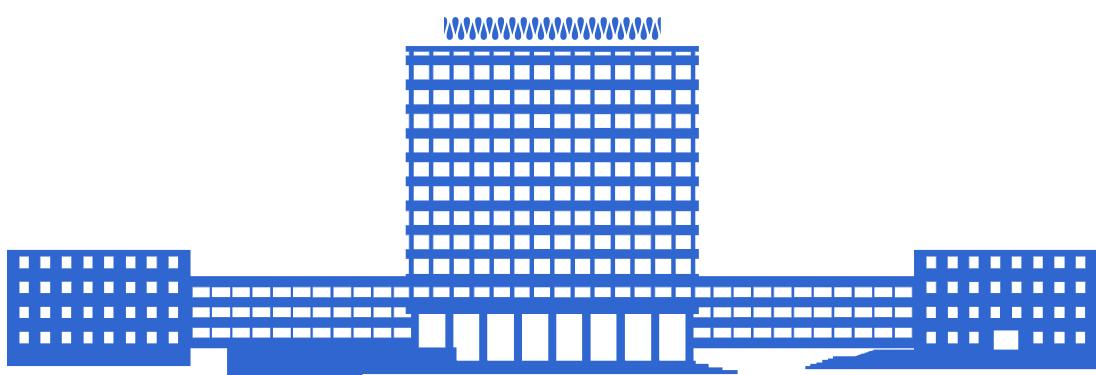

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA

Том 16 Выпуск 4 (50) 2020

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред. В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Т. 16. – Вып. 4 (50). – 137 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 9 от 27.11.2020 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редакции: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 16 Выпуск 4 (50) 2020

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2020

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 16 Issue 4 (50) 2020

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica T. 16, Вып. 4 (50), 2020

Германские языки

Бессонова О. Л., Любченко Л. Э. Ономастические реалии в романе Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей».....	5
Гордиенко Е. В. Синтаксические средства реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычном медиадискурсе.....	17
Осташова О. И. Особенности речевых актов оценки в художественном дискурсе XIX-XX веков.....	27
Петрова Е. В. Когнитивный потенциал прецедентности имени собственного.....	38
Сафина М. Р. Концептуальная нереференциальная метонимия на уровне синтаксической структуры высказывания (на материале английского языка).....	47

Романские языки

Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Ad-hoc концепты и французская политическая персонология.....	55
Тамразова И. Г. Эристическая компетенция как лингвокогнитивная категория.....	67

Типологические и сопоставительные исследования

Басыров Ш. Р. Структурно-семантические особенности лексики периода пандемии коронавируса.....	79
Калиушенко В. Д. Глаголы, мотивированные зоонимами, в средневерхненемецком и современном немецком языке.....	86
Петрищева Е. И. Функционально-семантические особенности нестандартных наименований родственников в неофициальном общении.....	95

Перевод

Горбачевская С. И. О моделировании в художественном переводе.....	111
---	-----

Методика преподавания иностранного языка

Хлыбова Н. А., Куличенко А. М., Томичева И. В., Гиренко И. В. Влияние уровня знаний в изучаемой области и процедурных знаний на стратегии визуального исследования материала обучающимися вузов.....	119
--	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 16, Issue 4 (50), 2020

Studies in Germanic Languages

Byessonova O. L., Lyubchenko L. L. Onomastic Realia in John Steinbeck's Novel «The Winter of Our Discontent».....	5
Gordiienko E. V. Syntactic Means of Realisation of Evaluation in Opposition «we-they» in the English Media Discourse.....	17
Ostashova O. I. Communicative-Pragmatic Peculiarities of Evaluative Speech Acts in Belles-Lettres Texts of the XIX-XX Centuries.....	27
Petrova E. V. Cognitive Potential of Precedent Proper Names.....	38
Safina M. R. Conceptual Non-Referential Metonymy in Syntactic Structure of Utterances (Based on Modern English).....	47

Studies in Romance Languages

Alferov A. V., Kustova E. Yu. Ad-hoc Concepts and French Political Personology.....	55
Tamrazova I. G. Eristic Competence as a Linguocognitive Category.....	67

Typological and Contrastive Studies

Basyrov Sh. R. Structural-Semantic Peculiarities of Covid-19 Pandemic Vocabulary.....	79
Kaliuščenko V. D. Zoonym Motivated Verbs in Middle High German and Modern German...	86
Petrishcheva E. I. Functional-Semantic Features of Non-Standard Names of Relatives in Informal Communication.....	95

Translation

Gorbachevskaya S. I. On Modeling in Literary Translation.....	111
---	-----

Methods of Language Teaching

Khlybova N. A., Kulichenko A. M., Tomicheva I. V., Girenko I. V. Influence of the Level of Proficiency in the Studied Area and Procedural Knowledge on the Strategies of Visual Research of the Material by Students of Higher Education Institutions.....	119
--	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'373.7:811.111=112.2

© 2020 О. Л. Бессонова, Л. Э. Любченко

ОНОМАСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В РОМАНЕ ДЖ. СТЕЙНБЕКА «ЗИМА ТРЕВОГИ НАШЕЙ»

В статье рассматриваются семантические и структурные особенности ономастических реалий в английском языке на основе романа «Зима тревоги нашей». Представлена классификация ономастических единиц по semanticному признаку, выявлены структурные и лингвокультурологические особенности изучаемых ономастических реалий.

Ключевые слова: реалии, ономастические реалии, структура, семантика, лингвокультурология.

© 2020 O. L. Byessonova, L. L. Lyubchenko

ONOMASTIC REALIA IN JOHN STEINBECK'S NOVEL «THE WINTER OF OUR DISCONTENT»

The article deals with semantic and structural peculiarities of onomastic realia in the English language based on John Steinbeck's novel «The winter of our discontent». Onomastic realia have been classified according to their semantic characteristics. Cultural and structural peculiarities have been revealed.

Key words: realia, onomastic realia, structure, semantics, cultural linguistics.

1. Вводные замечания. Данная работа посвящена исследованию ономастических реалий в английском языке на материале романа классика мировой литературы, лауреата Нобелевской и Пулитцеровской премий, Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей». Написанный в 1961 году, социальный и психологический роман «Зима тревоги нашей» стал объектом дискуссий многих критиков и в результате был назван «великой книгой 20 столетия». Данный роман изобилует разными типами реалий, что является неотъемлемой частью идиостиля Стейнбека и делает его уникальным.

Ономастическая лексика всегда национально окрашена и непосредственно связана с наукой, изучающей проявление и отражение культуры в языке, лингвокультурологией. Наиболее полные исследования по лингвокультурологии представлены в работах С. Г. Воркачева [Воркачев, 2001], В. В. Воробьева [Воробьев, 2008], В. А. Масловой [Маслова, 2004]. В лингвокультурологических исследованиях последних десятилетий особое внимание уделяется выделению национально-культурного компонента во фразеологических единицах [Бессонова, 2017, 2019; Пименова, 2011; Телия, 1996; Byessonova, 2017]. Лингвокультурологический аспект семантической структуры

ономастической лексики был объектом исследования таких ученых, как В. А. Никонов [Никонов, 1974], М. В. Пименова [Пименова, 2011]. Глубокие исследования по общей теории ономастики представлены в работах А. В. Суперанской [Суперанская, 1973], Г. Д. Томахина [Томахин, 1982]. Семантика, структура и функции антропонимов в художественном дискурсе были исследованы К. Бромберже [Бромберже, 2012], А. А. Живоглядовым [Живоглядов, 1998], В. А. Никоновым [Никонов, 1974], К. Б. Зайцевой [Зайцева, 1973], Ю. А. Карпенко [Карпенко, 1986]. Глубокое изучение топонимов прослеживается в работах В. А. Никонова [Никонов, 2011], А. В. Суперанской [Суперанская, 1985], Г. Д. Томахина [Томахин, 1982]. Другие ономастические реалии, среди которых хрононимы, эргонимы, зоонимы, хрематонимы, были изучены О. Ю. Карпенко [Карпенко, 2008], В. Ю. Неклесовой [Неклесова, 2009], О. Ф. Немировской [Немировская, 1988], А. В. Суперанской [Суперанская, 1973].

Обзор классических и современных работ по проблеме свидетельствует о неослабевающем интересе к феномену реалии. Реалии как культурно-маркированные единицы рассматривались в работах таких учёных, как О. С. Ахманова [Ахманова, 1966], Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [Верещагин, Костомаров, 1973], В. Н. Телия [Телия, 1996], А. А. Кретов [Кретов, 2013], Г. Д. Томахин [Томахин, 1981], А. В. Суперанская [Суперанская, 1990].

В настоящее время исследователи затрудняются дать чёткое определение такому понятию как «реалия». Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров [Верещагин; Костомаров, 1973], обращаясь в своих исследованиях к реалиям, оперировали такими понятиями, как «коннотативные слова», «безэквивалентная лексика» или «слова с культурным компонентом», понимая под реалиями лексические единицы, своеобразная семантика которых отражает особенности культуры. Как считает Г. Д. Томахин [Томахин, 1982], реалии – это названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п. Г. Д. Томахин также подразделяет реалии на ономастические и на реалии, обозначаемые аппелятивной лексикой. К ономастическим реалиям относятся географические названия – **топонимы** – особенно имеющие культурно-исторические ассоциации; **антропонимы** – имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей литературы и фольклора; названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия

государственных и общественных учреждений и многие другие [Томахин, 1982]. По мнению Н. В. Подольской [Подольская, 1988], ономастика – раздел языкоznания, изучающий любые имена собственные. Отсюда следует, что ономастические реалии – это термин, который обозначает имена собственные или включает их в свой состав.

Ценность ономастических реалий заключается в том, что ономастические единицы всегда несут в себе скрытые исторические и этнокультурные сведения, позволяющие изучить особенности менталитета лингвокультурного сообщества. В именах собственных, как единицах языка, присутствует оттенок определённого национального колорита, что играет важную роль в художественном дискурсе.

В связи с этим, **актуальность данного исследования** обусловлена растущим интересом к лингвокультурологическим особенностям ономастической лексики и определяется необходимостью детального исследования ономастических реалий в художественном дискурсе. Исследование ономастикона романа Джона Стейнбека значимо с точки зрения отражения автором менталитета, социальных условий жизни и культурных ценностей американского народа в начале 60-х годов.

Объектом исследования являются ономастические реалии в социально-психологическом романе лауреата Нобелевской и Пулитцеровской премий Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей», а **предметом** исследования – их лингвокультурологические и функциональные особенности.

Цель исследования заключается в установлении и описании лингвокультурологических и функциональных особенностей ономастических реалий в романе Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей».

Материалом исследования послужила ономастическая лексика в произведении «Зима тревоги нашей». Путем сплошной выборки из текста произведения (282 страницы текста) выделено 210 контекстов, в которых употреблены ономастические реалии. Среди исследуемых ономастических реалий становится возможным выделить три структурных типа: однокомпонентные, двухкомпонентные, трёхкомпонентные.

Цель и задачи, указанные в работе, а также специфика объекта исследования обусловили использование следующих методов **лингвистического исследования**: метод контекстуального анализа, метод лингвокультурологического анализа, метод компонентного анализа, количественный анализ, метод структурного анализа.

2. Семантические типы ономастических реалий. Ономастическая лексика имеет достаточно сложную семантику, что и порождает в лингвистике наличие различных семантических классификаций ономастических реалий. Вслед за Г. Д. Томахиным,

ономастические реалии подразделяются на несколько больших групп: антропонимы, топонимы, другие типы ономастических реалий. Однако классификация Г. Д. Томахина не покрывает весь пласт имён собственных.

В данной работе при анализе ономастических реалий использована классификация, предложенная А. В. Суперанской. Среди ономастических реалий А. В. Суперанская выделяет следующие типы: антропонимы, топонимы, хрематонимы, хрононимы, мифонимы, документонимы, названия стихийных бедствий, зоонимы, фитонимы.

В соответствии с типом обозначаемого объекта все ономастические реалии романа Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» были классифицированы по следующим семантическим типам (см. табл. 1)

Таблица 1. Типы ономастических реалий в романе Джона Стейнбека
«Зима тревоги нашей»

Типы ономастических реалий	Кол-во, ед.	%	Примеры
Антропонимы	114	54	<i>Ethan Allen, Mary, Margie</i>
Топонимы	62	29,5	<i>Elm Street, High Street, Asia</i>
Хрононимы	19	9	<i>Good Friday, Resurrection, Easter</i>
Эргонимы	8	4	<i>Foremaster Grill, Tanger's drug store</i>
Хрематонимы	1	0,5	<i>Statue of Liberty</i>
Зоонимы	2	1	<i>Red Baker</i>
Каронимы	2	1	<i>Belle-Addair</i>
Документонимы	2	1	<i>The Declaration of Independence</i>
Всего	210	100	

Как видно из таблицы 1, наблюдается тенденция к преобладанию антропонимов, количество которых в романе насчитывает 114 единиц, что составляет 54% от общего количества (*Good morning, sir, my name is Ethan Allen Hawley*). Достаточно многочисленной является также группа топонимов, насчитывающая 62 единицы, что составляет 29,5% (*Elm Street runs at an angle into High Street two blocks from the old Ethan Allen Hawley house*). Помимо этого, автор использует в тексте хрононимы (*Easter, Memorial Day, Fourth of July, Labour Day – any long week-end. If I wanted to stick up a bank, I'd do it just before a long week-end*). Их в тексте насчитывается ровно 19 (9%), в то время как эргонимы (*He had no family, no connections and ate most of his meals at the Foremaster Grill*) встречаются в тексте реже, всего 8 раз, что составляет 4% от общего количества. Следующие четыре группы, которые включают в себя хрематонимы, зоонимы, каронимы и документонимы приблизительно равномерно употреблены в романе. Так, зоонимы (*the banker's dog, Red Baker, moved with slow dignity*), каронимы (*People say that my*

mother's family came over in the Mayflower) и документонимы (*He'd memorized the Declaration of Independence in dialect*) можно встретить в тексте всего по два раза, что составляет 1%, а хрематоним (*He knew the words on the bottom of the Statue of Liberty*) в романе автор использует всего раз, что равняется 0,5%.

2.1. Антропонимы. Антропонимом является любое собственное наименование, которое может иметь человек или группа людей. Антропонимика изучает собственные названия, связанные с человеком: имена, прозвища, фамилии и т. д. В романе «Зима тревоги нашей» насчитывается 114 антропонимов, которые включают в себя личные имена, фамилии и прозвища (см. табл. 2).

Таблица 2. Типы антропонимов в романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей»

Тип антропонима	Кол-во, ед.	%	Примеры
Личные имена	34	30	<i>Ethan, Mary, Margie</i>
Фамилии	47	41	<i>Hawley, Taylor, Biggers</i>
Прозвища	33	29	<i>Miss Mousie, Mr Smart</i>
Всего	114	100	

Исходя из таблицы 2, представляется возможным увидеть, что в романе Стейнбека наиболее часто используются личные имена и фамилии, например: «*For dyeing. Allen and Mary Ellen asked specially*». В тексте насчитывается 34 личных имени, что составляет 30% от общего количества, в то время как фамилий в романе 47, что равняется 41%. Помимо фамилий и имён, немаловажное место среди типов антропонимов занимают прозвища: «*Oh say, Miss Mousie, will you marry me?*», «*Okay, bugflower*». В своём романе автор использует ровно 33 прозвища, что составляет 29% от общего количества.

Семантика антропонимов романа «Зима тревоги нашей» очень разнообразна. В данном произведении употребляются имена деятелей искусства и имена литературных персонажей: «*Oh, you might take a look at Walt Whitman or Mark Twain. They're all up there in the attic*».

Помимо этого, в романе встречаются имена общественных и политических деятелей: «*Its first settlers and my ancestors took the West Indies for their own under Cromwell and came finally to roost on the northern coast, holding charters from the returned Charles Stuart*».

Также в романе присутствуют аллюзивные антропонимы, которые включают в себя литературные имена и библейские. К литературным именам относится *Moby Dick* – название приключенческого китобойного романа Германа Мелвилла («*Read Moby Dick, dog. That's my advice to you*»). Библейских же имён в романе «Зима тревоги нашей» больше. Это связано с тем, что английская культура ещё с давних времён имела большое влияние на американскую. В Англии, где в XVI-XVII вв. укрепилась власть церкви,

появилась тенденция называть людей именами канонизированных святых, которая, в частности, отразилась и в американской культуре, в произведениях различных авторов и в быту простого народа. Так, в романе Стейнбека довольно часто встречаются имена *Adam*, *Simon*, *Deborah*, что является неопровергимым подтверждением взаимодействия английской и американской культур.

2.2. Топонимы. К данной группе ономастических реалий принято относить наименования городов, стран, площадей, улиц, также названия гор, хребтов, вершин и холмов. Помимо всего вышеперечисленного топонимы включают в себя наименования географических водных объектов, среди которых названия океанов, морей, озёр и рек.

В произведении «Зима тревоги нашей» насчитывается 62 топонима. Анализируя топонимикон романа, можно выделить следующие типы топонимов: хоронимы, гидронимы, ойконимы, урбанонимы и оронимы (см. табл. 3).

Таблица 3. Типы топонимов в романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей»

Типы топонимов	Кол-во, ед.	%	Примеры
Хоронимы	8	13	
а) страны	6		<i>Italy, Cuba</i>
б) континенты	2		<i>Europe, Asia</i>
Гидронимы	3	5	
а) моря	1		<i>The China Sea</i>
б) океаны	2		<i>The Atlantic Ocean</i>
Ойконимы	39	63	
а) астионимы	39		<i>New York, Washington</i>
Урбанонимы	8	13	
а) годонимы	8		<i>Elm Street, High Street</i>
Оронимы	4	6	<i>Clam Hill, Rocky Mountain</i>
Всего	62	100	

2.3. Другие. К другим типам изучаемых ономастических реалий относятся хрононимы, которые А. В. Суперанская определяет как обозначения определённых отрезков и промежутков времени, среди которых выделяются хрононимы, указывающие на регулярно повторяющиеся явления и явления единичные в своём роде [Суперанская, 1985].

В романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» присутствуют хрононимы двух типов: исторически важных отрезков времени (*the Boston Tea Party, Resurrection*) и значимых для нации праздников (*Memorial Day, Good Friday, Easter, Christmas, Labour Day*). Герои романа довольно часто упоминают в своих диалогах праздники и различные важные даты, что свидетельствует об их уважении и почтении давних американских

традиций и истории: «*My ancestors, those highly revered ship-owners and captains, surely had commissions to raid commerce in the Revolution and again in 1812*».

Помимо хрононимов в произведении Джона Стейнбека встречается такой тип ономастических реалий, как эргонимы: «*There was a time when a few towns like New Baytown furnished the whale oil that lighted the Western World. Student lamps of Oxford and Cambridge drew fuel from this American outpost*». Их в романе насчитывается 8, что составляет 4% от общего количества. Н. В. Подольская определяет эргонимы как имена собственные делового объединения людей.

Наименее частотными в произведении «Зима тревоги нашей» являются зоонимы – клички животных («*The banker's dog, Red Baker, sniffed the passenger list on the elm trunks*»), каронимы – наименования кораблей («*He and my daddy owned the Belle-Adair together*»), документонимы – названия важных документов («*He'd memorized the Declaration of Independence*») и хрематонимы – наименования предметов материальной культуры («*He knew the words on the bottom of the Statue of Liberty*»).

3. Лингвокультурологические особенности ономастических реалий.

Ономастическая лексика обладает лингвокультурологической ценностью. В имени собственном сокрыта характеристика определенной эпохи и культуры. В романе Стейнбека имя каждого персонажа характеризует не только его индивидуальные особенности, но также и социальный класс, к которому он относится, тем самым давая читателю широкое представление о социальном положении Америки во второй половине двадцатого столетия. Для сравнения можно использовать имя главного героя и имя чиновника из министерства юстиции. *Ethan Allen Hawley* ‘Итан Аллан Хоули’, которое означает «сильный, чистый и благородный человек». *Eythan* от древнеевр. ‘сильный, крепкий’, *Allen* – *harmony, noble* (OE) ‘благородный’, *Hawley* – *haugr* (Old Norm.), *leah* (OE), *clearing* (NE) ‘прояснение’. В романе главный герой – Итан Аллан – честный и порядочный человек – вынужден работать продавцом в бакалейной лавке после череды финансовых и деловых неудач. Главный герой хорошо эрудирован, почитает традиции своей страны и предельно честно относится к своим обязанностям. Анализируя поступки и поведение Итана Алана, его рефлексию и сомнения, становится понятным, что в данном образе человека, перед которым стоит выбор – материальное благополучие или моральные принципы, – автор изображает Америку 60-х годов, которая находилась под гнетом социальной безнравственности и в тисках отголосков буржуазии прошлых веков. Так же, как и перед главным героем данного произведения, так и перед людьми того

времени стоял выбор: богатство или человечность, и через рефлексию и сомнения своего персонажа, Стейнбек пытался достучаться до каждого человека той эпохи.

Вышеупомянутые отголоски и тиски буржуазии также присутствуют в романе «Зима тревоги нашей» и отображаются в образах Марджи Янг-Хант, Джоя Морфи, Ричарда Уолдера и даже любимой жены Итана Мэри. *Margie Young-Hunt, Margie – a child of light (AE), Young ‘молодая’, Hunt ‘охотница’*. Этимологически имя полностью характеризует данного персонажа, так как подруга жены главного героя обеспечивает себе безбедное существование тем, что она «охотится» на богатых мужчин, однако помимо этого Марджи является одним из косвенных источников, который подталкивает Итана на совершение преступления. Марджи предсказывает будущее на картах жене главного героя, тем самым побуждая её поддаваться мечтаниям о красивой жизни и подстрекать мужа на незаконное и нечестное овладение землёй и овощной лавкой, в которой он работает.

К персонажам, которые влияют на поступки главного героя, его нравственные принципы и моральные устои, относятся также любимая жена Итана, *Mary* и чиновник, приехавший из Нью-Йорка – *Richard Walder*. *Richard Walder* ‘Ричард Уолдер’ означает «сила» или «человек, который отдает приказы». *Richard* – power (PG), *Walder* – giveroftorders (OF). В романе Ричарда очень удивляет поступок Марулло, хозяина лавки, где работает главный герой, ведь тот, в силу некоторых обстоятельств, отдаёт свою лавку Итану за всю его честную работу на протяжении долгих лет и данный поступок порождает шок в душе чиновника: «*It's kind of complicated. Don't know quite where to begin. It's not in the book. Hawley, I've been in the service twelve years and I've never had anything like this before*». Однако не Ричард, не Марджи и даже не Джой являются тем самым спусковым крючком, последней каплей терпения главного героя, концом его терпения и новой, твердой уверенностью в том, что совершение преступления во благо не является преступлением как таковым. Той самой причиной, из-за которой Итан отрекается от своих человеческих, моральных убеждений, является его жена *Mary* ‘любимая’, которая неоднократно твердит ему о его неудачах, бедности и о том, что она уверена, что вскоре всю их семью ждёт большое и светлое будущее: «*It's very soon. You're going to be a rich man*». В то время как Итан говорит своему сыну о деньгах следующим образом: «*Money is not friendly, Kid. Money is not nice. Money got no friends but more money*». Мэри, для которой принципы Итана очень далеки и которая искренне считает, что «хорошая жизнь – жизнь без бедности». Мэри, которая не признает бедняка Дэни Тейлора. Мэри – образ, в котором Стейнбек воплотил давление буржуазного класса и прагматичного мышления на Америку 60-ых годов.

4. Выводы. Таким образом, было установлено, что ономастические реалии в романе «Зима тревоги нашей» могут быть классифицированы по следующим семантическим типам: антропонимы, топонимы, хрононимы, зоонимы, эргонимы, документонимы и хрематонимы. Наиболее продуктивным является тип антропонимов, который включает в себя личные имена, фамилии, прозвища. Чаще всего в романе встречаются личные имена. Однако семантика произведения разнообразна, поэтому в романе становится возможным увидеть имена политических деятелей, деятелей искусства и литературных героев.

Помимо антропонимов, в своём произведении Стейнбек использует большое количество топонимов, среди которых встречаются хоронимы, гидронимы, оронимы, ойконимы и урбанонимы. Наиболее частотным разрядом топонимов является класс ойконимов, в который входят астионимы – наименования городов и различных районов.

Также в романе были использованы другие ономастические реалии, среди которых хрононимы, зоонимы, эргонимы, документонимы, хрематонимы.

Структура ономастических реалий романа Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» отличается разнообразием. Результаты структурного анализа языкового материала позволяют выделить три структурных типа ономастических реалий: однокомпонентные, двухкомпонентные и трёхкомпонентные. Среди антропонимов преобладают имена с однокомпонентной структурой (*Mary, Ethan, Ellen, Margie*), среди топонимов однокомпонентные лексические единицы (*Asia, Boston*). Также в романе наиболее часто используются хрононимы, содержащие два компонента (*Memorial Day, Labour Day*) и эргонимы с трёхкомпонентной структурой (*Foremaster Cofee Shop, Safe Rite Store*).

Глубокое изучение ономастических реалий в романе Джона Стейнбека «Зима тревоги нашей» позволило определить их лингвокультурологические особенности, доказывая, что ономастические единицы являются непосредственным источником информации о культуре и эпохе, в которую было создано произведение. Таким образом, представилось возможным сделать вывод, что ономастическая лексика – связующее звено между языком и культурой, а также уникальная особенность идиостиля автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Отражение культурных кодов во фразеологической картине мира // Multilingual education: theories and practices: international forum proceedings / editors: S. B. Kuanyshbayev, E. Smetanova. 1. Vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. P. 13-23.
2. Бессонова О. Л. Антропоморфный код во фразеологических системах разноструктурных языков // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике. Москва: МГИМО-Университет, 2019. Т. 1. С. 339-344.

3. Бромберже К. К антропологическому анализу антропонимов // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12). С. 116-145.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Москва: Изд. МГУ, 1973. 53 с.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 7-29.
6. Воробьев В. В. Лингвокультурология. Москва: Академия, 2008. 340 с.
7. Живоглядов А. А. Реализация поэтической функции английских имен собственных личных. Москва: Прометей, 1998. 140 с.
8. Зайцева К. Б. Английская стилистическая ономастика. Одесса, 1973. 68 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.
10. Карпенко О. Ю. Структура хрононімічного фрейму // Записки з ономастики. Одеса: Астропrint, 2008. Вип. 11. С. 111-118.
11. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. Москва, 1986. № 4. С. 34-40.
12. Кретов А. А., Фененко Н. А. Лингвистическая теория реалии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7-13.
13. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва: Academia, 2004. 202 с.
14. Неклесова В. Ю. Хрононіми у руслі когнітивної ономастики // Записки з ономастики. Одеса: Астропrint, 2009. Вип. 12. С. 64-73.
15. Немировская Т. В. Некоторые проблемы литературной ономастики // Актуальные вопросы русской ономастики. Киев: УМК ВО, 1988. С. 112-122.
16. Никонов В. А. Введение в топонимику. Москва: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
17. Никонов В. А. Имя и общество. Москва: Наука, 1974. 278 с.
18. Пименова М. В. Языковая картина мира. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2011. 113 с.
19. Суперанская А. В. Имя – через века и страны. Москва: Наука, 1990. 192 с.
20. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 366 с.
21. Суперанская А. В. Что такое топонимика? Москва: Наука, 1985. 175 с.
22. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996. 289 с.
23. Томахин Г. Д. Америка через американцы. Москва: Высшая школа, 1982. 256 с.
24. Томахин Г. Д. Реалии в культуре и языке // Иностранные языки в школе. 1981. № 1. С. 64-69.
25. Byessonova Olga. Teaching idioms: challenges and approaches // Current Higher Education Environment: Views and Perspectives: non-conference proceedings / editors: S. B. Kuanyshbayev, E. Smetanova. 1. Vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. P. 36-42.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1966. 607с.
2. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-ое изд. Москва: Наука, 1988. 192 с.
3. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. 443 p.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, 2003. 949 p.

REFERENCES

1. Byessonova, O. L. (2017). Otrazhenie kulturnykh kodov vo frazeologicheskoy kartine mira [Reflection of cultural codes in the phraseological image of the world]. In *Multilingual education: theories and practices: international forum proceedings* / editors: S. B. Kuanyshbayev, E. Smetanova. 1. Vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute. Pp. 13-23. (In Russ.).
2. Byessonova, O. L. (2019). Antropomorfnyy kod vo frazeologicheskikh sistemakh raznostrukturnykh yazikov [Anthropomorphic code in phraseological systems of different-structured languages]. In *Magiya INNO: integrativnye tendentsii edinits v lingvistike i lingvodidaktike*. Moskva. T. 1. Pp. 339-344. (In Russ.).
3. Bromberge, K. (2012). K antropologicheskomy analizu antroponimov [To anthropological analysis of anthroponyms]. In *Voprosy onomastiki*. No. 1(12). Pp. 116-145. (In Russ.).
4. Vereshchagin, E. M., Kostomarov, V. G. (1973). *Yazik i kultura* [Language and culture]. Moskva: Izd. MGU. (In Russ.).
5. Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost, kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Cultural linguistics, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics]. In *Filologicheskie nauki*. No. 1. Pp. 7-29. (In Russ.).
6. Vorobev, V. V. (2008). *Lingvokulturologiya* [Cultural linguistics]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
7. Zhivoglyadov, A. A. (1998). *Realizatsiya poeticheskoy funktsii angliyskikh imen sobstvennykh lichnykh* [Implementation of the poetic function of English proper personal names]. Moskva: Prometey. (In Russ.).
8. Zaytseva, K. B. (1973). *Angliyskaya stilisticheskaya onomastika* [English stylistic onomastics]. Odessa. (In Russ.).
9. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost, kontsept, diskurs* [Language circle: personality, concept, discourse]. Volgograd: Peremen. (In Russ.).
10. Karpenko, O. Yu. (2008). Struktura khrononimichnogo freymu [The structure of the chronological frame]. In *Zapisky z onomastyky*. Odesa: Astroprint. Vyp. 11. Pp. 111-118. (In Ukr.).
11. Karpenko, Yu. A. (1986). Imya sobstvennoe v khudozhestvennoy literature [Proper name in fiction]. In *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. Moskva. No. 4. Pp. 34-40. (In Russ.).
12. Kretov, A. A., Fenenko, N. A. (2013). Lingvisticheskaya teoriya realii [Linguistic theory of realia]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No. 1. Pp. 7-13. (In Russ.).
13. Maslova, V. A. (2004). *Lingvokulturologiya* [Cultural linguistics]. Moskva: Academia. (In Russ.).
14. Neklesova, V. Yu. (2009). Khrononimy u rusli kognitivnoi onomastiki [Chrononimies in line with cognitive onomastics]. In *Zapisky z onomastyky*. Odesa: Astroprint. Vyp. 12. Pp. 64-73. (In Ukr.).
15. Nemirovskaya, T. V. (1988). Nekotorye problemy literaturnoy onomastiki [Some problems of literary onomastics]. In *Aktualnye voprosy russkoy onomastiki*. Kiev: UMK VO. Pp. 112-122. (In Russ.).
16. Nikonov, V. A. (2011). *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moskva: Izd-vo LKI. (In Russ.).
17. Nikonov, V. A. (1974). *Imya i obshchestvo* [Name and Society]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
18. Pimenova, M. V. (2011). *Yazykovaya kartina mira* [Linguistic image of the world]. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t. (In Russ.).
19. Superanskaya, A. V. (1990). *Imya – cherez veka i strany* [Name – through centuries and countries]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

20. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
21. Superanskaya, A. V. (1985). *Chto takoe toponimika?* [What is toponymy?]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
22. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
23. Tomakhin, G. D. (1982). *Amerika cherez amerikanizmy* [America through Americanisms]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
24. Tomakhin, G. D. (1981. Realii v kulture i yazyke [Realia in culture and language]. In *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 1. Pp. 64-69. (In Russ.).
25. Byessonova, Olga. Teaching idioms: challenges and approaches. In *Current Higher Education Environment: Views and Perspectives: non-conference proceedings* / editors: S. B. Kuanyshbayev, E. Smetanova. 1. Vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. Pp. 36-42.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (1966). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moskva: Izdatelstvo «Sovetskaya entsiklopediya». (In Russ.).
2. Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2-oe izd. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Hanks, P., Hodges, F. (2006). *A Dictionary of First Names*. Oxford, New York: Oxford University Press.
4. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Pearson Education Limited, 2003.

Бессонова Ольга Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии (e-mail: olgbessonova@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Любченко Любовь Эдуардовна – магистр кафедры английской филологии (e-mail: lyubov.lyubchenko.99@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 2

Bessonova Olga L. – Doctor of Philology, Professor, Head of English Philology Department (e-mail: olgbessonova@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Lyubchenko Lyubov E. –Master of English Philology Department (e-mail: lyubov.lyubchenko.99@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 02 ноября 2020 г.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНКИ В ОППОЗИЦИИ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье описываются средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне. В ходе анализа языкового материала установлена репрезентативность выделенных синтаксических средств оценочного выражения оппозиции «свой-чужой» в медиатекстах жанров news report и feature article.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, новостное сообщение, очерк, конфликт, оценка, жанр, оппозиция

© 2020 E. V. Gordienko

SYNTACTIC MEANS OF REALISATION OF EVALUATION IN OPPOSITION «WE-THEY» IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

The article addresses to means of expression of evaluation in opposition «we-they» on a syntactic level. In the course of analysis, the representability of the syntactic means of evaluative expression of the opposition «we-they» was identified in news reports and feature articles.

Key words: discourse of media, media text, news report, feature article, conflict, evaluation, genre, opposition

1. Вводные замечания. Настоящая статья посвящена изучению синтаксических средств реализации оппозиции «свой-чужой» в британском медиадискурсе.

Предметом исследования является оценка, реализующаяся в категории «свой-чужой», **объектом** выступают средства ее выражения в изучаемой оппозиции.

В современных условиях перед мировым обществом стоят глобализационные и миграционные вызовы, в связи с чем проблема дифференциации находится в фокусе различных научных дисциплин. Представляется целесообразным отметить тот факт, что оппозиция «свой-чужой» рассматривается учеными с разных точек зрения в зависимости от исследовательской установки и целей исследования. В концепциях М. Н. Петроченко [Петроченко, 2006] и Е. Ю. Протасовой [Протасова, 2015] отношение «свой-чужой» – это категория. И. С. Выходцева [Выходцева, 2006], О. Н. Паршина [Паршина, 2004] изучают искомую дилемму как концепт. Для М. Н. Иванова [Иванов, 2004], О. А. Смоляк [Смоляк, 2004] деление на «своих» и «чужих» представляет собой архетип. Ю. С. Степанов исследует диаду «свой-чужой» как концепт, возводя его при этом к архетипу [Степанов, 2001]. В работе А. Н. Кабацкова, О. Л. Лейбовича, В. Н. Стегния и Н. В. Шушковой [Кабацков, Лейбович, Стегний, Шушкова, 2004] противопоставление «свой-чужой» анализируется в качестве мифологемы.

Поскольку в настоящей работе оппозиция «свой-чужой» рассматривается сквозь призму оценки, представляется целесообразным рассматривать эту оппозицию как категорию, поскольку данный подход является максимально широким, что позволяет в полной мере раскрыть все грани взаимодействия оппозиции «свой-чужой» с категорией оценки [Матвеева, 2013]. Поскольку оппозиция «свой-чужой» всегда содержит в себе оценочный компонент, с одной стороны, и изучается в настоящем исследовании именно через призму оценки, с другой стороны, представляется логичным рассматривать ее реализацию с точки зрения акта оценки. Так, акт оценки, представляющий собой сложное образование, включающее в себя механизм ее концептуализации, кодирования и декодирования, имеет уровневую структуру, в которой можно выделить перцептивный, когнитивный и прагматический уровни. Именно на прагматическом уровне акт оценки объекта оценивающим его субъектом предстает в завершенном виде [Чудинов, 2003: 17].

Материалом нашего исследования являются медиатексты жанров *news report* и *feature article*, опубликованные в британских изданиях (The Guardian, Daily Express, Daily Mail). Ключевой тематикой отобранных публикаций являются актуальные конфликтные ситуации в мире.

Проявление оппозиции «свой-чужой» многопланово и включает средства разных языковых уровней (см. работу Е. В. Гордиенко [Гордиенко, 2018]). **Целью** данной работы является описание синтаксических средств реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» в англоязычных медиатекстах.

2. Результаты исследования. К синтаксическим средствам актуализации оценки в лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» относятся вопросительные и восклицательные предложения, активные и пассивные залоговые конструкции, модальные высказывания, вопросно-ответные единства, синтаксические стилистические средства (см. табл.).

Таблица. Синтаксические средства выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в медиадискурсе Великобритании

Языковое средство	Количество	%
Вопросительные предложения	80	16
Восклицательные предложения	75	15
Модальные высказывания	60	12
Залоговые конструкции	60	12
Вопросно-ответные единства	50	10
Повелительное наклонение	25	5
Синтаксические стилистические средства	150	30
<i>Всего</i>	<i>500</i>	<i>100</i>

Оценка в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне может реализоваться посредством вопросительных предложений и вопросно-ответных единиц. Медиатекст жанра *feature article* издания The Guardian *Why does Syria still have chemical weapons?* посвящен очередным обвинениям США и Великобритании в адрес сирийского правительства в связи с якобы нежеланием Башара Асада избавиться от имеющихся остатков химического оружия. Власти Сирии в публикации оцениваются как «чужие». Приведенный выше заголовок представляет собой риторический вопрос, который автор использует для установления контакта с читателями, тем самым изначально негативно оценивая Сирию, поскольку вопрос непосредственно предполагает использование сирийскими властями химического оружия. Для закрепления своеобразного эффекта интеграции автор не только задает читателям вопросы, но и отвечает на них с целью имитации диалога между ним и аудиторией: *Did Syria promise to abandon its chemical weapons stockpile? Yes ... In great haste, three days later Syria agreed to join the 1997 Chemical Weapons Convention; Were all Syria's chemical weapons destroyed? No. The OPCW weapons inspectors could only authenticate that declared chemical weapons had been destroyed, even though there were suspicions in the west that Syria had hidden as much as 10% of its stockpile.* Приведенный текстовый фрагмент также раскрывает негативную оценку автором публикации «чужого» – Асада, режим которого автор повторно уличает во вранье касательно уничтожения имеющегося в стране химического оружия.

Еще одним продуктивным синтаксическим средством реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» являются восклицательные предложения. В анализируемых примерах отмечено взаимодействие оценочного и эмотивного компонентов значения в контексте высказывания, при этом следует отметить, что в большей мере данное взаимодействие характерно для лексического уровня (см. работу О. Л. Бессоновой [Byessonova, 2014]). В медиатексте жанра *feature article* The Guardian *Hong Kong police claim university has become 'refuge for criminals'* говорится о том, что университеты Гонконга стали своеобразными центрами протестного движения, больше напоминающие крепости в состоянии осады. «Чужими» в публикации выступают власти Гонконга, «своими» издание позиционирует протестующих студентов. В отрывке *Bricks were strewn across the normally busy, traffic-filled thoroughfares as white-collar workers shouted slogans. Some held placards emblazoned: «Do not shoot our young people!»* восклицательное предложение *Do not shoot our young people!* является средством выражения негативной оценки по отношению к «чужим», использование которого свидетельствует о желании автора более ярко подчеркнуть степень жестокости, проявляемой полицией по отношению к протестующим.

Реализация оценки в оппозиции «свой-чужой» также находит выражение в модальных высказываниях, в которых выраженное модальным глаголом отношение оценивается как плохое / хорошее [Николаева, 2017: 45]. В медиатексте жанра *feature article*, опубликованном в популярном издании Daily Express, *ISIS still poses MAJOR threat – terror group stashes £230MILLION to fund future attacks* говорится о том, что угроза, исходящая от боевиков ИГИЛ (запрещена на территории РФ), может сохраниться даже после того, как остатки халифата будут уничтожены в Сирии. В примере *Mr Voronkov warned «radicalised women and traumatised minors may also pose a serious threat»* автор высказывания негативно оценивает ИГИЛ и тех, кто может их поддерживать, как «чужих», выражая свое опасение в связи с вероятной угрозой, исходящей от приверженцев ИГИЛ, что подчеркивается модальным глаголом *may* ('used to say that something is possible').

Актуализация оценки в дихотомии «свой-чужой» может выражаться как активным, так и пассивным залогом. Так, в медиатексте жанра *news report*, опубликованного в британском издании The Guardian, относящемуся к качественной прессе, *US and UK blame Russia for ‘malicious’ cyber-offensive* речь идет о совместном техническом предупреждении США и Великобритании, в котором они заявляют о возможной киберугрозе со стороны России. В приведённом примере взаимодействие «своих» – США и Великобритании, с «чужим» – Россией, строится по типу конфигурационной модели «С → – Ч». В отрывке *He said 50% of all UK companies had been attacked and as a result were having to invest millions in cybersecurity* «свой» в лице компаний Великобритании, подвергшихся кибератакам, описывается как с помощью активного, так и пассивного залогов. С одной стороны, пассивный залог в грамматической основе *companies had been attacked*, перемещая акцент с инициатора действий, применяется автором для того, чтобы показать беззащитность и невиновность «своего». С другой стороны, активный залог *were having to invest* подчеркивает, что «свой» пойдет на любые затраты с целью предотвратить последующие угрозы со стороны кибертеррористов. Указанные примеры раскрывают негативную оценку по отношению к «чужому» – России, по их словам, представляющей угрозу западной кибербезопасности.

Еще одним синтаксическим средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» является повелительное наклонение. В медиатексте жанра *feature article* британского популярного издания Daily Express *EU savaged for FAILURE to stand up to Iran's brutal regime: 'ACT NOW!'* жестко критикуется ЕС за провальные попытки противостоять безжалостному режиму Ирана. Оппозиция «свой-чужой» в публикации

раскрывается в конфигурационной модели $C_1 \rightarrow -C_2$: представители ЕС и США выступают «своими» и при этом негативно оцениваются в представленном материале, в то время как «чужими» являются представители Ирана. В текстовом фрагменте *He [former French Senator Jean-Pierre Michel] added: «I want to call upon our governments, European governments, Jean-Yves Le Drian and Federica Mogherini, do not fear the Iranian Resistance. Open your eyes and ears. Retake the dignity that the status of Europe brings upon you, take back the dignity of the Europeans. Support the Iranian Resistance»* французский политик Жан-Пьер Микаэль (C_1) негативно оценивает бездействие политических лидеров ЕС (C_2) по отношению к непрекращающимся нарушениям прав человека в Иране, что выражается в имплементации повелительного наклонения.

Синтаксические стилистические приемы также являются средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» в британском медиадискурсе. Наиболее репрезентативными здесь являются градация и параллелизм.

Так, оценка, реализующаяся в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне, находит свое выражение в новостном сообщении *UK accuses Kremlin of ordering series of 'reckless' cyber-attacks*, опубликованном в качественном издании *The Guardian*. Утверждается, что военная разведка России стоит за кибернападениями на западные политические институты, корпорации и спортивные организации. Оценочное взаимодействие в рамках оппозиции «свой-чужой» раскрывается в следующем фрагменте: *The British government claimed the attacks **had been conducted** «in flagrant violation of international law, **had affected citizens** in a large number of countries, including Russia, and **had cost national economies** millions of pounds*. В приведенном выше примере для оценки негативных действий России как «чужого» автор прибегает к использованию синтаксического стилистического приема параллелизма, который заключается в повторении идентичной конструкции *Had (been) + PII + (in) N*, с целью эмфатического привлечения внимания аудитории к «злодействиям», совершаемым Россией.

Еще одним стилистическим средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» на синтаксическом уровне является прием градации (климакс). Так, в уже упомянутом выше медиатексте жанра *news report* *US and UK blame Russia for 'malicious' cyber-offensive* положительная оценка совместных действий Великобритании и США раскрывается в отрывке *Rob Joyce, the White House cybersecurity coordinator, set out a range of actions the US could take such as fresh sanctions and indictments as well as retaliating with its own cyber-offensive capabilities. «We are pushing back and we are pushing back hard», he said.* В данном примере синтаксический прием эмоциональной градации достигается благодаря повторению конструкции *pushing back, pushing back hard*, подтверждающей тот

факт, что «свои» в лице представителей, отвечающих за кибербезопасность, предпринимают попытки по противостоянию «чужому», при этом использование наречия *hard* подчеркивает все усилия со стороны «своих», соответственно характеризует их действия положительно / хорошо.

Менее репрезентативным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» является синтаксический стилистический прием обособления, заключающийся в отделении второстепенных членов предложения с целью акцентирования внимания на них. Так, в медиатексте жанра *feature article* ‘*The fight of my life*’: *Elizabeth Warren kicks off 2020 bid in Iowa* («свой» – автор статьи как имплицитный субъект оценки, «чужой» – сенатор США, Элизабет Уоррен) в текстовом фрагменте «*That’s the difference in America*», *Warren continued. «It is an America right now that works for the rich and the powerful. And we need to call that out for what it is: corruption, pure and simple»* оценка со стороны Э. Уоррен выражается в обособлении *corruption, pure and simple*. В приведенном отрывке Э. Уоррен негативно оценивает текущую политику США, направленную на благо богатых и могущественных, что она называет всего лишь обычной коррупцией.

Также менее репрезентативным средством выражения оценки в оппозиции «свой-чужой» может являться синтаксический стилистический прием повтора. Так, в новостном сообщении *Russia ‘tested its poison on handles’* влиятельного издания *The Guardian* отмечается, что российские спецслужбы начали тестировать яд на дверных ручках как минимум за 5 лет до так называемого отравления Сергея и Юлии Скрипалей. В данной публикации синтаксический стилистический прием анафоры (повтор начальных элементов как минимум двух следующих один за другим предложений) используется автором публикации для того, чтобы подчеркнуть позицию издания о неоспоримости того, что за покушением на Скрипалей стоит Россия («чужой») и никто другой: *It is highly unlikely that any former Soviet republic (other than Russia) pursued an offensive chemical weapons programme after independence. It is unlikely that novichoks could be made and deployed by non-state actors (e.g. a criminal or terrorist group)*. Приводимые автором публикации доводы о том, что ни одна из бывших советских республик, кроме России, и никакие негосударственные политические силы (преступные или террористические группировки) не занимались разработками подобного рода химического оружия, свидетельствуют о том, что, по мнению редакции и автора данного медиатекста, единственным исполнителем преступления могли быть только российские спецслужбы.

Еще одним синтаксическим средством реализации оценки в оппозиции «свой-чужой» является стилистический прием асиндектона, заключающегося в

преднамеренном опущении соединяющих слов). В медиатексте жанра *feature article* популярного издания Daily Mail *British volunteers prepare to battle Turkish military in Syria following Erdogan's 'Operation Olive Branch' offensive, saying it is their 'duty' to fight alongside Kurds after helping their struggle against ISIS* речь идет о том, что сотни западных добровольцев сражаются на стороне курдов не только против ИГИЛ (запрещена на территории РФ), но и против турков, проводящих военную операцию в Африне. В отрывке *Senior SDF official Redur Xelil declined to say when the foreigners had gone to Afrin, but said they numbered in the 'tens'. 'They will wage battles against the Turkish invasion', Xelil said. 'There are Americans, Britons, Germans, different nationalities from Europe, Asia and America', Xelil said.* Стилистический прием асиндетона подчеркивает тот факт, что союзники, т. е. «свои» (включая Сирийские демократические силы и добровольцев из Европы и США) единым фронтом выступают за то, чтобы вести бой против турецкого вторжения на территорию Сирии.

3. Выводы. В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что реализация оценки в оппозиции «свой-чужой» в британском медиадискурсе на синтаксическом уровне является многогранной и находит выражение в целом спектре синтаксических средств. Перспективным представляется сопоставление разноуровневых средств оценочной актуализации оппозиции «свой-чужой» в британском и американском медиадискурсах. Кроме того, следует отметить, что так же, как и изучение реалий, антропонимов, топонимов, идиоматической лексики, умение корректно идентифицировать и интерпретировать лингвокультурологическую оппозицию «свой-чужой» «развивает способность эффективной коммуникации и адекватного декодирования лингво- и социокультурных компетенций, тем самым отвечая мультикультурным требованиям современного общества» [Byessonova, 2017: 37]. Следовательно, дидактический ракурс рассмотрения этого лингвокультурологического феномена также можно отнести к перспективам исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выходцева И. С. Концепт «свой-чужой» в советской словесной культуре (20-30-е гг.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2006. 187 с.
2. Гордиенко Е. В. Оппозиция «свой-чужой» в новостных медиатекстах газеты The Guardian // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2018. Т. 14. Вып. 2–3 (40–41). С. 19–30.
3. Иванов М. Н. Типообразующие соотношения архетипа «свой / чужой» и склонности к терроризму: психофизиологические предикторы: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.02. Уфа, 2004. 154 с.
4. Лейбович О. Л, Стегний В. Н., Кабацков А. Н., Шушкова Н. В. Образ «Другого» в социальном сознании горожан (по материалам социологического исследования межнациональных отношений в г. Перми) // Мир России. Социология. Этнология. 2004.

№ 2. С. 43-65.

5. Матвеева А. А. Многоуровневый характер имплицитной оценки в выражении категории «свой-чужой» в английском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. № 8.1 (109). С. 67-72.

6. Николаева Е. В. Средства выражения оценочного компонента в английском языке // Вопросы филологии и межкультурной коммуникации. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. С. 44-47.

7. Паршина О. Н. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) // Филологические науки. 2004. № 3. С. 85-94.

8. Петроченко М. Н. Семантический компонент «свой / чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2006. 227 с.

9. Протасова Е. Ю. Полемика вокруг языка: свой или чужой? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2015. № 1. С. 134-149.

10. Смоляк О. А. Европейский дискурс другого (культурологические модели ориентирования человека в современном жизненном мире): автореф. дисс. ... канд. культуролог. наук: 24.00.01. Екатеринбург, 2004. 23 с.

11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Москва: Академический проект, 2001. 990 с.

12. Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник ВГУ. СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. Воронеж, 2003. № 1. С. 17-29.

13. Byessonova O. L. Conceptualisation of emotions and their verbalization in the English language evaluative thesaurus // The Subcarpathian Studies in English Language, Literature and Culture. Volume 1: Linguistics and Methodology / edited by: Grzegorz A. Kleparski, Ewa Konieczna, Beata Kopecka; recenzował Piotr P. Chruszczewski. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2014. P. 15-20.

14. Byessonova O. L. Teaching idioms: challenges and approaches // Current Higher Education Environment: Views and Perspectives : non-conference proceedings / editors: Seitbek Bekenovich Kuanyshbayev, Eva Smetanova; reviewers: Olga Byessonova, Svitlana Shandruk. 1. vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. P. 36-42.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. British volunteers prepare to battle Turkish military in Syria following Erdogan's 'Operation Olive Branch' offensive, saying it is their 'duty' to fight alongside Kurds after helping their struggle against ISIS // Daily Mail. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5306509/Britons-volunteers-ready-battle-Turkish-military.html>. (accessed: 30.09.2020).

2. EU savaged for FAILURE to stand up to Iran's brutal regime: 'ACT NOW!' // Daily Express. Available at: <https://www.express.co.uk/news/world/1085975/Iran-news-EU-iran-us-sanctions>. (accessed: 30.09.2020).

3. Hong Kong police claim university has become 'refuge for criminals' // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/13/hong-kong-student-protesters-bows-arrows-petrol-bombs-universities>. (accessed: 30.09.2020).

4. ISIS still poses MAJOR threat – terror group stashes £230MILLION to fund future attacks // Daily Express. Available at: <https://www.express.co.uk/news/world/1086292/isis-islamic-state-syria-war-europe-threat-un-security-council-report>. (accessed: 30.09.2020).

5. Russia 'tested its poison on handles' // The Guardian. Vol. 198 No. 20. 20-26.04.2018.

6. 'The fight of my life': Elizabeth Warren kicks off 2020 bid in Iowa // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jan/05/elizabeth-warren-2020-iowa-donald-trump>. (accessed: 30.09.2020).

7. UK accuses Kremlin of ordering series of ‘reckless’ cyber-attacks // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/oct/04/uk-accuses-kremlin-of-ordering-series-of-reckless-cyber-attacks>. (accessed: 30.09.2020).

8. US and UK blame Russia for ‘malicious’ cyber-offensive // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/16/us-and-uk-blame-russia-for-malicious-cyber-offensive#:~:text=The%20US%20has%20given%20the,into%20the%20US%20energy%20grid>. (accessed: 30.09.2020).

9. Why does Syria still have chemical weapons? // The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/18/why-does-syria-still-have-chemical-weapons>. (accessed: 30.09.2020).

REFERENCES

1. Vykhotseva, I. S. (2006). *Kontsept «svoy-chuzhoy» v sovetskoy slovesnoy kulture (20-30-e gg.)* [Concept ‘we-they’ in Soviet verbal culture (20-30s)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Saratov. (In Russ.).
2. Gordienko, E. V. (2018). Oppozitsiya «svoy-chuzhoy» v novostnykh mediatekstakh gazety The Guardian [Opposition «we-they» in the Guardian news report]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 14. Vyp. 2–3 (40–41). Pp. 19–30. (In Russ.).
3. Ivanov, M. N. (2004). *Typoobrazuyushchie sootnosheniya arkhetipa «svoy / chuzhoy» i sklonnosti k terrorizmu: psikhofiziologicheskie prediktory* [Type-forming correlations of the «we / they» archetype and the propensity for terrorism: psychophysical predictors]: diss. ... kand. psichol. nauk: 19.00.02. Ufa. (In Russ.).
4. Leybovich, O. L., Stegniy, V. N., Kabatskov, A. N., Shushkova, N. V. (2004). Obraz «Drugogo» v sotsialnom soznanii gorozhan (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya mezhnatsionalnykh otnosheniy v g. Permi) [The image of «the Other» in the social consciousness of the townspeople: based on the materials of a sociological study of interethnic relations in the city of Perm]. In *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. No. 2. Pp. 43–65. (In Russ.).
5. Matveeva, A. A. (2013). Mnogourovnevyy kharakter implitsitnoy otsenki v vyrazhenii kategorii «svoy-chuzhoy» v angliyskom yazyke [The multilevel nature of the implicit evaluation in the expression of the category «we / they» in English]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorya, pedagogika, filologiya*. No. 8.1 (109). Pp. 67–72. (In Russ.).
6. Nikolaeva, E. V. (2017). Sredstva vyrazheniya otsenochnogo komponenta v angliyskom yazyke [Means of expression of the evaluative component in English]. In *Voprosy filologii i mezhkulturnoy kommunikatsii*. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. Pp. 44–47. (In Russ.).
7. Parshina, O. N. (2004). Kontsept «chuzhoy» v realizatsii taktiki distantsirovaniya (na materiale politicheskogo diskursa) [The concept of «alien» in the implementation of distance tactics (based on the political discourse)]. In *Filologicheskie nauki*. No. 3. Pp. 85–94. (In Russ.).
8. Petrochenko, M. N. (2006). *Semanticheskiy komponent «svoy / chuzhoy» v folklornom i dialektnom bytovom tekstakh* [Semantic component ‘we-they’ in folklore and dialect everyday texts]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Tomsk. (In Russ.).
9. Protasova, E. Yu. (2015). Polemika vokrug yazyka: svoy ili chuzhoy? [Language controversy: ours or theirs?]. In *Uralskiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost: lingvistika kreativa*. No. 1. Pp. 134–149. (In Russ.).
10. Smolyak, O. A. (2004). *Evropeyskiy diskurs drugogo (kulturologicheskie modeli orientirovaniya cheloveka v sovremenном zhiznennom mire)* [European discourse of they (cultural models of human orientation in the modern life world)]: avtoref. diss. ... kand. kulturolog. nauk: 24.00.01. Ekaterinburg. (In Russ.).
11. Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: slovar russkoy kultury* [Constants: a dictionary of Russian culture]. Moskva: Akademicheskiy proekt. (In Russ.).
12. Chudinov, A. P. (2003). *Rossiyskaya politicheskaya lingvistika: etapy stanovleniya*

I vedushchie napravleniya [Russian political linguistics: stages of formation and leading branches]. In *Vestnik VGU. SERIYa: LINGVISTIKA I MEZhKULTURNAYA KOMMUNIKATsIYa*. Voronezh. No. 1. Pp. 17-29. (In Russ.).

13. Byessonova, O. L. (2014). Conceptualisation of emotions and their verbalization in the English language evaluative thesaurus. In *The Subcarpathian Studies in English Language, Literature and Culture. Volume 1: Linguistics and Methodology / edited by: Grzegorz A. Kleparski, Ewa Konieczna, Beata Kopecka; recenzował Piotr P. Chruszczewski*. Rzeszów: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego. Pp. 15-20.

14. Byessonova, O. L. (2017). Teaching idioms: challenges and approaches. In *Current Higher Education Environment: Views and Perspectives: non-conference proceedings / editors: Seitbek Bekenovich Kuanyshbayev, Eva Smetanova; reviewers: Olga Byessonova, Svitlana Shandruk*. 1. vyd. Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute. Pp. 36-42.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. British volunteers prepare to battle Turkish military in Syria following Erdogan's 'Operation Olive Branch' offensive, saying it is their 'duty' to fight alongside Kurds after helping their struggle against ISIS. In *Daily Mail*. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5306509/Britons-volunteers-ready-battle-Turkish-military.html>. (accessed: 30.09.2020).

2. EU savaged for FAILURE to stand up to Iran's brutal regime: 'ACT NOW!'. In *Daily Express*. Available at: <https://www.express.co.uk/news/world/1085975/Iran-news-EU-iran-us-sanctions>. (accessed: 30.09.2020).

3. Hong Kong police claim university has become 'refuge for criminals'. In *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/13/hong-kong-student-protesters-bows-arrows-petrol-bombs-universities>. (accessed: 30.09.2020).

4. ISIS still poses MAJOR threat – terror group stashes £230MILLION to fund future attacks. In *Daily Express*. Available at: <https://www.express.co.uk/news/world/1086292/isis-islamic-state-syria-war-europe-threat-un-security-council-report>. (accessed: 30.09.2020).

5. Russia 'tested its poison on handles'. In *The Guardian*. Vol. 198. No. 20. 20-26.04.2018.

6. 'The fight of my life': Elizabeth Warren kicks off 2020 bid in Iowa. In *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/jan/05/elizabeth-warren-2020-iowa-donald-trump>. (accessed: 30.09.2020).

7. UK accuses Kremlin of ordering series of 'reckless' cyber-attacks. In *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/oct/04/uk-accuses-kremlin-of-ordering-series-of-reckless-cyber-attacks>. (accessed: 30.09.2020).

8. US and UK blame Russia for 'malicious' cyber-offensive. In *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/technology/2018/apr/16/us-and-uk-blame-russia-for-malicious-cyber-offensive#:~:text=The%20US%20has%20given%20the,into%20the%20US%20energy%20grid>. (accessed: 30.09.2020).

9. Why does Syria still have chemical weapons? In *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/apr/18/why-does-syria-still-have-chemical-weapons>. (accessed: 30.09.2020).

Гордиенко Елена Витальевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: elena.gord2407@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Gordiienko Elena V. – Postgraduate Student
of English Philology Department
(e-mail: elena.gord2407@gmail.com),
State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Donetsk National University»
24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 02 ноября 2020 г.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ ОЦЕНКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX-XX ВЕКОВ

Статья посвящена описанию коммуникативно-прагматических особенностей оценочных речевых актов, функционирующих в художественном дискурсе XIX-XX веков. В статье дается определение оценочного речевого акта и выделены типы оценочных речевых актов, описаны их особенности и определена их частотность.

Ключевые слова: оценочное высказывание, речевой акт, пропозиционный смысл, иллоктивная сила.

© 2020 O. I. Ostashova

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC PECULIARITIES OF EVALUATIVE SPEECH ACTS IN BELLES-LETTRES TEXTS OF THE XIX-XX CENTURIES

The article addresses the description of communicative-pragmatic peculiarities of the evaluative speech acts in belles-lettres texts of the XIX-XX centuries. In the article the definition of an evaluative speech act is given. Types of evaluative speech acts are singled out, their peculiarities are described, their frequency is defined.

Key words: evaluative utterance, speech act, propositional sense, illocutionary force

Постановка научной проблемы и ее значение. В эпоху информационного взрыва, когда возрастают количество контактов между людьми, народами и культурами, общение и понимание рассматриваются в неразрывном единстве как форма жизнедеятельности человека, этноса, цивилизации. Поэтому целью современных лингвистических студий является исследование диалогического взаимодействия индивидов, ориентированного на их взаимопонимание, которое невозможно без учета ценностных реалий и интересов коммуникантов.

Изучение категории оценки через призму лингвопрагматического подхода является одним из наиболее перспективных в современной лингвистике. Оценка выступает как объективно-субъективное или субъективно-объективное отношение говорящего к ценностной сущности объекта окружающей действительности и объясняется через коммуникативные цели соответствующих речевых актов (далее РА) [Бессонова, 2019]. Такой подход выводит на первое место коммуникативную деятельность человека, а язык называет его главной конституирующей характеристикой и важнейшей составляющей.

Статья посвящена описанию коммуникативно-прагматических особенностей РА оценки. В статье дается классификация РА оценки, отражены параметры их дифференциации, а также описана их продуктивность в художественном дискурсе.

Актуальность предложенного исследования обусловлена интегрированным функциональным и лингвопрагматическим подходом к изучению коммуникативно-прагматических особенностей РА оценки в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков.

Объектом данного исследования выступают РА оценки типа *You are a ripping swimmer* ‘Ты первоклассный пловец’; *She’s very attractive* ‘Она очень привлекательная’. Корпус языкового материала исследования составляют 2871 контекстов, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных художественных текстов XIX-XX вв.

Предметом исследования являются коммуникативно-прагматические особенности оценочных высказываний, функционирующих в художественном дискурсе.

Цель исследования заключается в выявлении и описании коммуникативно-прагматических особенностей РА и их прагматической роли в речевой деятельности говорящих, изображенной в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX вв.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов. Для современного функционально-ориентированного подхода в языкознании характерно понимание высказываний как целенаправленных речевых действий. В прагмалингвистических исследованиях высказывание, языковой основой которого является предложение, рассматривается как элементарное речевое образование, используемое для достижения определенной коммуникативной цели [Маслова, 2007].

Под оценочным высказыванием (ОВ) мы понимаем интенционально обусловленное, грамматически, семантически и интонационно организованное речевое образование, с помощью которого субъект (лицо или группа лиц) выражает свое оценочное отношение к объекту действительности в определенной коммуникативной ситуации.

По мнению ученых (Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1985; Арутюнова, 1988], Ф. С. Бацевича [Бацевич, 2004], В. Г. Гака [Гак, 1998], Т. ван Дейка [1989], Дж. Остина [Остин, 1986], Дж. Серля [Серль, 1986], И. П. Сусова [Суслов, 2009]), высказывание выступает средством реализации речевого акта, который может отождествляться с предложением или совокупностью предложений. На этом основании ОВ, лежащие в основе порождаемого и передаваемого говорящим адресату оценочного сообщения, отождествляются нами с оценочными речевыми актами.

Н. Д. Арутюнова определяет речевой акт как целенаправленное речевое действие, совершающееся в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [Арутюнова, 1988].

Попытки классификации оценочных РА наталкиваются на проблему выделения категориальных признаков, которые позволили бы дать их системное описание. Как известно, проблемой оценочных речевых актов в отечественной лингвистике занималась Е. М. Вольф [Вольф, 2002]. В ее научной концепции оценочные высказывания рассматриваются как особый вид иллокутивных актов, имеющие своей целью изменить эмоциональное состояние говорящего и / или произвести эмоциональное воздействие на слушателя путем одобрения или неодобрения и называет их, вслед за Дж. Серлем, собственно экспрессивами или экспрессивами в узком смысле [Серль, 1986].

По нашему мнению, категориальные признаки оценочных РА, описанные Е. М. Вольф [Вольф, 2002], не полностью отображают специфику такого рода актов, поскольку далеко не все РА, связанные с выражением оценки, эмоционально направлены на собеседника, и не всегда их иллокутивный эффект состоит в изменении эмоционального состояния адресата речи. К оценочным мы предлагаем относить РА, иллокутивная интенция которых прямо или опосредованно связана с оценочной деятельностью говорящего.

В высказываниях необходимо различать его пропозиционный смысл и иллокутивную силу. Пропозиция, по мнению Н. Д. Арутюновой, – это стабильное семантическое ядро высказывания, обозначающее действительное или возможное положение дел [Арутюнова, 1985]. Под иллокутивной силой высказывания понимается коммуникативное намерение говорящего и совокупность условий, необходимых для его реализации. Как отмечает И. П. Сусов, иллокутивные силы, вмещающие в себя интенцию говорящего, которая декодируется адресатом, называются прагматической составляющей пропозиционного содержания, или прагматическим значением [Сусов, 2009].

Как утверждает Е. Н. Старикова, в пределах одного и того же высказывания возможно совмещение нескольких прагматических значений (первичного и вторичного), которое происходит вследствие прагматического совмещения. В таком случае, речь идет о полииллокутивных речевых актах – речевых образованиях, оформленных одним высказыванием, способным выполнять несколько акторечевых функций, которые находятся между собой в отношении взаимной поддержки [Старикова, 1985].

Большая часть исследуемых РА (2153 контекста – 75 %) соответствуют определению двухиллокутивных РА и характеризуется прагматической бивалентностью. Высказывания такого типа включают две иллокутивные направленности: ассертивную [Серль, 1986], которая подразумевает передачу негативного / позитивного суждения субъекта оценки об объекте оценки, и экспрессивную, цель которой – эмоционально повлиять на коммуниканта.

В ходе исследования двухиллокутивные РА были разделены по характеру присущей им оценки на позитивно-оценочные (1227 контекстов) и негативно-оценочные РА (926 контекстов).

Посредством контекстуального и интенционального анализа РА с положительной оценочной семой были разделены на следующие группы: 1) РА одобрения; 2) РА похвалы; 3) РА комплимента; 4) РА лести; 5) РА самопохвалы.

Таблица 1. Количество характеристики двухиллокутивных РА положительной оценки в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков

Типы позитивно-оценочных РА	Количество ед.	%
1. РА одобрения	429	35
2. РА похвалы	368	30
3. РА комплимента	246	20
4. РА лести	123	10
5. РА самопохвалы	61	5
<i>Всего:</i>	1227	100

В то же время среди ОВ с негативной семой целесообразно выделить следующие группы: 1) РА неодобрения; 2) РА порицания / осуждения; 3) РА оскорблений; 4) РА критики / упрека; 5) РА самопорицания.

Таблица 2. Количество характеристики двухиллокутивных РА отрицательной оценки в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков

Типы негативно-оценочных РА	Количество ед.	%
1. РА неодобрения	371	40
2. РА порицания / осуждения	185	20
3. РА оскорблений	139	15
4. РА критики / упрека	92	10
5. РА самопорицания	139	15
<i>Всего:</i>	926	100

РА одобрения как и неодобрения являются преимущественно реакцией коммуниканта на реплику собеседника, то есть возникают в рамках реактивного коммуникативного хода. Объектом оценки РА одобрения / неодобрения являются неодушевленные предметы, идеи, явления и т. д., а собеседник является лишь адресатом оценочного сообщения.

(1) ‘*It is Nicole’s garden,’ said Dick. ‘What a beautiful garden!’ Mrs. Speers exclaimed.*’ (Fitzgerald). ‘«Это сад Николь», – сказал Дик. «Какой красивый сад!» – воскликнула Миссис Спирс’.

(2) «*I think this great intimacy between Emma and Harriet Smith is a bad thing*». *said Mr. Knightley* (Austen). ‘«Я считаю, что эта близость между Эммой и Хэриет Смит – плохая затея»’.

В данных контекстах говорящий сообщает в пропозиционном содержании высказывания о том, что объект оценки соответствует / не соответствует ценностям, нормам, стандартам, и тем самым оценивает объект позитивно (примеры (1)) либо негативно (примеры (2)).

РА похвалы, так же как и порицания, функционируют в диалогическом общении в качестве инициирующего или ответного коммуникативного хода. Объект оценки в РА похвалы / порицания составляют моральные и интеллектуальные качества, внешность, манеры или поступки собеседника или лица, отсутствующего в момент коммуникации.

РА похвалы передают объективную положительную оценку объекта, его признание. Однако если собеседник является объектом похвалы, то основная иллокутивная цель такого РА – поддержать адресата, его самоуважение, уверенность и т. д.

(3) *The door opened and Michael Gosselyn looked up. Julia came in. «What's that young man doing here?» She asked. «He's the accountant. He comes from Lawrence and Hampshreys. «He looks very young. He is a gentleman». Julia said with a smile* (Maughan, 1998). ‘Дверь отворилась, Майкл Госселин поднял глаза. В комнату вошла Джуллия. «Что тут делает этот молодой человек?» «Это бухгалтер. Из конторы Лоренса и Хэмфри». «Он выглядит очень юным. Тактичный юноша», – сказала Джуллия с улыбкой’.

(4) ‘*But Miss Temple is the best –isn't she? 'Miss Temple is very good and very clever*’.

(Bronte). ‘«Но Мисс Тэмпл – лучшая, не так ли?» «Мисс Тэмпл – очень хорошая и очень умная»’.

В контексте (3) говорящим положительно оцениваются манеры третьего лица, присутствующего при акте коммуникации, в то время как в контексте (4) положительную оценку находят умственные способности третьего лица, отсутствующего в момент коммуникации.

РА порицания отличаются наименьшей строгостью отрицательной оценки, для выражения которой говорящий выбирает неаффективные, иногда общеоценочные предикаты. Для такого типа РА характерна иерархичность статусных ролей. Примером может служить контекст (5).

(5) ‘You naughty little thing!’ she said. ‘*Why don't you come when you are called?*’

(Bronte). ‘«Ты маленька капризная девчушка», – сказала она. «Почему ты не приходишь, когда тебя зовут?»’.

РА осуждения отличается от порицания тем, что осуждение представляет негативную оценку действий адресата, которые, по мнению говорящего, являются нарушением нравственных норм поведения. Примером может служить контекст (6) и (7):

(6) «*You're a bully*», said McKisco (Fitzgerald). ‘«Ну вы и задира», – сказал МакКиско’.

(7) «*I think they are, without exception, the most vulgar girls in Highbury*». (Austen).

‘«Я думаю, что все они без исключения самые вульгарные девушки в Хайбери’’.

РА комплимента характеризуется конвенциональной природой и является этикетным, формульным элементом коммуникации. Основная цель такого РА – установление контакта с собеседником и расположение его к себе. РА комплимента формулируются в рамках инициирующего коммуникативного хода и всегда относятся к настоящему времени. Объектом РА комплимента являются внешность, манеры, поступки адресата ОВ.

(8) ‘*We know who you are,’ spoke up the woman in evening dress. ‘You’re Rosemary Hoyt and I recognized you in Sorrento and asked the hotel clerk and we all think you’re perfectly marvellous and we want to know why you’re not back in America making another marvellous moving picture*’ (Fitzgerald). ‘«А мы знаем, кто вы», – сказала дама в вечернем туалете. – «Вы Розмэри Хойт, я в Сорренто сразу вас узнала и спросила у портье, и мы все в восторге от вас и от вашего фильма и хотели бы знать, почему вы не в Америке и не снимаетесь еще в каком-нибудь таком же дивном фильме»’.

(9) *Hulloa, Julia, what’s the matter with you tonight? Gosh, you look swell* (Maughan, 1998). ‘«Привет, Джулия, что с тобой сегодня? Черт возьми, ты выглядишь потрясающе»’.

Так, в контекстах (8) и (9) оценочное отношение субъекта к объекту оценки выражено в пропозициональном содержании высказываний аффективными прилагательными *marvellous* и *swell*. В примере (8) аффективное прилагательное соединяется с интенсификатором *perfectly*, что свидетельствует о большей степени заинтересованности адресанта. Иллокутивная цель данных оценочных РА состоит в выражении одобрения, адресованного слушающим, в форме комплимента, что позволит изменить их эмоциональное состояние и расположить к людям и атмосфере вокруг.

РА оскорблений, так же как РА комплимента формулируются в рамках инициирующего коммуникативного хода и всегда относятся к настоящему времени. Однако перлокутивная цель такого РА – задеть чувства адресата, обидеть его или унизить. Зачастую РА оскорблений характеризуются употреблением эмоционально-оценочной лексики, высоким уровнем экспрессивности и аффективности.

(10) «*You a perfect fool!*» (Maughan, 1998). ‘«Ты – непроходимый тупица!»’.

(11) «*God only knows what I've to put up with*», said Evie darkly. «You old cow». (Maughan, 2004). ‘Только один Господь знает, с чем мне приходится мириться», – сказала Эви угрюмо. «Ты – старая корова»’.

Контексты (10) и (11) характеризуются употреблением дерогативной лексики (*fool* и *cow*). Отсутствие глагола-связки в двух примерах говорит о сиюминутном характере оценки.

РА лести характеризуется присутствием в мотивации говорящего расчета и корысти, что помогает обнаружить анализ контекста, в котором функционирует ОВ, и анализ пресуппозиций. РА такого типа формулируется зачастую в рамках инициирующего или ответного коммуникативного хода и направлен на адресата-собеседника. Объектом речевого акта лести является внешность адресата, его интеллектуальные и моральные качества, умения, поведение и др.

(12) «Silly little fool, trying to flatter me. As if I didn't know that». «*It's very sweet of you to put it like that. You're a pretty little thing*» (Maughan, 1998). ‘«Дуреха, пытающаяся вскружить мне голову лестью. Как будто я этого не понимаю». «Очень мило с вашей стороны говорить так обо мне. Вы – очень очаровательная девушка»’.

В контексте (12) говорящий продуцирует псевдоположительную оценку поведения собеседника с целью создания приятного впечатления о себе.

РА критики и упрека основываются на пресуппозиции, что какой-то поступок, ситуация, факт противоречат стереотипным представлениям говорящего и тем самым вызывают негативную оценку. Иллокутивной целью говорящего является изменение поведения собеседника. Если имеет место негативная оценка действий адресата, которые не затрагивают интересы говорящего, то в коммуникативной ситуации реализуется РА критики. Примером может служить контекст (13): *You are over-scrupulous, surely. I dare say Mr. Bingley will be very glad to see you* (Austen). ‘«Ты, несомненно, – очень щепетильна. Я должна сказать, Мистер Бингли будет очень рад видеть вас»’

Если же действиями адресата затронуты интересы говорящего, то в коммуникативной ситуации реализуется РА упрека. Пример (14): ‘*Hardened girl!*’ exclaimed Miss Scatcherd; ‘*nothing can correct you of your slatternly habits!*’ (Bronte). ‘«Неопрятная девчонка!» – воскликнула Миссис Скэтчерд. «Ничего не исправит твою неряшливость»’.

РА со значением самопохвалы отличаются от выше перечисленных и описанных позитивно-оценочных РА тем, что говорящий одновременно является субъектом и объектом оценки. Очевидным является тот факт, что коммуникант имеет завышенную самооценку и не отличается скромностью по отношению к себе. Например, контекст

(15) «*I can do that because I'm a bloody good actress*» (Maughan, 1998). ‘«Я смогу сделать это, потому что я – чертовски хорошая актриса»’.

В РА самопорицания говорящий выступает субъектом и объектом оценки, однако иллокутивной целью такого РА является вызвать сочувствие, сожаление, понимание у слушающего. Например, контекст (16) «*Have you asked her to marry you?*» «*How could I? A damned rotter like me*». (Maughan, 1998). ‘«Ты попросил ее руки?» «Как я мог осмелиться? Такой подлец как я»’.

В ходе анализа контекстов, составляющих корпус языкового материала исследования, удалось выделить также РА с сопутствующей оценкой, которые составляют 718 контекстов (25%). В таких РА оценочное отношение присутствует лишь в форме логических или прагматических пресуппозиций. Первичная иллокутивная функция этих РА не связана напрямую с оценочной деятельностью говорящего, но предполагает ее как условие успешного протекания РА. К этому типу оценочных РА относятся совет, рекомендация, разрешение, запрет, извинение, пожелание и т. п. Оценка как отношение говорящего к объекту, обусловленное признанием или непризнанием его ценности, является в РА этого типа сопутствующим явлением. При этом их первичная иллокуция может быть выражена различными способами. Другими словами, в такого рода РА оценочная модальность соединяется с другими модальностями.

В примере (17) *It would be a bit awkward for you to see her just this once now that John's father is dead?* (Galsworthy, 2004). ‘«Было бы нелепо с твоей стороны встречаться с ней в тот момент, когда отец Джона мертв»’ иллокутивная цель РА – дать совет слушающему. Чтобы совет выглядел более убедительным, говорящий подкрепляет его выражением собственной негативной оценки к возможным действиям слушающего.

Первичной интенцией говорящего в РА, представленном в контексте (18) *Ah! Let's go! It's a ghastly show* (Galsworthy, 2004). ‘«Ах, уйдем отсюда! Отвратительная выставка!»’, является требование покинуть выставку. Собственно оценочное высказывание выражает негативное отношение говорящего к объекту оценки, и, тем самым, аргументирует его настойчивое требование.

Выводы. Исследования коммуникативно-прагматических особенностей ОВ в художественном дискурсе фокусируется в большей мере на речевом произведении (речевом акте) говорящего, в котором отражается его ценностное отношение к объектам окружающего мира, что позволяет выйти за рамки отдельного высказывания. ОВ при этом воспринимается одновременно как продукт речевого акта и как инструмент достижения определенной цели. РА оценки – это коммуникативный акт, иллокутивное намерение

которого прямо или опосредованно связано с оценочной деятельностью говорящего и порождается им в определенной коммуникативной ситуации.

РА оценки можно представить в виде трехуровневого образования: 1) локутивный акт (с точки зрения языковых средств, используемых в нем); 2) иллокутивный акт (в отношении манифестируемой коммуникативной цели и ряда условий его осуществления); 3) перлокутивный акт (в отношении к своим результатам).

Анализ языкового материала позволил выделить РА с прямой оценкой (2153 контекста – 75%) и РА с сопутствующей оценкой (718 контекстов – 25%).

РА с прямой оценкой отображают эмоциональное состояние говорящего и его оценочное отношение к адресату, которое представлено в пропозициональном содержании высказывания. Перлокутивный эффект такого рода оценочных актов состоит в изменении эмоционального или психологического состояния адресата. РА с сопутствующей оценкой не связаны напрямую с оценочной деятельностью говорящего, оценочное отношение присутствует лишь в форме логических или прагматических пресуппозиций и является условием успешного протекания РА. В РА такого типа оценочная модальность сочетается с модальностями совета, рекомендации, требования и т. д.

Контекстуальный анализ позволил классифицировать РА на позитивно-оценочные и негативно-оценочные. Необходимо отметить, что позитивно-оценочные РА превалируют над негативно-оценочными и составляют 1227 контекстов (57% от всего корпуса языкового материала), что объясняется намерением коммуникантов установить контакт с собеседником и поддерживать дружелюбную атмосферу, располагающую к общению.

В художественном дискурсе XIX-XX веков преобладают РА со значением одобрения (429 контекстов – 20% от всего количества двухиллокутивных РА оценки) и неодобрения (371 контекст – 17% от всего количества двухиллокутивных РА оценки), что объясняется множественностью объекта оценки. В таких РА оценка может быть направлена на неодушевленные предметы (предметы интерьера, места, изобретения, предметы искусства и т. д.), абстрактные понятия и природу.

РА похвалы и комплиманта также широко представлены в художественном дискурсе. На наш взгляд, это связано с иллокутивной целью РА такого типа – повлиять на эмоциональное состояние коммуниканта и расположить его к себе. Наименьшую частотность имеют РА со значением самопохвалы (3% от всего количества двухиллокутивных РА оценки), так как они вызывают негативную реакцию собеседника и характеризуют адресанта как самодовольного человека с завышенной самооценкой.

Перспективы дальнейшего исследования. Перспективой данного исследования видится описание частотности и различий видов РА оценки в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы, категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI. С. 5-23.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
3. Бацевич Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики. Київ: ВЦ «Академія», 2004. 344 с.
4. Бессонова О. Л. Основные характеристики оценочного тезауруса английского языка // *Studia Linguistica*. Санкт-Петербург, 2019. № 28. С. 52-58.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. Москва: УРСС, 2002. 247 с.
6. Гак В. Г. Языковые преобразования. Москва: Школа «ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ», 1998. 524 с.
7. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. 312 с.
8. Маслова В. А. Введение в прагмалингвистику. Москва: Наука. Флинта, 2007. 289 с.
9. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. Москва, 1986. Вып. XVII. С. 133-150
10. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. Вып. XVII. С. 151-169.
11. Старикова Е. Н. Проблемы семантического синтаксиса. Киев: Вища школа, 1985. 124 с.
12. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова книга, 2009. 345 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Austen J. Emma. Доступ: https://librebook.me/emma_osten_djein. (дата обращения: 10.10.2020).
2. Bronte Ch. Jane Eyre. Доступ: https://librebook.me/jane_eyre. (дата обращения: 10.10.2020)
3. Fitzgerald F. S. Tender is the night. Доступ: www.planetebook.com/ebooks/Tender-is-the-Night.pdf. (дата обращения: 10.10.2020).
4. Galsworthy J. To Let. Москва: Менеджер, 2004. 287 р.
5. Maugham W. S. Theatre. Москва: Менеджер, 1998. 304 р.
6. Maugham W. S. The painted veil. Москва: Менеджер, 2004. 270 р.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1985). Istoki, problemy, kategorii pragmatiki [Causes, problems, categories of pragmatics]. In *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. XVI. Pp. 5-23. (In Russ.).
2. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Batsevych, F. S. (2004). *Osnovy komunikatyvnoyi linvistyky* [Fundamentals of communicative linguistics]. Kyiv: VTs «Akademiya». (In Ukr.).
4. Byessonova, O. L. (2019). Osnovnye kharakteristiki otsenochnogo tezaurusa angliyskogo yazyka [Principal features of English evaluative thesaurus]. In *Studia Linguistica*. Sankt-Peterburg. No. 28. Pp. 52-58. (In Russ.).

5. Volf, E. M. (2002). *Funktionalnaya semantika otsenki* [The functional semantics of evaluation]. Moskva: URSS. (In Russ.).
6. Gak, V. G. (1998). *Yazykovye preobrazovaniya* [Language transformations]. Moskva: Shkola «YaZYKI RUSSKOY KULTURY». (In Russ.).
7. Deik, van T. (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Moskva: Progress. (In Russ.).
8. Maslova, V. A. (2007). *Vvedenie v pragmalingvistiku* [Introduction to pragmalinguistics]. Moskva: Nauka. Flinta. (In Russ.).
9. Ostin, Dzh. L. (1986). Slovo kak deystvie [A word as an action]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. Moskva. Vyp. XVII. Pp. 133-150. (In Russ.).
10. Serl, Dzh. R. (1986). Chto takoe rechevoy akt? [What is a speech act?]. In *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Teoriya rechevykh aktov*. Vyp. XVII. Pp. 151-169. (In Russ.).
11. Starikova, E. N. (1985). *Problemy semanticeskogo sintaksisa* [Problems of semantic syntax]. Kiev: Vishcha shkola. (In Russ.).
12. Susov, I. P. (2009). *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Vinnitsa: Nova knyga. (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Austen, J. *Emma*. Available at: https://librebook.me/emma_osten_djein. (accessed: 10.10.2020).
2. Bronte, Ch. *Jane Eyre*. Available at: https://librebook.me/jane_eyre/. (accessed: 10.10.2020).
3. Fitzgerald, F. S. *Tender is the night*. Available at: www.planetebook.com/ebooks/Tender-isthe-Night.pdf. (accessed: 10.10.2020).
4. Galsworthy, J. (2004). *To Let*. Moskva: Menedzher.
5. Maugham, W. S. (1998). *Theatre*. Moskva: Menedzher.
6. Maugham, W. S. (2004). *The painted veil*. Moskva: Menedzher.

Осташова Оксана Игоревна – старший преподаватель кафедры английской филологии (email: oksanaostashova@yandex.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Ostashova Oksana I. – Senior Teacher of English Philology Department (email: oksanaostashova@yandex.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 12 ноября 2020 г.

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО

Статья посвящена комплексному исследованию концептуальной структуры прецедентного имени. Прецедентное имя собственное рассматривается как сложное, многоаспектное знание матричного формата, поскольку его концептуальное содержание по-разному осмысливается и реализует свой когнитивный потенциал в различных концептуальных областях. Основным механизмом профилирования необходимых прецедентных характеристик выступает конкретный контекст.

Ключевые слова: прецедентное имя, многоаспектное знание, когнитивная матрица, когнитивный потенциал, контекст.

© 2020 Е. В. Petrova

COGNITIVE POTENTIAL OF PRECEDENT PROPER NAMES

The article provides a comprehensive study of the conceptual structure of the precedent name. This nominative language unit is viewed as complex, many-aspect knowledge of the matrix format. Its conceptual content is interpreted in different ways and manifests its cognitive potential in various conceptual areas. The specific context serves as a main mechanism of profiling the necessary precedent characteristics.

Key words: precedent name, many-aspect knowledge, cognitive matrix, cognitive potential, context.

Понимание природы мысли – это необходимый элемент достижения взаимосвязи человеческого разума и окружающего мира [Garcia-Ramirez, 2010]. Указанные взаимосвязи языка и сознания, концептуализация и категоризация мира в течение последних четырех десятилетий успешно изучаются в рамках когнитивной лингвистики [Dabrowska, 2016]. Данное лингвистическое направление способно удовлетворить когнитивные потребности человека понимать мир во всем его разнообразии, с одной стороны, и взаимосвязи, с другой [Magirovskaya, 2020]. Одной из актуальных тенденций когнитивной лингвистики является перспективная направленность на изучение сложных и многоаспектных феноменов, которые располагаются на стыке когнитивной лингвистики и других лингвистических направлений. К указанным типам языковых явлений относятся прецедентные имена собственные, или прецедентные онимы.

Вместе с другими типами прецедентных феноменов прецедентные имена составляют основу когнитивной базы лингвокультурного сообщества, являются «одним из важнейших инструментов трансляции национально-культурного наследия народа от одного поколения к другому» [Ахмедова, 2015], характеризуются устойчивостью ассоциативных связей, что

обеспечивает их богатый когнитивный потенциал. Перечисленные характеристики и необходимость их исследования обусловливают актуальность данной работы.

В свою очередь, обозначенная актуальность и специфика прецедентных имен определяют выбор предмета данного исследования – прецедентное имя как сложное, многоаспектное знание интегративного формата. Структуры интегративных концептов в рамках когнитивной лингвистики принято представлять в виде когнитивной матрицы как системы взаимосвязанных когнитивных контекстов, или областей концептуализации объекта, и исследовать посредством когнитивно-матричного анализа, разработанного для описания сложных структур знания [Болдырев, 2016].

Данный тип анализа представляет собой универсальную методику, которая используется для исследования сложной структуры концепта с учетом временных и пространственных принципов организации концептуальной системы языка [Там же]. Применительно к исследованию прецедентного имени когнитивно-матричный анализ дает возможность наиболее полно представить когнитивный потенциал данного концепта, смоделировать его структуру (когнитивную матрицу), выделить и описать ее компоненты, находящиеся во взаимосвязи. Кроме того, данный анализ помогает выявить специфику профилирования прецедентных характеристик в конкретной коммуникативной ситуации.

Моделирование структуры прецедентного имени позволяет выделить в качестве ядерного элемента понятийную составляющую концепта *имя собственное* (или концепта *оним*). Данная понятийная составляющая охватывает целое ономастическое пространство во всем многообразии отраженных в нем аспектов: люди (антропонимы), географические объекты (топонимы), божества (теонимы), животные (зоонимы), небесные тела (астронимы) [ЛЭС] и т. п. Иными словами, любой объект, предмет, явление реального или выдуманного мира может быть индивидуализирован и обозначен именем собственным.

Статус прецедентности имени собственного не ограничивает содержания концепта. Любой существующий оним способен в силу определенных условий приобрести существенные характеристики прецедентности, такие как персонализированность, жесткая ассоциативность, маркированность, наличие национально-детерминированного минимизированного представления, инвариантность, известность, воспроизводимость содержания, актуальность, постоянная возобновляемость в речи, стандартность формы (клишированность), гештальтность восприятия, эталонность, аксиологичность, наличие ценностной составляющей, метафоричность и реинтерпретируемость [Аносова, Болдырев, 2011; Гудков, 2003; Моисеенко, 2015; Назарова, Золотарев, 2015; Нахимова, 2007].

В структуре ядерного содержания прецедентного имени выделяются две основные концептуальные области, обусловленные традиционным делением предметного мира на живую и неживую природу. Первая область охватывает онимы, объективирующие живые существа или существа, воспринимаемые как живые (люди, животные, вымышленные существа) [Суперанская, 1973]. Организмы живой природы дышат, питаются, размножаются, имеют способность к росту и развитию, а также характеризуются саморегуляцией и реакцией на внешние условия и раздражители. Во вторую область включены имена собственные, выступающие средством репрезентации неодушевленных предметов (географических и космических объектов, неодушевленных предметов, средств передвижения и т. п.), а также онимы, объективирующие комплексные объекты (произведения литературы и искусства, предприятия, праздники и т. п.) [Там же]. Это постоянные, неизменные объекты, которые устойчивы к внешним изменениям. Кроме того, у неживой природы отсутствует необходимость в питании и дыхании.

Ядерное содержание прецедентного имени способно по-разному осмысливаться в различных концептуальных областях. К основным концептуальным областям осмысления, выявленным в результате анализа, относятся: внешний вид; характер, поведение; чувства; деятельность, результат деятельности; ситуация, событие; текст и высказывание.

В рамках концептуальной области ВНЕШНИЙ ВИД когнитивный потенциал прецедентности имен собственных реализуется на основании внешних, чувственно-воспринимаемых признаков. На необходимую концептуальную область осмысления указывает конкретный контекст, который помогает прецедентному имени профилировать определенные особенности внешнего вида за счет языковых единиц, эксплицитно указывающих на данные характеристики. Например,

(1) *She had the most gorgeous face in the world. Looked like Elizabeth Taylor. She was completely beautiful* [COCA];

(2) *Мама всегда была необыкновенно красива ... Конечно, я тогда ничего в нём не поняла, но до сих пор обожаю этот фильм: мама была очень похожа на игравшую в нем Анук Эме* [НКРЯ] и т. д.

В приведенных примерах используются прецедентные имена известных киноактрис, поскольку осмысление прецедентного онима в рамках данной концептуальной области предполагает узнаваемый визуальный образ референта. Характеристики внешнего вида получают свое эксплицитное выражение за счет употребления целого ряда языковых единиц: *face, the most gorgeous, beautiful, красива* в сочетании со сравнительными оборотами *looked like* и *похожа на*. Использование прецедентных имен *Elizabeth Taylor* и

Анук Эме позволяет детализировать содержание контекста за счет объективации конкретных визуальных образов. Абстрактные характеристики контекста *beautiful, красива* дополняются конкретными деталями: густые, темные волосы, утонченные черты лица, выразительные глаза.

Когнитивный потенциал концептуальной области ХАРАКТЕР, ПОВЕДЕНИЕ включает в себя прецедентные характеристики двух тематических областей, которые отражены в названии данного структурного элемента. Чаще всего указанный когнитивный потенциал реализуется через функцию моделирования. Данное моделирование может быть разным по объему: от репрезентации целого образа жизни, совокупности характера и поведения до объективации определенной черты характера, модели поведения или конкретных действий в единичной ситуации. Например,

(3) ... *the only human he ever bothered was A.J. Small children could ride the dog like a pony, but he transformed into the Hound of the Baskervilles if he ever caught A.J.'s scent* [COCA];

(4) *Фантайзер, как Карлсон, смелый, как Саид, и наивный, как пан директор, – таким был Спартак Васильевич в жизни* [НКРЯ] и т. д.

В примере (3) использование прецедентного имени репрезентирует конкретную манеру поведения. Прецедентный оним *the Hound of the Baskervilles* объективирует поведение неуправляемой собаки, впадающей в бешенство. Определить нужную область осмыслиения помогает контекст, в котором данный прецедентный оним противопоставляется ситуации, когда собака ведет себя настолько спокойно, что на ней можно ездить верхом (*could ride the dog like a pony*). В примере (4) прецедентные имена *Карлсон, Саид* осмысливаются с позиции личностных качеств референтов (богатое воображение и отвага). На это указывают языковые средства, номинирующие черты характера (*фантазер, смелый*) в составе сравнительных оборотов. В отличие от еще одного имени собственного – *Спартак Васильевич*, встречающегося в данном примере, прецедентные онимы не используются в прямом значении, не функционируют с целью непосредственной номинации объектов осмыслиения, но служат для профилирования определенных характеристик и включены в дискурс с целью переосмыслиения, детализации и придания образности.

Когнитивный потенциал концептуальной области ЧУВСТВА реализуется через осмысливание прецедентных имен относительно чувств, эмоций или ощущений, переживаемых референтом:

(5) *The thing that I found most striking about Harwich was that there was so much sky around. In comparison with London, everything seemed to be in miniature. I felt like Gulliver in*

Lilliput – or maybe Mother Courage in Toytown [BYU-BNC];

(6) Но Бушуев упорно не хотел работать и, сидя в своей теплой комнате, злился, как карл Черномор [НКРЯ] и т. д.

Контекст (5) иллюстрирует ощущения референта, характерные для микропсии (видение предметов уменьшенными и более удаленными по сравнению с их обычными видимыми размерами [БПС]). Это репрезентируется через прецедентные онимы *Gulliver in Lilliput* и *Mother Courage in Toytown* в сочетании с контекстом предложения *everything seemed to be in miniature*. В примере (6) прецедентное имя *Черномор* усиливает, детализирует и придает образности контексту, выраженному глаголом *злиться*.

Когнитивный потенциал концептуальной области **ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ** реализуется через характеристики, связанные с профессией, хобби, заслугами, достижениями, поражениями, особенностями образа жизни и т.п. Например,

(7) *Dick, who will soon star in Disney's 1999 film «Inspector Gadget» and also is seen in the independent film «Advice from a Caterpillar», says he won't be like Jim Carrey, dabbling in drama [COCA];*

(8) ... сольный концерт сопрано Юлии Лежневой. 27-летняя «руssкая Чечилия Бартоли» – виртуоз, настоящая европейская звезда, редкая для России исполнительница барочной музыки [Российская газета № 258 (7424) 15.11.2017: 13] и т. д.

В указанных контекстах прецедентные имена осмысливаются относительно характеристик профессии, занятия. Словосочетание *dabbling in drama* способствует тому, что прецедентный оним *Jim Carrey* эксплицирует характеристики актера, основной сферой деятельности которого является комедия. В свою очередь, языковые единицы *сольный, концерт, сопрано, барочная музыка* в сочетании с прецедентным онимом *Чечилия Бартоли* объективируют характеристики известной оперной певицы.

Реализуя когнитивный потенциал в рамках концептуальной области **СИТУАЦИЯ, СОБЫТИЕ** прецедентный оним обычно осмысливается как один из главных участников конкретной прецедентной ситуации:

(9) ... whenever I think about the quarter billion dollars he has raised so far, the image that leaps to mind is Scrooge McDuck diving joyously into his piles of gold. The story of Obama's success is very much a story about money [COCA];

(10) ... проблема еще и в том, что у нас относятся к конкурсу слишком пафосно – не как к фрик-параду, а как к части geopolитики. Победа – почти полет Гагарина [Собеседник № 4 (1740) 6–12.02.2019: 18] и т. д.

В указанных примерах прецедентные онимы *Scrooge McDuck* и *Гагарин* выступают в качестве обязательного атрибута – главного действующего лица конкретных прецедентных ситуаций (мультиликационный герой, радостно ныряющий в груды золота, и первый полет человека в космос), которые актуализируются посредством языковых единиц *diving joyously into his piles of gold* и *полет*. Прецедентные онимы, включенные в данные прецедентные ситуации, профилируют необходимые характеристики: для онима *Scrooge McDuck* – приобретение огромного богатства, для прецедентного имени *Гагарин* – грандиозность и значимость события для всего мира.

В случае, когда источником прецедентной ситуации (одной или нескольких) выступает сюжет литературного произведения, прецедентный оним осмысливается с позиции прецедентного ТЕКСТА. Например,

(11) *To someone like me, who opted out of Woodstock because I knew there wouldn't be any running water or flush toilets on Yasgur's farm, Sting has an additional attraction: like Jane Austen's Mr. Darcy, he's got a magnificent house, or rather three of them* [COCA];

(12) *Со школьных лет занимался резьбой по дереву и кукол делает только из него. Окружающие зовут его папой Карло. Но мастеру не нравится такое сравнение.*

– *Кажется, будто речь о ком-то, кто вкалывает с утра до ночи и не зарабатывает* [Комсомольская правда № 144 (26921) 21.12.2018: 12] и т. д.

Прецедентные имена *Jane Austen*, *Mr. Darcy* и *папа Карло* расширяют необходимый смысл за счет объективации конкретных узнаваемых образов и ситуаций из прецедентных текстов «Pride and Prejudice» и «Золотой ключик, или приключение Буратино». Значение описываемого объекта *a magnificent house* детализируется при помощи сравнения с поместьем мистера Дарси, объективируя характеристики роскошного многоэтажного особняка, а также чувства главной героини Джейн Остин, которая была очарована поместьем и окружающей его природой. В свою очередь, прецедентный оним *папа Карло* усиливает и придает образности контексту *занимается резьбой по дереву и кукол делает из него*, подчеркивает талант мастера, метафорично указывает на то, что его работы выглядят как живые. Вместе с тем использование других языковых средств *вкалывает с утра до ночи и не зарабатывает* позволяет осмыслить данный прецедентный оним с другой стороны (как человека, который усердно трудится за минимальную сумму денег), объективируя аналогичную ситуацию из прецедентного текста.

Особое место в структуре концепта *прецедентное имя* занимает область ВЫСКАЗЫВАНИЕ. В рамках обозначенной концептуальной области прецедентное имя, как правило, осмысливается как лицо, произносящее прецедентное высказывание.

В данном случае основную смысловую нагрузку несет дискурсивный контекст, тогда как основная функция прецедентного онима – придание контексту образности. Например,

(13) *You've got to stay on the path. Like Gandalf said to Bilbo in «The Hobbit», stay on the path. And that's the family rule* [COCA];

(14) *Бессмертны слова Расула Гамзатова: «Если бы не было русского языка, я бы так и остался поэтом одного ущелья»* [Красноярская газета №81 (2577) 25.12.2018: 3] и т. д.

Несмотря на то, что смысл высказывания *stay on the path* понятен из контекста, тем не менее, употребление прецедентных онимов *Gandalf*, *Bilbo*, *The Hobbit* позволяет объективировать дополнительные характеристики: данное высказывание уже осмысливается не как простой совет, а как напутствие мудрого человека, правило, которому нужно следовать, чтобы не попасть в беду. В примере (14) прецедентное имя *Расул Гамзатов* придает прецедентному высказыванию весомости, значимости, поскольку данные слова произнесены известным и любимым поэтом.

Таким образом, концепт *прецедентное имя* (*прецедентный оним*) представляет собой сложный ментальный конструкт матричной структуры. Ядерное содержание концепта представлено двумя тематическими областями, отражающими традиционное деление предметного мира на живую и неживую природу. Указанные два основных компонента реализуют свой когнитивный потенциал в шести периферийных элементах матрицы: внешний вид; характер, поведение; чувства; деятельность, результат деятельности; ситуация, событие; текст и высказывание. В определенной коммуникативной ситуации это осуществляется за счет конкретного дискурсивного контекста, который помогает прецедентному имени профилировать нужные прецедентные характеристики в рамках той или иной концептуальной области. От других имен собственных, встречающихся в дискурсе, прецедентные имена отличаются по цели использования. Они помогают переосмыслить, детализировать, усилить или придать образности другим ситуациям или объектам осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аносова Т., Болдырев Н. Прецедентные феномены в англоязычных научных экономических текстах. Когнитивный аспект. Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 178 с.
2. Ахмедова С. Н. Феномен прецедентности в современных лингвистических исследованиях // Филология и литературоведение. 2015. № 2. Доступ: <http://philology.sciencedom.ru/2015/02/1186>. (дата обращения: 14.10.2020).
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. 4-е изд., стереотипное. Москва-Берлин: Директ-Медиа, 2016. 163 с.

4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
5. Моисеенко Л. В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 2015. 403 с.
6. Назарова Р. З., Золотарев М. В. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 17-23.
7. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 329 с.
9. Dabrowska E. Cognitive linguistics' seven deadly sins // Cognitive Linguistics. 2016. 27 (4). P. 479-491.
10. Garcia-Ramirez Ed. Proper Names. A Cognitive Philosophical Study: diss. ... Doctor of Philosophy. The University of Michigan 2010. 168 p.
11. Magirovskaya O. V. What is Cognitive in Discourse? // Philological Readings. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. April 2020. P. 29-38.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой психологический словарь. Доступ: https://gupo.me/dict/psychologie_dict. (дата обращения: 24.10.2020). [БПС].
2. Лингвистический энциклопедический словарь. Доступ: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru>. (дата обращения: 22.10.2020). [ЛЭС].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Комсомольская правда. № 144 (26921). 21.12.2018. 16 с.
2. Красноярская газета. № 81 (2577). 25.12.2018. 4 с.
3. Национальный корпус русского языка. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. (дата обращения: 22.10.2020). [НКРЯ]
4. Российская газета. № 258 (7424). 15.11.2017. 16 с.
5. Собеседник. № 4 (1740). 6–12.02.2019. 24 с.
6. British National Corpus. Доступ: <https://corpus.byu.edu>. (дата обращения: 23.10.2020). [BYU-BNC].
7. Corpus of Contemporary American English. Доступ: <https://corpus.byu.edu>. (дата обращения: 23.10.2020). [COCA].

REFERENCES

1. Anosova, T., Boldyrev, N. (2011). *Pretsedentnye fenomeny v angloyazychnykh nauchnykh ekonomicheskikh tekstakh. Kognitivnyi aspect* [Precedent phenomena in English scientific economic texts. Cognitive aspect]. Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. (In Russ.).
2. Akhmedova, S. N. (2015). Fenomen pretsedentnosti v sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniyakh [Phenomenon of precedence in modern linguistic researches]. *Filologiya i literaturovedenie*. No 2. Available at: <http://philology.sciences.ru/2015/02/1186>. (accessed: 14.10.2020). (In Russ.).
3. Boldyrev, N. N. (2016). *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. 4th ed., stereotipnoe. Moskva-Berlin: Direkt-Media. (In Russ.).
4. Gudkov, D. B. (2003). *Teoriya i praktika mezhkulturnoy kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moskva: ITDGK «Gnosis». (In Russ.).

5. Moiseenko, L. V. (2015). *Lingvocognitivnye osnovy teorii pretsedentnosti* [Linguocognitive basics of the theory of precedent]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
6. Nazarova, R. Z., Zolotarev, M. V. (2015). Precedentnye fenomeny: problemy definitsii i klassifikatsii pretsedentnykh fenomenov [Precedent phenomena: problems of definition and classification]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. T. 15. Vyp. 2. Pp. 17-23. (In Russ.).
7. Nakhimova, E. A. (2007). *Precedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg. (In Russ.).
8. Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of a proper name]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
9. Dabrowska, E. (2016). Cognitive linguistics' seven deadly sins. In *Cognitive Linguistics*. 27(4). Pp. 479-491.
10. Garcia-Ramirez, Ed. (2010). *Proper Names. A Cognitive Philosophical Study*: Dr. Philosophy sci. diss. The University of Michigan.
11. Magirovskaya, O. V. (2020). What is Cognitive in Discourse? In *Philological Readings. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. April. Pp. 29-38.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Bolshoy psichologicheskiy slovar* [Big Psychological Dictionary]. Available at: https://gufo.me/dict/psychologie_dict. (accessed: 24.10.2020). (In Russ.).
2. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Available at: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru>. (accessed: 22.10.2020). (In Russ.).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Komsomolskaya pravda* [Komsomolsk Truth]. No. 144 (26921). 21.12.2018. (In Russ.).
2. *Krasnoyarskaya gazeta* [Krasnoyarsk Newspaper]. No. 81 (2577). 25.12.2018. (In Russ.).
3. *Natsionalniy korpus russkogo yazyka*. [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>. (accessed: 22.10.2020). (In Russ.).
4. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. No. 258 (7424). 15.11.2017. (In Russ.).
5. *Sobesednik* [The Talker]. No. 4 (1740). 6-12.02.2019. (In Russ.).
6. *British National Corpus*. Available at: <https://corpus.byu.edu>. (accessed: 23.10.2020).
7. *Corpus of Contemporary American English*. Available at: <https://corpus.byu.edu>. (accessed: 23.10.2020).

Петрова Екатерина Васильевна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-политических дисциплин (e-mail: 1986kateM@rambler.ru), Филиал Сибирского Государственного Университета имени М. Ф. Решетнева в г. Лесосибирске 662543, Лесосибирск, Победы, 29, корпус 2

Petrova Ekaterina V. – Senior Lecturer of Humanities and Socio-Political Disciplines Department (e-mail: 1986kateM@rambler.ru), Branch of Siberian State University named after M. F. Reshetnev in Lesosibirsk 29, Pobedy st., bulk 2, Lesosibirsk, 662543

Поступила в редакцию 29 октября 2020 г.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ НЕРЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ МЕТОНИМИЯ НА УРОВНЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются существующие точки зрения на концептуальную метонимию, в том числе на особенности реализации метонимики на уровне синтаксической структуры высказывания. На материале сплошной выборки высказываний из англоязычной художественной литературы и прессы, выраженных простым предложением, выявляется ряд регулярных моделей метонимического переноса между пропозициями, описывающими статические и динамические ситуации действительности.

Ключевые слова: концептуальная метонимиия, нереференциальная метонимиия, синтаксическая структура высказывания, структурная модель простого предложения, синтаксис, пропозиция.

© 2020 M. R. Safina

CONCEPTUAL NON-REFERENTIAL METONYMY IN SYNTACTIC STRUCTURE OF UTTERANCES (BASED ON MODERN ENGLISH)

The article considers the existing points of view on the conceptual metonymy including its manifestations in sentence patterns. The study of the corpus of utterances represented by simple sentences from modern English literature and media allows to find a range of regular metonymic shifts between propositions describing static and dynamic relations.

Key words: conceptual metonymy, non-referential metonymy, syntactic structure of an utterance, simple sentence pattern, syntax, proposition.

Впервые метонимию как механизм концептуализации действительности в языке упоминается Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в книге «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson, 1980]. Более подробно концептуальная метонимиия как центральный процесс когнитивной лингвистики, проявляющийся на всех уровнях языка, затем рассматривается в трудах Ж. Фоконье, М. Тернера, У. Крофта, А. Барселоны, Б. Варрен и др. [Turner, Fauconnier, 2002, 2003; Croft, 2002: 161-207; Barcelona, 2002: 209-277; Warren, 2006].

Механизм концептуальной метонимики заключается в когнитивной проекции одного концептуального пространства на другое или в замещении одного концептуального пространства другим. Такое замещение может быть обусловлено наличием какой-либо связи между осмысливаемыми явлениями в действительности: временной, пространственной, причинно-следственной и т. п. – это и отличает действие механизма

метонимии от механизма концептуальной метафоры, при котором проецируемые явления не являются смежными в реальности.

В современной литературе по когнитивной лингвистике обычно разделяют референциальную и нереференциальную метонимию (терминология Б. Варрен) [Warren, 2006: 19-20]. Референциальная метонимия служит для концептуализации простых концептов предметного мира (организация вместо человека: (1) *The Times hasn't arrived at the press conference yet* [Lakoff, Johnson, 1980] ‘«Таймс» еще не прибыл на пресс-конференцию’ (здесь и далее перевод мой – М. С.); заказ вместо заказчика: (2) *The pig is waiting for his bill* [Ruiz de Mendoza, Díez, 2002] букв. ‘Свинина ждет счета’, выступая, таким образом, механизмом концептуализации для элементов реального мира, которым в предложении соответствуют роли аргументов: субъекта и объекта (подлежащего и дополнения). В свою очередь, к нереференциальной метонимии относят случаи концептуализации сложных концептов: предикатов и пропозиций.

(3) *She was able to finish her dissertation = she finished her dissertation* ‘Ей удалось закончить диссертацию = Она закончила диссертацию’;

(4) *I don't know where the bath soap is = where is the bath soap?* ‘Я не знаю, где мыло = Где мыло?’;

(5) *I waved down a taxi = A taxi took me there* [Ruiz de Mendoza, Díez, 2002: 494] ‘Я поймал такси (прим. авт.: сказано, когда человек уже прибыл на место) = Я приехал на такси’.

Высказывания, получившиеся вследствие работы механизма нереференциальной метонимии, поддаются буквальному прочтению, не противореча, в отличие от случаев референциальной метонимии, реальному, фактическому, положению вещей и здравому смыслу. Так, оба высказывания в примере (1) отражают ситуацию действительности буквально, напрямую (некоторые аномалии могут выявляться только в более широком контексте, объединяющем несколько пропозиций), в то время как (2) передает фрагмент реальности иносказательно (в реальности счета ждет заказчик, а не заказанное им блюдо). Другое отличие, соответственно, заключается в том, что использование механизма референциальной метонимии, как правило, намеренно и легко обнаруживает себя при анализе контекста, в то время как случаи реализации механизма нереференциальной метонимии менее очевидны и не обязательно намеренны [Warren, 2006: 8-10].

В работах лингвистов механизм концептуальной метонимии на уровне пропозиции рассматривается как с чисто семантической и прагматической точек зрения (внимание

концентрируется на особенностях механизма фокусировки внимания, многофазовой природе действия и импликативности языкового выражения), так и с точки зрения структуры высказывания, формальной. В настоящей статье мы рассмотрим особенности проявления механизма нереференциальной метонимии на уровне синтаксической структуры высказывания.

Под синтаксической структурой высказывания имеется в виду ряд структурных моделей, представляющих собой «минимальный набор синтаксических позиций, адекватный выражаемому типу отношения» [Кузьмина, 2015: 98]. Единой точки зрения на количество моделей в лингвистической литературе не выработано: дробность деления варьируется от трех моделей до более чем тридцати. В данной работе за основу берется набор из семи структурных моделей, установленных посредством анализа валентностных моделей английских глаголов, обозначающих базовые, прототипические отношения: $SP_{Comp.Nom}$: модель с составным именным сказуемым (признак, состояние, свойство), SP : модель с глагольным сказуемым (ненаправленное действие), SPO_{Dir} : модель с глагольным сказуемым и прямым дополнением (действие над объектом), $SPO_{Ind.O_{Dir}}$: модель с глагольным сказуемым, косвенным и прямым дополнением (передача объекта другому объекту), $SP_{Link} + A_{Stat.Loc}$: модель с составным авербциальным сказуемым (статичное местоположение), $SPA_{Dir.Loc}$: модель с глагольным сказуемым и директивным локативным комплементом (самостоятельное перемещение объекта), $SPO_{Dir.A_{Dir.Loc}}$: модель с глагольным сказуемым, прямым дополнением и директивным локативным комплементом (каузированное перемещение объекта).

Как уже говорилось выше, нереференциальная метонимия зачастую ненамеренна. Более того, метонимия, как и тесно связанная с ней концептуальная интеграция, буквально повсеместны и так или иначе присутствуют в языковом выражении любой ситуации действительности, так как в основе любой языковой презентации лежат механизмы генерализации, компрессии, позволяющие передавать действительность более лаконично, и механизмы фокусирования, позволяющие выделить только наиболее релевантные элементы ситуации. Так, самое простое высказывание (6) *He drops the cigarette* ‘Он роняет сигарету’, по сути, несет в себе целую серию действий и происшествий: какое-то движение руки и пальцев, падение сигареты вниз, соприкосновение с полом и т. д. Такая передача реальности связывается зачастую также и с механизмом концептуальной интеграции, который в работах некоторых ученых приравнивается к метонимии [Проскурнич, 2019]. Явными (определяемыми не только из более широкого контекста) случаями интеграции на уровне синтаксической структуры

служат высказывания типа предложенного М. Тернером и Ж. Факонье: (7) *He sneezed the napkin off the table* букв. ‘Он «счихнул» салфетку со стола’, где ситуация выражается блендом из двух пропозиций (структурных моделей): *He sneezed* + *the napkin blew away from the table*, которые могут быть связаны (см. пример ранее) или не связаны (как в (8) *She yawned her way through the first hour of the journey (Atkinson)* букв. ‘Она зевала через весь первый час пути’) причинно-следственным отношением.

Остановимся на случаях именно синтаксической метонимии, реализованной в простых предложениях английского языка, представленной одной структурной моделью, а не блендом из нескольких моделей, и связанной причинно-следственной связью с заменяемым синтаксическим концептом. В качестве материала исследования взята подборка примеров, полученных из современной англоязычной литературы и периодики методом сплошной выборки. Источниками иллюстративного материала также послужили корпуса английского языка и подборки примеров из современных исследований концептуальной метонимии.

С формальной точки зрения метонимический перенос на уровне структуры высказывания выражается в использовании для сообщения о ситуации определенного типа синтаксической модели, которая является знаком другой типовой ситуации [Рахманкулова, 2018: 7]. В содержательном плане происходит замещение одного типа отношения другим. Для выявления регулярных соответствий метонимического выражения одних базовых синтаксических концептов через другие избирается несколько видов ограничительных контекстов, в которых метонимическая презентация пропозиции создает грамматическую или сочетаемостную аномалию. Одним из примеров такого микроконтекста может служить ситуация «вопрос-ответ», когда вопрос предполагает, например, выяснение состояния субъекта через соответствующую структурную модель $SP_{Comp.Nom}$, а в ответ дается информация о местоположении $SP_{Link + A_{Stat.Loc}}$:

(9) *How is he? – He is in hospital (= He is ill)* [Рахманкулова, 2018]. ‘Как он? – Он в больнице’.

Или выражение деятельности через местоположение:

(10) *What's he doing? – He's in the garden* [Рахманкулова, 2018]. ‘Что он делает? – Он в саду’.

(11) *What is he doing? – He is in bed*. ‘Что он делает? – Он в постели’.

В примере (11) посредством механизма метонимии также решается нестыковка онтологического характера: если диалог *What's he doing? – He's working in the garden*

практически равнозначен примеру (10), то *What is he doing? – He is sleeping* создает некоторую логическую аномалию, поскольку сон, пусть он и выражается глаголом, как таковым действием не является (а глагол *do* («делать») описывает динамические ситуации).

При анализе текстов художественной литературы важными представляются случаи интерпретативной передачи движений – через характеристику состояний [Turner, Fauconnier, 2002: 473-475; Апресян, 2006: 155]. Это также может выражаться на уровне синтаксической структуры высказывания, вербализующего ситуацию действия субъекта с точки зрения стороннего наблюдателя (когда субъект и наблюдатель не совпадают), например:

(12) *I can't tell if she's impressed or repelled* [Hannah, 2020]. ‘Не могу понять, впечатлена она или возмущена’;

(13) *She's surprised to see me and not in a good way; she can't hide it either* [Hannah, 2020]. ‘Она удивлена моему появлению, причем в плохом смысле; это ей также не удается скрыть’.

Сторонний наблюдатель может интерпретировать эмоциональное и физиологическое состояние субъекта только по каким-то внешним проявлениям. В данном случае предложения, построенные по модели $SP_{Comp.Nom}$, вероятнее всего, подразумевают, что субъект совершил какие-то мимические действия. Обратная ситуация – выражение состояний / эмоций через каузировавшее их событие:

(14) *He walked with drooping shoulders: He had lost his wife* [Barcelona, 2002]. ‘Он ходил поникший (букв. сгорбившись): он потерял жену’.

Причиной такой позы были эмоции, вызванные кончиной жены.

Интерес представляют и случаи выражения действия через его статичный результат. Возможность такого метонимического переноса во многом связана с многофазовой структурой действия, отмеченной, например, Г. Г. Сильницким. Причем стадии действия связаны между собой так же, как части логических секвенций, когда каждый последующий этап предполагает выполнение предыдущих этапов и имплицирует вероятное осуществление последующих [Сильницкий, 2012: 150]. При анализе художественной литературы и периодики были найдены случаи метонимического выражения таких происшествий, как падение, потеря равновесия, намеренное или случайное перемещение неодушевленного предмета, например:

(15) *My headache just grew and grew and suddenly the light faded and I could not see a thing. The next thing I knew I was on the floor* [BNC]. ‘Головная боль все нарастала, пока свет вдруг не погас и я не перестал различать что-либо. В следующий момент я уже был на полу’;

(16) *After being «violently» attacked, Travis McMichael fired two shots, the elder man told police. The next thing they knew, Arbery was lying face down on the pavement dead* [chicagotribune.com]. ‘После этого «жестокого» нападения Трэвис МакМайкл произвел два выстрела, как сообщает полиции пожилой мужчина, находившийся на месте происшествия. В следующий момент Эрбери уже лежал ничком на тротуаре. Он был мертв’.

В данных примерах падение, ситуация, подразумевающая наличие деятеля, его действия и направления ($SPA_{Dir.Loc}$) выражены посредством синтаксических концептов $SP_{Link} + A_{Stat.Loc}$ и SP , выражающих соответственно статическое местоположение и ненаправленное действие. Такой прием, часто сопровождаемый конструкциями *the next thing I knew, next thing, next moment*, позволяет описать ситуацию более динамично, подчеркнуть внезапность происшествия.

Метонимия на уровне структуры высказывания является важным когнитивным механизмом репрезентации реальности и служит инструментом концептуализации одних базовых связей через другие. На основе проведенного исследования выявлены следующие регулярные соответствия: выражение деятельности через местоположение, движения через состояние, состояния через движение (элементы мимики и пантомимики), действия через его финальную статичную фазу. Посредством механизма концептуальной метонимии решаются логико-семантические и стилистические задачи; данный механизм служит инструментом фокусирования и профилирования, обеспечивающим более емкую и лаконичную передачу ситуации действительности. Дальнейшее изучение регулярных метонимических соответствий между структурными моделями определенно представляет интерес как в общем, так и на уровне отдельных семантических типов ситуаций: контролируемых и неконтролируемых действий, кинем, статичных состояний и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. Москва: Языки славянских культур, 2006. С. 33-162.
2. Кузьмина С. Е. Простое предложение современного английского языка как средство репрезентации синтаксического концепта: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2015. 499 с.
3. Прокурнич О. Д. Концептуализация мимики и механизмы интерпретации мимических движений в языке (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тамбов, 2019. 208 с.
4. Рахманкулова С. Е. Концептуальная метонимия на уровне структуры высказывания (на материале английского языка) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. Калининград, 2018. № 1. С. 5-10.

5. Сильницкий Г. Г. «Секвенциальные» лексические значения // Известия смоленского государственного университета. Смоленск, 2012. № 2 (18). С. 146-154.
6. Barcelona A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York, 2002. P. 209-277.
7. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York, 2002. P. 161-207.
8. Lakoff G. Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 354 p.
9. Ruiz de Mendoza F.J., Díez O.I. Patterns of conceptual interaction // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York, 2002. P. 489-533.
10. Turner M., Fauconnier G. Conceptual Blending, Form and Meaning // *Recherches en communication*. Louvain-la-Neuve: Université catholique de Louvain. 2003. No. 19. P. 57-86.
11. Turner M., Fauconnier G. Metaphor, metonymy, and binding // *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York, 2002. P. 469-489.
12. Warren, B. Referential metonymy. (*Scripta Minora Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis*). Kungliga Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund. 2006. 95 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Atkinson K. *Transcription*. Little, Brown and Company. 2018. 352 p.
2. British National Corpus. Доступ: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (дата обращения: 20.08.2020). [BNC].
3. Hannah S. *Haven't They Grown*. Hodder & Stoughton, 2020. 336 p.
4. White privilege and the shooting of Ahmaud Arbery. Доступ: <https://www.chicagotribune.com/>. (дата обращения: 20.08.2020).

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (2007). Osnovaniya sistemnoy leksikografii [Grounds for the systemic lexicography]. In *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kultur. Pp. 33-162. (In Russ).
2. Kuzmina, S. E. (2015). *Prostoe predlozhenie sovremennoego angliyskogo yazyka kak sredstvo reprezentatsii sintaksicheskogo kontsepta* [Simple sentence of the English language as a means of representation of a syntactic concept]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Nizhniy Novgorod. (In Russ).
3. Proskurnich, O. D. (2019). *Kontseptualizatsiya mimiki i mekhanizmy interpretatsii mimicheskikh dvizheniy v yazyke (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Conceptualization of facial expressions and mechanisms of facial movement interpretation in the English and Russian languages]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Tambov. (In Russ).
4. Rakhmankulova, S. E. (2018). Kontseptualnaya metonimiya na urovne struktury vyskazyvaniya (na materiale angliyskogo yazyka) [Conceptual metonymy at the utterance structure level (English)]. In *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psichologiya*. No. 1. Pp. 5-10 (In Russ).
5. Silnitskiy, G. G. (2012). «Sekvensialnye» leksicheskie znacheniya [«Sequential» lexical meanings]. In *Izvestiya smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (18). Pp. 146-154. (In Russ).
6. Barcelona, A. (2002). Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: An update. In *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 209-277.

7. Croft, W. (2002). The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies. In *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 161-207.
8. Lakoff, G. Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Ruiz de Mendoza, F. J., Díez, O. I. (2002). Patterns of conceptual interaction. In *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 489-533.
10. Turner, M., Fauconnier, G. (2003). Conceptual Blending, Form and Meaning. In *Recherches en communication*. Louvain-la-Neuve: Université catholique de Louvain. No. 19. Pp. 57-86.
11. Turner, M., Fauconnier, G. (2002). Metaphor, metonymy, and binding. In *Metaphor and metonymy in comparison and contrast*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. Pp. 469-489.
12. Warren, B. (2006). *Referential metonymy. (Scripta Minora Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis)*. Kungliga Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Atkinson, K. (2018). *Transcription*. Little, Brown and Company.
2. *British National Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (accessed: 20.08.2020).
3. Hannah, S. (2020). *Haven't They Grown*. Hodder & Stoughton.
4. *White privilege and the shooting of Ahmaud Arbery*. Available at: <https://www.chicagotribune.com/>. (accessed: 20.08.2020).

Сафина Марина Рафаиловна – аспирант, ассистент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков (e-mail: marinasafina22@gmail.com), Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова» 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31 а

Safina Marina R. – Post-Graduate Student, teaching assistant of Theory and Practice of the French, Spanish and Italian Languages Department (e-mail: marinasafina22@gmail.com), Federal State Educational Institution of Higher Education «Linguistic University of Nizhny Novgorod» 31a Minin st., Nizhny Novgorod, 603155

Поступила в редакцию 02 ноября 2020 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42:81'27

© 2020 А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова

AD-HOC КОНЦЕПТЫ И ФРАНЦУЗСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ

В статье рассматриваются речеязыковые процессы, характеризующие современный политический дискурс и его субъектов – политиков. Рассматривается новое понятие делокутивного имиджа, состоящего из меморизированных речевых употреблений политических персонажей, в основе которого лежит феномен ad-hoc концептуализации различных концептуальных областей и реалий политической концептосферы на примере французского политического дискурса.

Ключевые слова: персональный политический концепт, делокутивный имидж политика, ad-hoc концепт, концептуализация, политическая неология, французский политический дискурс.

© 2020 A. V. Alferov, E. Yu. Kustova

AD-HOC CONCEPTS AND FRENCH POLITICAL PERSONOLOGY

The study focuses on speech-language processes that characterize modern political discourse and its subjects – politicians. We consider a new concept of delocutionary image consisting of memorized speech uses of political personalities. It is based on the phenomenon of ad-hoc conceptualization of various conceptual areas and realities of the political conceptual sphere on the basis of French political discourse.

Key words: personal political concept, delocutionary political image, ad-hoc concept, ad-hoc conceptualization, political neology, French political discourse.

Отечественная политическая лингвистическая персонология, эта уже достаточно структурированная и систематизированная совокупность многочисленных прикладных исследований, посвященных языку политических персонажей, – продолжает оформляться в научную парадигму, формулируя свой понятийно-терминологический аппарат и определенную объектную типологию (см., напр. [Чудинов, Нахимова, Никифорова, 2018]). Теоретический фундамент таких исследований составляет концепция языковой личности (ЯЛ) и общая лингвистическая персонология [Караулов, 2006], широко распространенная и диверсифицированная в представлении своего объекта исследования – различных ипостасей ЯЛ – коммуникативной, словарной, дискурсивной, эмоциональной, эристической и т. д. [Болдырев, Григорьева, 2018; Карасик, 1991, 1994; Нерознак, 1996; Попова, 2019; Куркина, Стернин, 2018; Тамразова, 2020б].

Задача данного аналитического эссе – предложить некоторые когнитивно-прагматические построения, на наш взгляд, полезные для осмыслиения исследовательских

технологий и методов изучения персонального политического дискурса. В качестве объекта рассмотрения выступит дискурс французской политической элиты, также активно исследуемый французскими лингвистами, работы которых будут представлены по ходу изложения.

Прежде всего определим статус языковой личности в политическом концептуальном пространстве (концептосфере). Имидж политика представляет собой образ в семиотическом и когнитивном смысле этого понятия. Невозможно представить себе политическую концептосферу без образов политиков, которые воспринимаются как когнитивные образ-схемы – не всегда дифференцированные холистические совокупности представлений и знаний, объединенные под именем-актуализатором [Якушева, 2014]. Знаковый политический персонаж приобретает черты концепта (ядро, периферию, концептуальную область, многоуровневую структуру, интенциональность, выделенность конкретных единиц и фокусность – концентрацию внимания на определенных эпизодах и т. д.). При этом одной из черт, отличающих *политический концепт* от концептов другого рода (философских, культурологических, научных, художественных и т. д.), является **прагматико-аксиологическая идеологическая выделенность**, заключенная в ядре концепта. Любой политический концепт *не существует* в своей целостности (образ-понятие-переживание) для универсальной (всеобщей) аудитории (в терминах Х. Перельмана [Perelman, 1983]). Политический концепт (ПК) имеет агональную и амбивалентную когнитивную и семиотическую структуру. Материализуясь в политической дискурсивной формации, ПК формируется определенной концептуальной областью (conceptual region [Carston, 2010]), определяемой прагматическими политическими интенциональностями (интересами) и когнитивными предубеждениями (*cognitive bias* [Haselton, 2006]). Таким образом, политический концепт интеракционален по определению, так как обязательно включает в себя «фактор адресата» (ср. [Неретина, 2011: 64]), дифференцированного политически («свои» / «чужие») и стратегически импликативно (персуазивно-аргументативно-суггестивно) [Попова, 2019а, 2019б].

Определяемый запрограммированной концептуальной областью политический концепт выступает в большей степени как *операциональный* (Н. Н. Болдырев), или *ad-hoc* концепт – концепт, поворачивающийся той или иной стороной своей структуры, в частности, понятийной, в приложении к конкретному употреблению (ср. [Болдырев, Григорьева, 2018]).

Понятие *ad-hoc концепт* возникло в лоне когнитивной прагматики, в частности, в теории релевантности [Sperber, Wilson, 1986] и апеллировало к метафорическому

употреблению того или иного концепта [Carston, 2010]. Так, в известно-цитируемой метафоре «Этот хирург – мясник» (ср. *Bob is a soldier / surgeon / butcher / artist / magician* [Idem]), *операциональный концепт* ‘мясник’ отличается от полноценного («лексического», словарного) концепта определенной концептуальной областью (неаккуратность, непрофессиональность, грубость и проч.) [Grady, 1977].

Амбивалентность политических концептов – это условие *sine qua non* любой политической риторики. Противоборствующие идеологии, как правило, оперируют одними и теми же концептами (демократия, свобода, народ и т. д.). В уничтожающей друг друга полемике «поворачивая» их в нужную им концептуальную перспективу [Алферов, Кустова, Попова, 2015].

Таким же амби- и поливалентным представляется персональный политический концепт (ППК), актуализируемый именем конкретного политика (Трамп, Меркель, Путин, Макрон, Эрдоган и т.д.).

ППК как политический имидж (этос) представляется как совокупная интерпретация внешних (социальных) и внутренних (психологических) характеристик личности, формирующихся интенциально или спонтанно, приобретающих знаковый характер и представляющих личность субъекта – носителя имиджа – как знаковую сущность в рамках социального конструирования реальности [Гавра, 2013]. Имидж политика как семиотический конструкт реализуется в триединой ипостаси (по Пирсу) в иконическом, индексальном и символическом воплощениях. Иконическая перцепция отождествляет образ политика с его внешностью, мимикой, жестикуляцией, осанкой и эмоциональной психомоторикой («доречевой этос»). В этом измерении зарождается пресловутая *харизма* персонажа [Charaudeau, 2012]. Индексальность имиджа связана с процессом воздействия на целевую аудиторию, указанием на интенциональную (волевую), аргументативную и межличностную перспективы предпочтительно-направленной мыследеятельности. Наконец, символическая инкарнация *имиджа-этоса* проявляется в мотивах (этических, духовных) и социально-идеологических предназначениях («общее благо», «свобода, равенство, братство» и т. д.).

Имидж – категория междисциплинарная, которую в ракурсе нашего изложения необходимо рассматривать прежде всего как объект лингвистического исследования, нацеленного на выявление релевантных речеязыковых характеристик субъекта – носителя имиджа. Политический *этос* – категория, исследуемая на Западе как коррелят российской концепции ЯЛ [Тамразова, 2020а, 2020б], – направлена на то, чтобы убеждать (влиять) и соблазнять (*persuader et séduire* [Charaudeau, 2012]). В современных pragma-риторических

исследованиях дискурса появляется и понятие *доречевого этоса* (образ говорящего как социальный и личностный имидж), который предшествует и определяет восприятие собственно дискурсивного имиджа [Amossy, 2010; Eggs, 1999; Maingueneau, 2002].

Вслед за И. Г. Тамразовой, мы полагаем, что “материално закрепленный в форме прецедентных текстов, в прецедентных речевых актах (высказываниях) аргументативно-речевой – **делокутивный** («от речи») – имидж медийного персонажа участвует как аргумент в функциональном динамическом пространстве общественно-политической коммуникации» [Тамразова, 2020б – выделено нами – А. А., Е. К.].

Исследование *политических малапропизмов* [Алферов, 2018], вскрывающих отрицательно оценочную интерпретацию высказываний политиков, приводит нас к заключению об ингерентном (внутреннем) и адгерентном (внешнем) имидже политического персонажа. Ингерентный делокутивный имидж формируется самим говорящим, адгерентный имидж есть результат оценивания имиджа оратора аудиторией, который закрепляется в общественном сознании и мнении посредством масс-медиа.

Ингерентный дискурсивный (делокутивный) имидж (ДИ) является точкой пересечения этоса, логоса и пафоса политического имиджа. Коррелирующий с аристотелевским этосом делокутивный имидж – это конструкция, выстраиваемая дискурсивно, интенциально и изначально «вне категории искренности» [Eggs, 1999], то есть «на публику», театрально. Формируемый субъектом-отправителем этос ДИ должен показать черты характера, которые способны произвести впечатление на аудиторию. Выстраивая свой образ как означающее, говорящий, по мнению Р. Барта, опирается на механизмы воображаемого и «становится участником театральной постановки: представляя себя в речи, он как бы одновременно заявляет: я такой, и никакой другой» [Barthes, 2015: 197].

Ингерентный делокутивный имидж формируется через когнитивно-риторические стратегии политического ритора, использующего ad-hoc концептуализацию как средство воздействия на аудиторию. В языке ad-hoc концепты коррелируют с категорией *политических неологизмов*, отражающих интеллектуальный потенциал делокутивного имиджа политического персонажа. Как отмечает Н. Н. Болдырев, «**лингвокреативность дискурсивной личности**, понимаемая как способность коммуниканта каждый раз порождать новые алгоритмы и способы речевой деятельности, новые структуры знания, оказывает непосредственное влияние на сферу общения. Она проявляется на уровне онтологии, т. е. первичной концептуализации и категоризации объектов и событий, на уровне эпистемологии – изменения картины мира и ее отдельных участков за счет

вторичной концептуализации и категоризации, а также в конструировании новых языковых единиц для обозначения новых или интерпретации существующих реалий» [Болдырев, Григорьева, 2018: 18 – выделено в оригинале].

Французский политический дискурс, пронизанный острой политической борьбой, отличается обилием окказиональной неологии [Фененко, Абабий, 2019].

Креативность дискурсивной личности *французского политика* проявляется в ad-hoc концептуализации, сопровождающей возникновение различного рода политических реалий. Так, в недавнее время во французском политическом дискурсе появились ad-hoc-концепты, транслируемые авторскими неологизмами, формирующими ДИ политика-автора (см. табл.):

Таблица. *Ad-hoc концепты и окказиональные общественно-политические лексические инновации (ОПЛИ) французских политиков* [Corpus CPNF]

ОПЛИ	Автор	Пример
Abracadabantesque	Jacques Chirac	« <i>C'est abracadabantesque</i> »
Turbuler	Jean-Pierre Chevènement	« <i>turbuler le système</i> » ('разрушить')
Montgolfite	Marine Le Pen	« <i>Le problème de la politique, c'est la Montgolfite. C'est une maladie assez répandue qui fait gonfler la tête</i> »
Austéritaire	Jean-Luc Mélenchon	« <i>L'Europe austéritaire</i> » (Titre): « <i>autoritaire dans sa méthode, la construction européenne a imposé l'austérité</i> (...) <i>De cette double caractérisation est né un mot, «austéritaire»</i> ».
Rilance	Christine Lagarde	« <i>ministre de l'Economie, elle définit la politique française de sortie de crise comme un mix de «rigueur» et de «relance»</i> , qu'elle a résumé par la «rilance»».
Méprisance	Nicolas Sarkozy	« <i>Des réponses qu'on va regarder avec cette méprisance, cette attitude hautaine</i> ».
Ripoublique	Jean-Marie Le Pen	« <i>la République des ripoux</i> ». ripoux- 'продажные'
Inénervable	François Fillon	« <i>Je suis inénervable, donc je ne m'énerverai pas</i> »
Bravitude	Ségolène Royal	« <i>Comme le disent les Chinois, qui n'est pas venu sur la Grande muraille n'est pas un brave. Qui va sur la Grande muraille conquiert la bravitude</i> »

Отличие делокутивного имиджа от языковой и речевой личности в том, что это ЯЛ второго порядка, сотканная из всех интерпретаций ее высказываний, помещенных в рамки некоего сконструированного имиджа, носящего имя некоего персонажа. Степень участия самой персональной личности в формировании делокутивного имиджа определяется многочисленными факторами.

Адгерентная ad-hoc концептуализация возникает в масс-медийном формате – основной дискурсивной среде бытования персональных концептов. Благодаря меметике

[Тамразова, 2020в], она проникает не только в общественное сознание, но и суггестивно закрепляется в метафорическом, переносном употреблении, в сравнениях, в песенном фольклоре, поговорках, анекдотах, проявляясь на уровне «коллективного бессознательного» (ср. «дедушка Ленин», «иудушка-Троцкий»):

«... Такого, как Путин, *полного сил*.
Такого, как Путин, чтобы *не пил*,
Такого, как Путин, чтобы *не обижал*,
Такого, как Путин, чтобы *не убежжал*» (песня).

Ad-hoc концептуализация политических персонажей закрепляется во вторичной субстандартной номинации (прозвища, клички и т. п.). Та или иная черта ППК фокусируется в такой ad-hoc номинации и отражает ту или иную концептуальную область пространства персонального политического концепта. Французский политический дискурс, представленный, в частности, сатирическими изданиями и телепередачами (*Les Guignols de l'Info* 'Клоуны из Новостей', *Le Canard Enchaîné* 'Цепная утка', *Charlie Hebdo* и др.) являются первым источником политических прозвищ. Среди французских политиков пальма первенства принадлежит экс-президенту Н. Саркози: *Super-Sarko*, *Tsarkozy*, *Starkosy*, *Anti-Sarko*, *Sarkobradantesque*, *Sarkocompatible*, *Sarkocratie*, *Sarkodépendant*, *Sarkogne*, *Sarkohabitation*, *Sarkolage*, *Sarkoland*, *Sarkolatéral*, *Sarkolâtrie*, *Sarkomaniaque*, *Sarkommunion*, *Sarkophage*, *Sarkophile*, *Sarkophilie*, *Sarkowboy*, *Sarkozerie*, *Sarkozien*, *Sarkozye*, *Sarkozyen*, *Sarkozysme*, *Sarkozyste*, *Ultra-sarkozyste*, *Sarkow-boy*, *Sarkoboys* [Якушева, 2014].

Внутренняя форма таких субстандартных онимов иногда поверхностно-людическая (языковая игра): *Tsarkozy*, *Starkosy*, *Sarkophilie*, *Sarkow-boy*, *Sarkoboys*, *Sarkophage*.

Иногда это злая и оскорбительная насмешка, попытка инфантильно-эристической дискредитации персонажа, подобная прототипическому механизму уничижительных кличек. Она исходит от политических противников. Такая ad-hoc номинация «украшает» имидж как «жертвы» (адгерентный имидж), так и самого номинатора (ингерентный ДИ):

Ségolène Royal – Bécassine (Laurent Joffrin, le patron de «Libération»);
Manuel Valls – le colérique (François Hollande);
Jean-Luc Mélenchon – Méchant Con (Jean-Paul Huchon);
François Hollande – le Pingouin (Carla Bruni-Sarkozy); *Flanby* (Arnaud Montebourg);
Fraise des bois (Laurent Fabius); *le Capitaine de pédalo* (Jean-Luc Mélenchon); *le «moi je»* (Nicolas Sarkozy);
Emmanuel Macron – Choupinet 1er; le chouchou médiatique (Nadine Morano); *le jouvenceau* (Jean-Paul Delevoye); иностранная пресса: *Le Barack Obama français*

(«Süddeutsche Zeitung», Munich); *Le nouvel empereur de l'Europe* («The Spectator», Londres); *Le golden boy qui lit Goethe* («Frankfurter Allgemeine Zeitung», Francfort) [Corpus CPNF].

Но иногда такие онимы отражают реальные политические ad-hoc концепты. Например, ad-hoc концепт *sarkocratie* появился в Интернете в 2005, когда Николя Саркози выдвинул свою кандидатуру на пост президента. Эта ad-hoc номинация не была просто эмоциональной или уничижительной, а выступала именно как политический концепт *SARKOCRATIE*, включавший в свое содержание следующие признаки:

- президент намерен осуществлять все полномочия и решать все вопросы (*l'omniprésident*);
- авторитаризм главы государства;
- монолитное и покорное президентское большинство;
- захват почти всех средств массовой информации и манипулирование информацией (поэтому в среде журналистов этот термин все-таки нёс отрицательную коннотацию);
- популизм и систематическое назначение козлов отпущения, доставляемых в жертву общественному мнению, для оправдания реформ (по мнению противников Саркози);
- налоговое раскрепощение богатства и роскоши [Toupictionnaire].

Иногда онимические, или эпонимические концепты соединяют и эристический юмор, и агональную иронию, но и отражают определенные политические реалии. Так, более сложная людическая (игровая) номинативная стратегия лежит в основе ОПЛИ *Poutinage artistique* – *Poutin(e)* + (*patin*)age *artistique* (фигурное катание), образованная на основе паронимической игры слов – так журналисты *Le Canard Enchaîné* раскритиковали выбор Олимпийским комитетом города Сочи в качестве столицы проведения зимней Олимпиады 2014 г., трансформируя фамилию президента России и намекая на оказанное им влияние на состоявшийся выбор [Corpus CPNF].

Ярким примером *адгерентного дискурсивного имиджа* является также меметика [Тамразова, 2020в] – закрепление в масс-медийном пространстве (включая соц. сети и т. п.) делокутивных мемов, в частности, в формате хэштегов: «#costardgate» – мем-хэштэг ('Костюмгейт' по аналогии с Уотергейтом), возникший после реплики Э. Макрона в беседе с молодым безработным «*Le meilleur moyen de se payer un costard, c'est de travailler*» [Corpus CPNF: *Le Monde*] 'Лучший способ купить костюм – работать'. Делокутивность такой ad-hoc номинации определяют признаки речевого события – факт высказывания Макрона – и понятийно-оценочного содержания – обсуждающееся в обществе высокомерие («*arrogance*») нынешнего президента Франции. Его высказывания

породили целый ряд *общественно-политических лексических ad-hoc инноваций* (ОПЛИ) в виде связанных с его имиджем хэштегов: *#teeshirtpourMacron*; *#poudrePerlimpinpin* и др. [Тамразова, 2020в].

Малейшая оговорка, описка или смысловой ляп попадают в анналы агональной политической эрратологии [Гусейнов, 1997]. Так, известное всему миру *covfefe* Дональда Трампа – опечатка в Твиттере (*«Despite the constant negative press covfefe»* ‘Несмотря на постоянное негативное covfefe в прессе’, в котором за несуществующим в английском языке «covfefe» угадывается слово *coverage* (освещение в СМИ)). Эрратема была подхвачена не только в СМИ США, но и за пределами страны. Опечатка получила широкое распространение и стала мемом в интернет-сообществе посредством многочисленных публикаций и репостов: в августе 2019 года в корпусе «NOW» насчитывалось около тысячи его употреблений [The NOW Corpus]. Онлайн словарь «Urban Dictionary» предлагает несколько определений для *covfefe*, которые варьируются от нейтральных (опечатка, случайная запись в социальных сетях – см. ниже пример (1) – до юмористических или даже оскорбительных – пример (2):

(1) «*My grandmother just posted an epic covfefe on facebook*» [Urban] ‘Моя бабушка запостила эпическую covfefe в Фейсбуке’;

(2) «*When you want to say «coverage» but your hands are too fat and small to hit all the letters on your keyboard ...*» [Urban] ‘Когда хочешь написать «coverage», но твои руки слишком маленькие и толстые, чтобы правильно попадать по клавиатуре ...’.

Таким образом, окказиональная концептуализация как отражение политического персонального концепта, включающего делокутивный имидж политика представляет собой сложное переплетение функций: интеллектуально-интуитивной, экспрессивно-номинативной, агонально-эристической (дискредитирующей), людической, корпоративно-идентифицирующей и проч. Речеязыковые корреляты ad-hoc концептуализации, как и ее функциональная сфера, должны стать предметом более пристального и системного рассмотрения в политической персонологии. Понимание делокутивного имиджа как составляющей персонального политического концепта с учетом его адгерентной и ингерентной составляющих должно быть апробировано исследованиями политической речевой интеракции (дебаты, полемика) на дискурсивном и текстологическом уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алферов А. В. Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Релевантность в концептуализации России во французском парламентском дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 57-62.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Тамразова И. Г., Якушева А. В.

- Релевантность и эристичность политической коммуникации: паремические малапропизмы // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 183-187.
3. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24.
4. Гавра Д. П. Категория имиджа в современной коммуникативистике // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 29-43.
5. Гусейнов Г. Рипарография // Постскриптум: Литературный журнал. Санкт-Петербург: Феникс, 1997. Вып. 1 (6). С.143-167.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва: Ин-т языкоznания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с.
7. Карасик В. И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология. Краснодар, 1994. С. 2-7.
8. Карапулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва: КомКнига, 2006. 264 с.
9. Куркина А. С., Стернин И. А. Коммуникативное поведение и коммуникативная личность носителя языка // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2018. Вып. 3 (39). С. 112-127,
10. Неретина С. С., Огурцов А. Концепты политической культуры. Москва: ИФ РАН, 2011. 276 с.
11. Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Москва: Московский государственный лингвистический университет, 1996. С. 112-116.
12. Попова Г. Е. Релевантность персонального дискурса в политике // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2019а. Т. 15. Вып. 1-2 (43-44). С. 93-99.
13. Попова Г. Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2019б. 368 с.
14. Тамразова И. Г. Эристика как «политическое поведение» // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2019. Т. 15. Вып. 1-2 (43-44). С. 100-107.
15. Тамразова И. Г. Речевая персонология: эристическая тональность и имидж политика // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк: ДонНУ, 2020а. Т. 16. Вып. 2 (48). С. 48-54.
16. Тамразова И. Г. Эристическая языковая личность: проблема имиджа // *Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu* / Red. Aleksander Kiklewicz. Wydawca: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2020б. Р. 357-368.
17. Тамразова И. Г. Эристика как внутренняя форма: мемы в интернете и далее – везде // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Москва: РУДН, 2020в. Т. 2. С. 290-298.
18. Фененко Н. А., Абабий В. Н. Merkozy, Sarkoland, Hollandie и другие неологизмы французского политического медиапространства // Имя собственное в медиа пространстве. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 27-67.
19. Чудинов А.П., Нахимова Е. А., Никифорова М. В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 14-31.
20. Якушева А. В. К семантике политического текста: антропонимы в функциональной среде сетевых средств массовой информации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6-2. С. 237-242.
21. Amossy R. La présentation de soi. Ethos et identité verbale. Paris: PUF, 2010. 235 p,
22. Barthes R. Le Bruissement de la langue. Essais critiques IV. Paris: Seuil, 2015. 448 p.
23. Carston R. Metaphor: Ad Hoc Concepts, Literal Meaning and Mental Images // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series, Vol. 110. 2010. P. 295-321.

24. Charaudeau P. Charisme quand tu nous tiens. Les paradoxes du charisme en politique // Notes de Campagne (un regard sémiologique). 2012. Доступ: <http://www.patrick-charaudeau.com/Charisme-quand-tu-nous-tiens-Les.html>. (дата обращения: 22.10.2020).
25. Eggs E. Ethos aristotélicien, conviction et pragmatique moderne // Amossy R. (éd.), Images de soi dans le discours. La construction de l'ethos. Paris: Delachaux & Niestlé, 1999. P. 31-59.
26. Grady J., Oakley T., Coulson S. Blending and metaphor // Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference, Amsterdam, 1997. P. 101-124.
27. Haselton M. G., Nettle D. The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases // Personality and Social Psychology Review. 2006. 10(1). P. 47-66.
28. Maingueneau D. L'ethos, de la rhétorique à l'analyse du discours // Problèmes d'ethos. Pratiques. 2002. No. 113-114. P. 55-68.
29. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique. Bruxelles: Ed. De l'Université de Bruxelles, 1983. 734 p.
30. Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 265 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Corpus Presse Nationale Française. [Corpus CPNF].
2. The NOW Corpus (News on the Web). Доступ: <https://www.english-corpora.org/now/>. (дата обращения: 22.10.2020).
3. Toupictionnaire: le dictionnaire de politique: Néologismes en politique. Доступ: http://www.toupie.org/Dictionnaire/a_neologismes.htm. (дата обращения: 22.10.2020).
4. Urban Dictionary.Com Доступ: <https://www.urbandictionary.com/>. (дата обращения: 22.10.2020).

REFERENCES

1. Alferov, A. V. Kustova, E. Yu., Popova, G. E. (2015). Relevantnost v kontseptualizatsii Rossii vo frantsuzskom parlamentskom diskurse [Relevance in the conceptualization of Russia in the French parliamentary discourse]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 2 (52). Pp. 57-62. (In Russ.).
2. Alferov, A. V., Kustova, E. Yu., Popova, G. E., Tamrazova, I. G., Yakusheva, A. V. (2018). Relevantnost i eristichnost politicheskoy kommunikatsii: paremicheskie malapropizmy [Relevance and Eristic of political communication: paroemic malapropisms]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3. Pp. 183-187. (In Russ.).
3. Boldyrev, N. N., Grigoreva, V. S. (2018). Kognitivnye dominantly rechevogo vzaimodeistviya [Cognitive dominants of speech interaction]. In *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 4. Pp. 15-24. (In Russ.).
4. Gavra, D. P. (2013). Kategoriya imidzha v sovremennoy kommunikativistike [Category of image in contemporary communication studies]. In *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*. No. 4. Pp. 29-43. (In Russ.).
5. Guseynov, G. (1997). Riparografiya [Riparography]. In *Postskriptum: Literaturnyy zhurnal*. Sankt-Peterburg: Feniks. Vyp. 1 (6). Pp. 143-167. (In Russ.).
6. Karasik, V. I. (1991). *Yazyk sotsialnogo statusa* [Language of social status]. Moskva: Inst yazykoznanija AN SSSR, Volgogradskiy pedagogicheskiy institut. (In Russ.).
7. Karasik, V. I. (1994). Otsenochnaya motivirovka, status litsa i slovarnaya lichnost [The assessment motivation of the person's status and vocabulary personality]. In *Filologiya*. Krasnodar. Pp. 2-7. (In Russ.).
8. Karaulov, Yu. N. (2006). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian language and language personality]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).
9. Kurkina, A. S., Sternin, I. A. (2018). Kommunikativnoe povedenie i kommunikativnaya

lichnost nositelya yazyka [Communicative behavior and communicative personality of a native speaker]. In *Nauchnyi vestnik Voronezhskiy gosudarstvennyy arkitekturno-stroitelnyy universitet. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*. Vyp. 3 (39). Pp. 112-127. (In Russ.).

10. Neretina, S. S., Ogurtsov, A. (2011). *Kontsepty politicheskoy kultury* [Concepts of political culture]. Moskva: IF RAN. (In Russ.).

11. Neroznak, V. P. (1996). Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personology: to determine the status of the discipline]. In *Yazyk. Poetika. Perevod*. Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. Pp. 112-116. (In Russ.).

12. Popova, G. E. (2019a). Relevantnost personalnogo diskursa v politike [Relevance of personal discourse in politics]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 15. Vyp. 1–2 (43–44). Pp. 93-99. (In Russ.).

13. Popova, G. E. (2019b). *Relevantnost rechevoy interaktsii: aspektualnaya i zhanrovaya tipologiya* [The Relevance of verbal interaction: the aspect and genre typology]. Pyatigorsk: Izd-vo PGU. (In Russ.).

14. Tamrazova, I. G. (2019). Eristika kak «politicheskoe povedenie» [Eristic as a politialc behavior]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 15. Vyp. 1–2 (43–44). Pp. 100-107. (In Russ.).

15. Tamrazova, I. G. (2020a). Rechevaya personologiya: eristicheskaya tonalnost i imidzh politika [Speech personology: eristic tonality and image of a politician]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonNU. T. 16. Vyp. 2 (48). Pp. 48-54. (In Russ.).

16. Tamrazova, I. G. (2020b). Eristicheskaya yazykovaya lichnost: problema imidzha [Eristic language personality: the problem of image]. In *Red. Aleksander Kiklewicz. Wizerunek jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu*. Wydawca: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Pp. 357-368. (In Russ.).

17. Tamrazova, I. G. (2020c). Eristema kak vnutrennyaya forma: memy v internete i dalee – vezde [Eristeme as an internal form: memes on the Internet and beyond – everywhere]. In *Yazyk i rech v Internete: lichnost, obshchestvo, kommunikatsiya, kultura*. Moskva: RUDN. T. 2. Pp. 290-298. (In Russ.).

18. Fenenko, N. A., Ababii, V. N. (2019). Merkozy, Sarkoland, Hollandie i drugie neologizmy frantsuzskogo politicheskogo mediaprostranstva [Merkozy, Sarkoland, Hollandie and other neologisms of the French political media space]. In *Imya sobstvennoe v media prostranstve*. Voronezh: Izdatelskiy dom VGU. Pp. 27-67. (In Russ.).

19. Chudinov, A. P., Nakhimova, E. A., Nikiforova, M. V. (2018). Rossiyskaya ligvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov [Russian liguopolitical personology: a Study of the discourse of political leaders]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. T. 9. No. 1. Pp. 14-31. (In Russ.).

20. Yakusheva, A. V. (2014). K semantike politicheskogo teksta: antroponimy v funktsionalnoy srede setevykh sredstv massovoy informatsii [To the semantics of Political text: anthroponyms in the functional environment of mass media]. In *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. No. 6-2. Pp. 237-242. (In Russ.).

21. Amossy, R. (2010). *La présentation de soi. Ethos et identité verbale*. Paris: PUF.

22. Barthes, R. (2015). *Le Bruissement de la langue. Essais critiques IV*. Paris: Seuil.

23. Carston, R. (2010). Metaphor: Ad Hoc Concepts, Literal Meaning and Mental Images. In *Proceedings of the Aristotelian Society*. New Series, Vol. 110. Pp. 295-321.

24. Charaudeau, P. (2012). Charisme quand tu nous tiens. Les paradoxes du charisme en politique. In *Notes de Campagne (un regard sémiologique)*. Available at: <http://www.patrick-charaudeau.com/Charisme-quand-tu-nous-tiens-Les.html>. (accessed: 22.10.2020).

25. Eggs, E. (1999). Ethos aristotélicien, conviction et pragmatique moderne. In Amossy R. (éd.), *Images de soi dans le discours. La construction de l'ethos*. Paris: Delachaux & Niestlé. Pp. 31-59.
26. Grady, J., Oakley, T., Coulson, S. (1997). Blending and metaphor. In *Metaphor in Cognitive Linguistics: Selected papers from the 5th International Cognitive Linguistics Conference*, Amsterdam. Pp. 101-124.
27. Haselton, M. G., Nettle, D. (2006). The paranoid optimist: An integrative evolutionary model of cognitive biases. In *Personality and Social Psychology Review*. 10 (1). Pp. 47-66.
28. Maingueneau, D. (2002). L'ethos, de la rhétorique à l'analyse du discours. In *Problèmes d'ethos. Pratiques*. No. 113-114. Pp. 55-68.
29. Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. (1983). *Traité de l'argumentation. La nouvelle rhétorique*. Bruxelles: Ed. De l'Université de Bruxelles.
30. Sperber D., Wilson, D. (1986). *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Basil Blackwell.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Corpus Presse Nationale Française*.
2. *The NOW Corpus (News on the Web)*. Available at: <https://www.english-corpora.org/now/>. (accessed: 22.10.2020).
3. *Toupictionnaire: le dictionnaire de politique: Néologismes en politique*. Available at: http://www.toupie.org/Dictionnaire/a_neologismes.htm. (accessed: 22.10.2020).
4. *Urban Dictionary.Com*. Available at: <https://www.urbandictionary.com/>. (accessed: 22.10.2020).

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации (e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Кустова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации (e-mail: lenakustov@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Alferov Aleksandr V. – Doctor of Philology, Professor of French Philology and International Communication Department (e-mail: ale-alfyorov@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 9, Kalinina av., Pyatigorsk, 357532

Kustova Elena Yu. – Doctor of Philology, Professor of French Philology and International Communication Department (e-mail: lenakustov@yandex.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University» 9, Kalinina av., Pyatigorsk, 357532

Поступила в редакцию 05 ноября 2020 г.

ЭРИСТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

Эристическая компетенция в широком смысле есть способность производства и восприятия коммуникативных механизмов – речеязыковых, смысловых и речеповеденческих девиаций, направленных либо на реципиента / аудиторию (агональность, эпатаж, пикировка), либо на форму сообщения (карамбур, ирония, сарказм), либо на содержание сообщения (раблезианство, растабуированность, трансгрессия). В статье предлагается концепция эристического в речи на примере функционирования единиц категории – эристем – во французских литературных текстах.

Ключевые слова: эристика, эристема, эпатаж, эристическая компетенция, когнитивный стиль, остранение, постмодернизм, эристическая интенция.

© 2020 I. G. Tamrazova

ERISTIC COMPETENCE AS A LINGUOCOGNITIVE CATEGORY

Eristic competence in a broad sense is the ability to produce and perceive communicative mechanisms – speech-linguistic, semantic and speech-behavioral deviations, aimed either at the recipient / audience (agonality, shocking, picking), or at the form of the message (pun, irony, sarcasm), or at the content of the message (Rabelaisianism, taboos, transgression). The article proposes the concept of the eristic in speech on the basis of the functioning category units – eristems – in French literary texts.

Key words: eristics, eristema, shocking, eristic competence, cognitive style, defamiliarisation, postmodernism, eristic intention.

В большинстве концепций нового времени содержание термина «эристика» представляется как «интеллектуальное фехтование» (А. Шопенгауэр), как стремление одержать победу в речевом поединке «любой ценой», как «спор ради спора», как «эристический кластер» диалога, который трактуется как утверждение «собственной точки зрения путем победы над оппонентом (дискредитации, разоблачения, уничтожения имиджа, подрыва доверия и репутации и т. д.), который воспринимается не как партнер по диалогу или как конкурент, а как соперник и даже как враг» [Зайцев, 2016]. Цель эристики – победить в споре любыми средствами – *per fas et nefas* [Schopenhauer, 1999].

Однако такая узкая интерпретация эристики ограничивает её эвристический потенциал как особой антропологической – философской, психологической и интеракциональной – категории, как возможность рассмотрения эристического **когнитивного стиля** [Асмолов, 1996], речевой тональности [Карасик, 2008; Матвеева, 2011] и особой **речевой компетенции** [Сковородников, 2014].

В семиотическом плане мы рассматриваем речеязыковую эристику как *универсальную интенциональную и интеракциональную* категорию, отражающую речевое противоречие в функциональной системе коммуникативного акта (по Р. О. Якобсону): трансгрессивное (неконвенциональное) отношение адресанта (говорящего) к составляющим семиотического пространства высказывания-знака – референту, адресату, речеязыковой форме сообщения (аномальность кода: каламбур, языковая игра и т. д.), форме контакта (ирония, невежливость и т. д.).

Внешние факторы («фреймы») конфликтности (эристичности) диалога, такие как разногласия, споры и судебные тяжбы, ставили достижение цели (выигрыша) и эвристические возможности диалогического речевого взаимодействия в зависимость от умения пользоваться как эксплицитным воздействием слов, так и их гибкостью, способностью к имплицитному и косвенному воздействию, направленному на *доказательство* своей правоты. Ибо перлокутивным эффектом любого принятия решения является отрицание мнения оппонента и в конечном итоге победа в споре (эристическое начало).

Опираясь на анализ различных типов античных и современных диалогов, можно выделить некие инвариантные черты когнитивного стиля **софистико-эристической диалогики**:

- философская рефлексия (обращение к собственной идентичности) [Aristotle, 1991];
- эвристическая спонтанность (конструирование новых смыслов) [Foster, 2018; Nehamas, 1999];
- свобода (выражение скептицизма по отношению к принятым нормам) [Gouldner, 1965];
- относительность знания (понимание как интерпретация) [Lachance, 2019];
- «диалогический монологизм» (стремление к доминированию в рассуждении и аргументации) [Kerbrat-Orecchioni, 2008];
- агональность (состязательность) [Angenot, 2008];
- лингвопрагматический релятивизм (игра слов, имплицитность / косвенность) [Walton, 1992];
- «эпистемическая бдительность» (скепсис по отношению к оппоненту и аудитории) [Sperber, 2013];
- образность и эстетическая формальная эманация (проявление высшего смысла в яркой форме, эпатаж, фасцинация) [Yankelovich, 1999];

– игровой и психотерапевтический эффект остроумия, смешного (Г. Г. Гадамер, Ж. Лакан, З. Фрейд, Й. Хейзинга) [Тамразова, 2020];

– аргументативно-дидактическая ценность персуазивной «эристической компетенции» (ср. дебаты как средство обучения риторике, воспитания творческой активности, «утверждения автономного мнения и передачи эстетического опыта» [Conti, 2013].

Таким образом, СПОР (эристика) как онтологическое *противоречие (контроверсия)* и интеракциональное противодействие – и *диалектическое*, и *эристическое* (в широком смысле *агональности*) – лежит в основе любого критического диалога (дискуссии, дебатов, полемики) и аргументации, направленной на разрешение противоречия через убеждение оппонента [Robrieux, 1993].

А. П. Сквородников включает *эристическую компетенцию* в базовые культурно-речевые компетенции [Сквородников, 2014: 8] и рассматривает её как составляющую широкой коммуникативно-речевой компетенции:

«Эристическая субкомпетенция (от др. греч. *έριστικά* – ‘искусство спора’) включает знание основ теории спора <...>, умения и навыки его конструктивного ведения. Кроме того, эта субкомпетенция предполагает знание типичных *барьеров общения*, конфликтогенных ситуаций и умение их предупреждать, а в случае возникновения – оптимальным образом преодолевать (см. *Лингвоконфликтология*); знание приёмов речевой манипуляции сознанием и поведением людей (для обеспечения личной и коллективной информационной безопасности); умение противостоять манипулятивному воздействию в бытовой и идеологической сферах общения» [Там же: 226].

Эристическая компетенция как навык «эпистемической бдительности» [Sperber, 2013], то есть критического отношения к информации и её источнику – это условие *sine qua non* современной жизни. Её отсутствие граничит с наивностью, излишней доверчивостью, наконец, с глупостью. А. П. Сквородников связывает *эристическую компетенцию* с такими понятиями, как *спор*; *дебаты*; *дискуссия*; *диспут*; *демагогия*; *диверсия*; *коммуникативные барьеры*; *полемика*; *речевое манипулирование*; *речевые уловки*; *слухи*; *софизм*; *языковое / речевое манипулирование*; *Конфликт* [Сквородников 2014: 821-822].

Очевидно, что в этом перечислении прослеживается связь разнорядковых проявлений речеязыковой эристики. Однако есть инвариантное ядро, объединяющее все эти понятия. Это понятие **контроверсии** (*контроверзии*) – речеязыкового противоречия,

проявляющегося в различных агональных (асимметричных¹) коммуникативных контактах с различной степенью интенсивности нарушения (трансгрессии) нормы, несогласия, отрицательной оценки, неприятия (не)речевых действий адресата, который либо подвержен эпатажу (насмешка, ирония, обман, языковая игра), либо приобретает статус оппонента, который, как правило, дискредитирует критикуемую пропозицию, и сам *дискредитируется* («противником») как источник и цель коммуникативного обмена.

Нарушения деонтологических принципов речевого взаимодействия (кооперативность, ясность, вежливость и т. д.) составляют основу *эристической тональности* любого дискурса. Моделирование эристической тональности, основанное на узуальных (ненормативных) моделях (Usage-based models), концентрируется на способности вариативного использования языка на всех уровнях, от фонетики и фонологии через морфологию и синтаксис до pragmatики и полимодальности. Следуя концепции «узуальной лингвистики», носители языка фиксируют множество примеров использования языка в определенных контекстах, они создают неявную базу метаязыковых знаний, из которой они могут генерировать в когнитивном пространстве все более сложные обобщения (интуитивные схемы) без необходимости прибегать к априорным грамматическим правилам или сознательно усвоенным и применяемым стратегиям [Langacker, 1988]. Идея *эристической компетенции* переходит из области дидактической в область когнитивной [Sperber, 2013] и коммуникативной компетенции [Hymes, 1972].

Эристика как вызов традиционной речемыслительной форме, трансгрессия норм и правил в философском и культурологическом смысле [Кондаков, 1998] вышла из гротеска Рабле, трактатов Ницше, «остранения» русского авангардизма, философского и литературного постмодернизма [Тамразова, 2019в].

Мы выдвигаем гипотезу о том, что в онтологическом и эпистемическом плане эристика может быть представлена как **когнитивно-семиотическая модель** интеракционального – дискурсивного и текстопорождающего – интеллектуально-эмоционального поведения, имеющего план выражения в виде разноуровневых речеязыковых единиц, предназначенных для реализации эристической речевой интеракции.

¹ Идея *а-агональности* как асимметричности логического противоречия – отношения контрадикторности в логическом квадрате противоречий (от *-γωνος* – «угольный»; *γωνία* «угол») – развивается в работе [Ершов, 2007], где автор трактует агональное отношение как «принцип социально-гуманитарного познания». Оригинальная философская концепция вызывает интерес и достаточно продуктивна в перспективе *эристической семиотики*, хотя и построена на морфологической подмене этимона термина *агональность* (от *ἀγών* «борьба», «состязание»).

Эти речевые единицы – эристемы – проявляются в конверсивном top-down / bottom-up когнитивно-дискурсивном процессинге [Блох, 2005: 132] и представлены на макро-, мезо- и микро (квантовом) уровнях дискурса.

Top-down: Макроуровень дискурса (по Т. А. ван Дейку) касается тематики, включенной в деятельностный контекст, на уровне макро-интенциональном [Дейк, 1989]. Этот уровень отражает концептуально-интенциональную перспективу речевого взаимодействия: определение стратегий речевого противодействия, намеренное обострение противоречия между оппонентами, выбор трансгрессивной тональности выражения, выбор цели противодействия (точка зрения / личность оппонента) и концентрация на «жертве» критического (агонального) воздействия [Тамразова, 2019а].

Реализация макроуровня обеспечивается нисходящими уровнями:

Bottom-up: на уровне паравербальном (кванто-эристема) средствами выражения эристемы являются мимика, жест, просодия [Тамразова, 2019б]; на номинативном и синтактико-дискурсивном уровне (мезоэристемы) реализуется речеактовая – пропозициональная, аргументативная и интерперсональная – составляющие эристической интенциональности.

Эристическая компетенция и высокая рекуррентность этих единиц превращают эристемы в узуальные единицы речи, реализуемые средствами всех языковых уровней. Некоторые из эристем превращаются в конвенциональные и фразеологизированные формы (речевые стереотипы, разговорные клише, афоризмы) [Алферов и др., 2018].

Совокупность речеязыковых (полисемиотических) средств образует эристический семиозис, то есть категориальную ситуацию эристического речевого (взаимо)действия. Эристема – продукт эристического семиозиса, абстрактный знаковый конструкт (фонема, диктема, фразема, текстема и т. д.).

На основе анализа теоретического и исследования корпусного материала мы пришли к выводу о наполнении плана содержания и плана выражения эристемы как единицы речевой интеракции (см. табл.).

Таблица. Эристема как семиотическая единица тональности дискурса

План содержания	парадокс, противоречие, абсурд, метафора, юмор, ирония, сарказм, афористичность, семантический сдвиг, многозначность, блэндинг, эвокативность, намек, инсинация, импликация, полифония и др.
План выражения	«остранение», тропы и фигуры, метафтонимия, языковая игра, эллипсис, поликодовость (жесты, мимика), сниженная лексика, междометия, фразеорефлексы, имплицитность, интертекстуальность и др.

Следуя семиотической триаде Ч. С. Пирса [Пирс, 2000: 106], **интерпретанта эристемы** заключает в себе принцип интерпретационного отклонения от нормы, *остранненную «вторичность»* как доминанту семиозиса. Эристема – эвокативный знак, связанный с импликативными и инференционными процессами, отклоняющимися от «нулевой степени» денотации с привлечением обширных фоновых знаний.

Вторичность *иконизма* эристемы отмечает С. Даниэль, говоря об *эпатаже* в искусстве: «В этом находит свое выражение авангардистская позиция по отношению к прошлому, к памяти. Так, согласно Пирсу, бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту; он существует только как образ в памяти. Существование индекса определяется опытом настоящего – *hic et nunc*, тогда как способ существования символа – быть в будущем» [Даниэль, 1998].

Эристические манифестации в художественном дискурсе составляют особый предмет исследования – эристическую тональность, которая, достигая уровня лакунарности ввиду сложности ее передачи в художественном переводе, требует высокой билингвальной компетенции. *Эристическая тональность* – это категория, формирующаяся из гетерогенных средств, создающих имплицитную, косвенную эмоционально-аксиологическую модальность устного или письменного высказывания (текста-дискурса).

Следующие примеры из французской художественной литературы показывают и простоту, и универсальность, а также определенную смысловую и этно-лингвокультурную (см. выше об иронии) имплицитность эристики художественного нарратива («диалогичного» и «монологичного») как внутри текста, так и при его трансляции в переводе:

(1) «Elle: Tu parles bien le français.

Lui: *N'est-ce pas ? Je suis content que tu remarques enfin comme je parle bien le français.*

(Un temps.)

Lui: *Moi, je n 'avais pas remarqué que tu ne parlais pas le japonais ... Est-ce que tu avais remarqué que c'est toujours dans le même sens que l'on remarque les choses ?*

Elle: *Non. Je t'ai remarqué toi, c'est tout»* (M. Duras. Hiroshima mon amour) [Duras 1961: 32].

«Она: Ты говоришь хорошо по-французски.

Он: Неужели? Рад, что заметила, наконец, что я хорошо говорю по-французски.

(Пауза)

Он: А я не заметил, что ты не говоришь по-японски ... А ты заметила, что мы замечаем что-то всегда только в одном направлении?

Она: Нет. Я заметила тебя, и это все» (перевод наш – И. Т.).

(2) «Ce fut beau et impressionnant comme: *un coït en plein air*, un coucher de soleil sur les Monts Grampians, *un K.O. de Cassius Clay*, *la Cinquième Symphonie de New York*, *la Cinquième Avenue de Beethoven*, le Grand Canyon du Colorado,

«Это было прекрасно и удивительно, как: коитус на пленэре, закат в Грампианских горах, нокаут Кассиуса Клея, Пятая Симфония Нью-Йорка, Пятая Авеню Бетховена, Великий Каньон Эльдорадо, моя лучшая книжка, жеребец, готовый к соитию,

mon meilleur bouquin, un cheval en érection, un plateau de fruits de mer, la tirade du Cid, un dîner chez Girardet, une rétrospective Dali et la statue équestre de Jacques Chirac» [Dard, 1985: 14].

тарелка с устрицами, монолог из Сида Кортеля, ужин у славного кулинара Жирардэ, ретроспектива Дали и конная статуя Жака Ширака» (перевод наш – И. Т.).

Оба текста обладают «остраненной» эристической тональностью.

В первом тексте – это иронизм интимной бессмысленности разговора двух влюбленных, во втором – экспрессивный эпатаж на уровне окказионально-остраненных единиц [Новикова, 2010] – пародийных смысловых сочетаний Ф. Дара².

«*Это было прекрасно, как моя лучшая книжка*» – это уже не ирония, а «стёб» – самовозвышающая, претенциозная эристема (*banter* [Culpeper, 2019]). «*Коитус на пленэр*» и «*жеребец, готовый к соитию*» – трансгрессия в сексуальность и раблезианство постмодерна [Тамразова, 2009а].

Эристичность и диалогизм нарратива из второго отрывка заключается не только в эпатажных сравнениях и их «несочетаемостной сочетаемости», но и в прецедентности юмора, непонятного, т. е. угрожающего «положительному лицу» человека, который не знает, кто такой Кассиус Клей, что общего у Пятой Симфонии Нью Йорка и Пятой Авеню Бетховена, или что «конная статуя Жака Ширака» – это также смешно, как конная статуя, например, Жириновского. Таким образом, передача эристической тональности (так мы склонны рассматривать эристичность дискурса) представляет собой значительные трудности, является почти лакунарной и требует особых переводческих трансформаций (компенсаций, комментариев и т. д.).

Такой эристический семиозис (слово- и смыслотворчество) и его воплощающие (остраненные) речеязыковые единицы – эристемы – реализуют противоречие, выраженное в знаке. Выделим в приведенных отрывках соответствующие эристемы.

Таким образом, эристемы в примере (1):

– план содержания: ироническая тональность, передающая банальность влюбленности, речь «не о чем», нарушающая сразу несколько максим Принципа кооперативности (по П. Грайсу) при бесконечной имплицитности смысла (эвокативность), – мы понимаем, смысл этих реплик – ‘*Я тебя люблю, но я не скажу этого, а буду тебя всячески подкалывать, подтрунивать, гладить против шерсти*’ (людическая эристика);

² Ф. Дар (F. Dard) – автор детективных романов о комиссаре Сан-Антонио – один из самых популярных и до сих пор издаваемых авторов, мастер речеязыковой игры и постмодернистского эпатажа.

– план выражения: игра плеоназмами, речевые маркеры иронии (*неужели* и т. д.)
тавтология, делокуттивность [Тамразова, 2017].

Эристемы примера (2):

- план содержания – эпатаж, нонсенс, гротеск, ирония, семантический диссонанс [Тамразова 2009б];
- план выражения – игра слов, парадокс, явная ложь, ареферентность, контаминация, «книжность», градация и т. д.

Такие проявления имеют лакунарный этномаркованный характер, проявляющийся в переводе. Тем не менее, основанная на иконизме, интерпретанта эристемы включает все три стадии семиозиса, по Ч. С. Пирсу [Пирс, 2000: 200], – «первичность – вторичность – третичность» («икона – индекс – символ»): делокуттивная *пародия* (цитация) – указание на партнера *ad hominem* – эмблематичность эристического *поведения* – в интеракциональном плане можно говорить об *эристической речевой компетенции*.

Кроме того, эристика градуальна в речевой конфронтации (аргументативные манипуляции, насмешка, вызов, ирония, сарказм, квази-инвектива и др.), которые в определенной степени регламентируются узуальными нормами речевых практик. *Людическая эристика* отличается от собственно агональной эристики. Это игра в противоречие (дружеская ирония, стёб и т. п.). Другими словами, эристическое речевое поведение характеризуется явными и неявными (непрямыми) речевыми и неречевыми формами.

Когнитивные механизмы, определяющие категориальную ситуацию (фрейм) *эристического в речи*, достаточно разнообразны, но в целом также сводятся к модели, функционирующей на двух уровнях представления: онтологическом и эпистемическом. Функциональное пространство эристики можно разделить на внешнюю – институциональную эристику и внутреннюю – когнитивно-психологическую, связанную с людической, эвристической и художественной креативностью, выражающуюся в определенной речевой интенциональности и тональности говорящего (пишущего).

В речевой интеракции главной характеристикой эристической интенциональности является не столько агрессия, сколько отмеченная выше повышенная «эпистемическая бдительность» – осторожное (отстраненное) отношение к адресату и аудитории. То есть эристика передает определенные – эмоционально-интеллектуальные на входе и интенционально-интерпретативные на выходе – критично-скептические ментальные состояния коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алфёров А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Тамразова И. Г., Якушева А. В. Релевантность и эристичность политической коммуникации: паремические малапропизмы // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 3. С. 183-187.
2. Асмолов А. Г. Когнитивный стиль личности как средство разрешения проблемно-конфликтных ситуаций // Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва: Институт практической психологии, 1996. С. 550-552.
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. Москва: Высшая школа, 2005. 239 с.
4. Даниэль С. Авангард и девиантное поведение // Авангардное поведение. Санкт-Петербург, 1998. С. 41-46.
5. Дейк ван Т. А. Язык, познание, коммуникация. Москва: Прогресс, 1989. 312 с.
6. Ершов В. А. Агональное как предмет социально-философского исследования: дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Москва, 2007. 163 с.
7. Зайцев А. В. Диалог: конфликт или кооперация? (Обзор точек зрения и инновационная парадигма управления диалогом) // Конфликтология / Nota bene. 2016. № 4. С. 257-266.
8. Карасик В. И. Коммуникативная тональность // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. 2008. № 4. С. 20-29.
9. Кондаков И. В. Эристика в культуре 20 в. // Культурология. XX век. Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. Т.2. С. 394-399.
10. Матвеева Т. В. Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Москва, 2011. С. 549-551.
11. Новикова М. Л. Креативный потенциал остраннения. Функционально-грамматический принцип изучения структуры остранненного знака // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 2. С. 19-27.
12. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. Москва: Логос, 2000. 448 с.
13. Сквородников А. П. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Красноярск, 2014. 852 с.
14. Тамразова И. Г. Культурологические и прагмадискурсивные аспекты эристических речевых практик // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009а. № 1. С. 197-201.
15. Тамразова И. Г. Функционально-прагматические характеристики эристического дискурса (на материале французского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Пятигорск, 2009б. 25 с.
16. Тамразова И. Г. Стереотипность делокутивов. Фразеорефлексы // Общественные науки. 2017. № 1. С. 278-285.
17. Тамразова И. Г. Языковая эристика: эвокативное речевое поведение // Мир лингвистики и коммуникации. 2019а. № 56. С. 108-121.
18. Тамразова И. Г. Жестовый язык эристики: французская речевая обыденно-политическая интеракция // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVIII: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка. 2019б. С. 175-182.
19. Тамразова И. Г. Культурологическая эристика и её отражение в художественном тексте // Культура и текст. 2019в. № 1 (36). С. 146-158.
20. Тамразова И. Г. Эристика как социокультурный вызов и тип эмоционального интеллекта // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 1 (40). С. 251-268.
21. Angenot M. Dialogues de sourds. Traité de rhétorique antilogique. Paris: Mille et Une Nuits, 2008. 462 р.

22. Aristotle. *On Rhetoric: A Theory of Civic Discourse/* trans. George Alexander Kennedy. New York: Oxford University Press, 1991. 210 p.
23. Conti de M. Fallacy Selection Criteria for Effective Debate Training // *Argumentation, Rhetoric, Debate and Pedagogy*. Doha, January 11-13. 2013. P. 199-214.
24. Culpeper J. Taboo language and impoliteness // *Oxford Handbook of Taboo Words and Language*. New York: Oxford University Press, 2019. P. 28-40.
25. Foster B. Platonic Agonism: A Dialogical Addendum to Plato's Sophist // *Sophia and Philosophia*. 2018. Vol. 1. Iss. 3. Article 4. Доступ: <https://repository.belmont.edu/sph/vol1/iss3/4>. (дата обращения: 20.09.2020).
26. Gouldner A. The Greek Contest System // *Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory*. New York: Basic Books, Inc., 1965. P. 41-77.
27. Hymes D. H. Models of the Interaction of Language and Social Life. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972.
28. Lachance G. Was Plato an Eristic according to Isocrates? // *Apeiron*. Доступ: <https://doi.org/10.1515/apeiron-2018-0090>. (дата обращения: 20.09.2020).
29. Langacker R.W. A usage-based model // *Cognitive Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, 1988. P. 127-161.
30. Kerbrat-Orecchioni C. *Les actes de langage dans le discours*. Paris: A. Collin, 2008. 200 p.
31. Nehamas A. Eristic, Antilogic, Sophistic, Dialectic: Plato's Demarcation of Philosophy from Sophistry // *Virtues of Authenticity*. Princeton, N.J. 1999. P. 108-122.
32. Robrieux J.-J. *Éléments de rhétorique et d'argumentation*. Paris: Dunod, 1993. 225 p.
33. Schopenhauer A. *L'art d'avoir toujours raison ou Dialectique éristique* (1864). Strasbourg: Circé, 1999. 221 p.
34. Sperber D. Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian // *Episteme*. 2013. 10, (1). P. 61-71.
35. Walton D. Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies // *Argumentation Illuminated*. F. H. van Eemeren wt al. (eds.). Amsterdam: SICSAT, 1992. P. 133-147.
36. Yankelovich D. *The magic of dialogue: Transforming conflict into cooperation*. New York: Simon and Schuster, 1999. 240 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Dard F. *Meurs pas, on a du monde*. Paris: Éditions Fleuve Noir, 1985. 220 p.
2. Duras M. *Hiroshima mon amour*. New-York: Grove Press, 1961. 112 p.

REFERENCES

1. Alferov, A. V. Kustova, E. Yu., Popova, G. E., Tamrazova, I. G., Yakusheva, A. V. (2018). Relevantnost i eristichnost politicheskoy kommunikatsii: paremicheskie malapropizmy [Relevance and eristicity of political communication: paremic malapropisms]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universitet*. 2018. No. 3. Pp. 183-187. (In Russ.).
2. Asmolov, A. G. (1996). Kognitivnyy stil lichnosti kak sredstvo razresheniya problemno-konfliktnykh situatsiy [Cognitive personality style as a means of resolving problem-conflict situations]. In *Kulturno-istoricheskaya psihologiya i konstruirovaniye mirov*. Moskva: Institut prakticheskoy psihologii. Pp. 550-552. (In Russ.).
3. Blokh, M. Ya. (2005). *Teoreticheskie osnovy grammatiki* [Theoretical foundations of grammar]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
4. Daniyel, S. (1998). Avangard i deviantnoe povedenie [Avant-garde and deviant behavior]. In *Avangardnoe povedenie*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
5. Dijk van T. A. (1989). *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication]. Moskva: Progress. (In Russ.).

6. Ershov, V. A. (2007). *Agonalnoe kak predmet sotsialno-filosofskogo issledovaniya* [Agonal as a subject of social-philosophical research]: diss. ... kand. filos. nauk: 09.00.11. Moskva. (In Russ.).
7. Zaytsev, A. V. (2016). Dialog: konflikt ili kooperatsiya? (Obzor tochek zreniya i innovatsionnaya paradigma upravleniya dialogom) [Dialogue: conflict or cooperation? (An overview of perspectives and an innovative paradigm for dialogue management)]. In *Konfliktologiya / Nota bene*. No. 4. Pp. 257-266. (In Russ.).
8. Karasik, V. I. (2008). Kommunikativnaya tonalnost [Communication tone]. In *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova*. No. 4. Pp. 20-29. (In Russ.).
9. Kondakov, I. V. (1998). Eristika v kulture 20 v. [Eristics in the culture of the 20th century]. In *Kulturologiya. XX vek*. Sankt-Peterburg: Universitetskaja kniga. T. 2. Pp. 394-399. (In Russ.).
10. Matveeva, T. V. (2011). Tonalnost [Tone]. In *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka*. Moskva. Pp. 549-551. (In Russ.).
11. Novikova, M. L. (2010). Kreativnyy potentsial ostranneniya. Funkcionalno-grammaticheskiy printsip izucheniya struktury ostrannennogo znaka [The creative potential of defamiliarisation. Functional-grammatical principle of studying of the defused sign]. In *Vestnik RUDN. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. No. 2. Pp. 19-27. (In Russ.).
12. Peirce, C. S. (2000). *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works] / per. s angl. K. Golubovich, K. Chuhrukidze, T. Dmitrieva. Moskva: Logos. (In Russ.).
13. Skovorodnikov, A. P. (2014). *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii)* [Effective verbal communication (basic competencies)]: slovar-spravochnik. Krasnoyarsk. (In Russ.).
14. Tamrazova, I. G. (2009a). Kulturologicheskie i pragmadiskursivnye aspekty eristicheskikh rechevyh praktik [Culturological and pragmatic aspects of eristic speech practices]. In *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 1. Pp. 197-201.
15. Tamrazova, I. G. (2009b). *Funktionalno-pragmatische kharakteristiki eristicheskogo diskursa (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov)* [Functional and pragmatic characteristics of eristic discourse (based on French and Russian languages)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Pyatigorsk. (In Russ.).
16. Tamrazova, I. G. (2017). Stereotipnost delokutivov. Frazeorefleksy [The stereotypical nature of the delocutives. Phrasoreflexes]. In *Obshchestvennye nauki*. No.1. Pp. 278-285. (In Russ.).
17. Tamrazova, I. G. (2019a). Yazykovaya eristika: evokativnoe rechevoe povedenie [Language eristic. Evocative speech behavior]. In *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. No. 56. Pp. 108-121. (In Russ.).
18. Tamrazova, I. G. (2019b). Zhestovyy yazyk yeristiki: frantsuzskaya rechevaya obydenno-politicheskaya interaktsiya [Sign language of eristic: French speech everyday-political interaction]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVIII: Yazyki, kultury, modalnosti: Integratsiya metodov kognitivnykh issledovaniy yazyka*. Pp. 175-182. (In Russ.).
19. Tamrazova, I. G. (2019v). Kulturologicheskaya eristika i ee otzazhenie v hudozhestvennom tekste [Cultural eristic and its reflection in the literary text]. In *Kultura i tekst*. No. 1 (36). Pp. 146-158. (In Russ.).
20. Tamrazova, I. G. (2020). Eristika kak sotsiokulturalnyy vyzov i tip emotsionalnogo intellekta [Eristic as a sociocultural challenge and a type of emotional intelligence]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vyp. 1 (40). Pp. 251-268. (In Russ.).

21. Angenot, M. (2008). *Dialogues de sourds. Traité de rhétorique antilogique*. Paris: Mille et Une Nuits.
22. Aristotle. (1991). *On Rhetoric: A Theory of Civic Discourse* / trans. George Alexander Kennedy. New York: Oxford University Press.
23. Conti de M. (2013). Fallacy Selection Criteria for Effective Debate Training. In *Argumentation, Rhetoric, Debate and Pedagogy*. Doha, January 11-13. Pp. 199-214.
24. Culpeper, J. (2019). Taboo language and impoliteness. In *Oxford Handbook of Taboo Words and Language*. New York: Oxford University Press. Pp. 28-40.
25. Foster, B. (2018). Platonic Agonism: A Dialogical Addendum to Plato's Sophist. In *Sophia and Philosophia*. Vol. 1. Iss. 3. Article 4. Available at: <https://repository.belmont.edu/sph/vol1/iss3/4>. (accessed: 20.09.2020).
26. Gouldner, A. (1965). The Greek Contest System. In *Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory*. New York: Basic Books, Inc. Pp. 41-77.
27. Hymes, D. H. (1972). *Models of the Interaction of Language and Social Life*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
28. Lachance, G. (2019). Was Plato an Eristic according to Isocrates? In *Apeiron*. Available at: <https://doi.org/10.1515/apeiron-2018-0090>. (accessed: 20.09.2020).
29. Langacker, R. W. (1988). A usage-based model. In *Cognitive Linguistics*. Amsterdam: Benjamins. Pp. 127-161.
30. Kerbrat-Orecchioni, S. (2008). *Les actes de langage dans le discours*. Paris: A. Collin.
31. Nehamas, A. (1999). Eristic, Antilogic, Sophistic, Dialectic: Plato's Demarcation of Philosophy from Sophistry. In *Virtues of Authenticity*. Princeton, N. J. Pp. 108-122.
32. Robrieux, J.-J. (1993). *Éléments de rhétorique et d'argumentation*. Raris: Dunod.
33. Schopenhauer, A. (1999). *L'art d'avoir toujours raison ou Dialectique éristique (1864)*. Strasbourg: Circé.
34. Sperber, D. (2013). Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian. In *Episteme*. 10, (1). Pp. 61-71.
35. Walton, D. (1992). Types of Dialogue, Dialectical Shifts and Fallacies. In *Argumentation Illuminated*. F. H. van Eemeren et al. (eds.). Amsterdam: SICSAT. Pp. 133-147.
36. Yankelovich, D. (1999). *The magic of dialogue: Transforming conflict into cooperation*. New York: Simon and Schuster.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Dard, F. *Meurs pas, on a du monde*. Paris: Éditions Fleuve Noir, 1985.
2. Duras, M. *Hiroshima mon amour*. New-York: Grove Press, 1961.

Тамразова Илона Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» (e-mail: ilona999@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» 107023, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38

Tamrazova Ilona G. – Candidate of Philology, Associate Professor of Foreign Language Department (e-mail: ilona999@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Moscow State Technical University» 38, Bolshaya Semenovskaya st., Moscow, 107023

Поступила в редакцию 30 октября 2020 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111:81'373.6

© 2020 Ш. Р. Басыров

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ ПЕРИОДА ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

В настоящей статье исследуется лексика, появившаяся в период распространения по всему свету коронавируса. Она охватывает, с одной стороны, новые слова, а с другой – новые значения ранее существовавших в языке слов. Изучение неолексики производится на материале русского, немецкого и английского языков, полученного из Интернет-источников, актуальных статей по неолексике периода пандемии. В работе затрагиваются словообразовательный, функционально-семантический и стилистический аспекты лексики разноструктурных языков, появившейся в настоящее время.

Ключевые слова: коронавирус, структура, семантика, функционирование, стилистика.

© 2020 Sh. R. Basyrov

STRUCTURAL-SEMANTIC PECULIARITIES OF COVID-19 PANDEMIC VOCABULARY

This article is concerned with the new vocabulary that has emerged during the coronavirus pandemic around the world. It comprises, on the one hand, new words and, on the other hand, new meanings of words that have already existed. The analysis of neologisms under study has been carried out on the basis of English, German and Russian vocabularies obtained from Internet sources and relevant articles on pandemic vocabulary. The word-formative, functional-semantic and stylistic aspects of new pandemic vocabularies in multi-structural languages have been analysed in the article.

Key words: coronavirus, structure, semantics, functioning, stylistics.

1. Вступление

Стремительное распространение коронавируса во всем мире привело к появлению новых понятий и к обогащению языка новыми словами.

Так, по наблюдениям лексикографов Оксфордского словаря, наиболее часто используемым словом в марте 2020 г. была лексема *Covid-19*, которая сумела за несколько месяцев полностью подчинить себе почти весь современный английский язык [Васильева, 2020].

Аналогичный экспоненциальный рост в использовании данного слова за очень небольшой промежуток времени наблюдается и в других языках. По подсчетам чешских лингвистов, в чешском языке уже есть 80 слов, начинающихся со слова «корона» [Васильева, 2020].

Сегодня стали уже обыденными такие слова, как *коронавирусная инфекция*,

коронаэпидемия, коронакризис, коронадепрессия, коронапаника, а также выражения, не связанные со словом «корона», но отвечающие духу времени (*школа в пижаме* ‘способ дистанционного обучения во время пандемии коронавируса, когда все школы закрылись на карантин’).

В настоящей статье делается попытка проанализировать и систематизировать слова, возникшие в русском, английском и немецком языках, и получившие широкое распространение под влиянием пандемии коронавируса. Анализируемая лексика была получена из Интернет-источников [DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie, 2020], статей [Klose-Kückelhaus, 2020; Möhrs, 2020; Wikipedia-Artikel «Herdenimmunität», 2020; Zifonun, 2020], а также из Национальных корпусов немецкого, английского и русского языков.

2. Структура, семантика и функционирование коронавирусной лексики

Последние исследования оксфордских ученых показали, что слово *Covid-19* по частоте использования уже в январе 2020 г. стояло на одном уровне с главными мировыми событиями, а именно: с импичментом президента США, Брекситом и климатическими изменениями, в феврале 2020 года наблюдался его заметный рост и явное превышение в использовании по отношению к вышеперечисленным темам, а в марте 2020 г. слово *Covid-19*, использованное почти 2000 раз на миллион знаков, обошло самое популярное слово английского языка *time* ‘время’, у которого, по данным лексикографов, 1750 использований на тот же миллион. Влияние пандемии на язык также прослеживается в 20 наиболее используемых ключевых словах за последние несколько месяцев. По данным уже упомянутого Оксфордского словаря, в январе 2020 г. со словом *коронавирус* были связаны, так или иначе, каждые 8 слов из 20, а в феврале – уже 14 [Васильева, 2020].

Показательны в этом отношении некоторые примеры из современного английского языка.

(1) англ. *covidiot* ‘ковидиот’ образовалось путем наложения (контаминации) друг на друга двух слов – *covid / coronavirus* и *idiot* ‘идиот’. Как можно догадаться, лексемой *Covidiot* называют человека, который в период пандемии ведет себя неразумным образом, игнорируя предписания карантинного режима, появляется в общественных местах (парках, пляжах), несмотря на признаки простудного заболевания, подвергая, таким образом, опасности окружающих (Urban dictionary). Использование данной лексемы можно услышать также в адрес тех, кто во время карантина скупает в магазине все продовольствие, всю туалетную бумагу, не оставив ничего другим покупателям.

В онлайн-словаре Urban dictionary находим следующие определения *covidiot*:

1. Someone who ignores the warnings regarding public health or safety ‘Человек, который игнорирует предупреждения в области общественного здравоохранения и безопасности’;
2. A person who hoards goods, denying them from their neighbors ‘Человек, который скапивает и запасает товары первой необходимости в огромных количествах, тем самым лишая своих соседей доступа к их приобретению’
3. An idiot who buys toilet paper stock until 2053 in a pandemic as if it's the most precious item ‘Идиот, который во время пандемии скапивает туалетную бумагу в таких количествах, что её хватит до 2053 года, словно это самый ценный предмет на земле’.

Сходное толкование данной лексемы находим в современном немецком языке:

(2) нем. *Covidiot* <jemand, der in Zeiten der Hustseuche nicht den angemahnten Sicherheitsabstand einnehmen will, so tut als hätte er noch nie von Covid 19 – Ettikette gehört> букв. ‘коронавирусный идиот’, т. е. ‘ тот, кто в период эпидемии кашля не соблюдает предостерегающую безопасную дистанцию или делает вид, словно он ничего не слышал об этикете «Ковид-19» [Wörterbuch].

Приведем примеры употребления данного слова из английского и русского языков:

(3) англ. Did you see that *covidiot* with 300 rolls of toilet paper in his basket? ‘Видите того *ковидиота* с 300 рулонами туалетной бумаги в своей корзине?’ [Urban];

(4) англ. That *covidiot* is hugging everyone she sees ‘Этот *ковидиот* обнимает всех, кого видит’ [Urban];

(5) рус. Посмотрите на эту толпу *ковидиотов* в очереди в продуктовом магазине! Могу поспорить, что они хотят купить туалетную бумагу, хотя на самом деле менее чем у 5% разовьется диарея на фоне короны [Васильева, 2020].

Из приведенных примеров видно, что *ковидиотами* называют тех людей, которые в панике скапывают туалетную бумагу и продукты питания, а также тех, кто игнорирует предписания карантинного режима и появляется в общественных местах. Под это понятие также подходят люди, которые намеренно покидают медучреждения, несмотря на наличие у них подозрений на коронавирус.

Интересной представляется также английская суффиксальная неолексема (6) *coronavirusing*, которую можно приблизительно перевести как «коронавирусить». Она употребляется не в значении «заболеть», а описывает домашнее времяпровождение человека во время его самоизоляции или нахождения на карантине. Иными словами, данный неологизм означает ‘ничего не делать, расслабиться, с комфортом устроиться дома на диване’.

Добавим, что в испанском и немецком языках также отмечены аналогичные лексемы, ср.:

(7) исп. *Costa del Sofa* <Urlaubsdestination infolge des Corona-Zwangsprogrammes> (букв. побережье из дивана), т. е. ‘место для отдыха вследствие обязательной программы по борьбе с коронавирусом’;

(8) нем. *Sofasophie* <die bei vielen erst durch die Corona-Krise erzwungene intensive Beschäftigung mit bzw. Liebe zum Sofa > (букв. диванософия), т. е. ‘вынужденное – у многих людей лишь из-за коронавирусного кризиса – интенсивное занятие любовью или привязанность к дивану’, например:

Sitze daheim und studiere Sofasophie букв. ‘Сижу дома и штудирую диванософию’.

В этой связи нельзя не упомянуть (9) английский композит *Covid Boomer* и его русскую кальку *ковид-бумеры*. Данные лексемы появились по аналогии с *беби-бумерами, миллениалами*; ими в шутку называют представителей будущего поколения, которые появятся в скором будущем на свет после начала эпидемии.

Примером новых слов, вошедших в лексический обиход английского и русского языков с приходом коронавируса, стали лексемы (10) англ. *quarantine shaming*, аналогично: рус. *карантин-шеминг*. Под этими словами подразумевается гнев окружающих, направленный на тех, кто неправильно соблюдает условия карантина. В свою очередь, человек, нарушающий режим самоизоляции и заражающий окружающих, получил название (11) *суперспредер* (от англ. *spreader* ‘распространитель’), а предмет и вещи, к которым прикасался недавно зараженный человек, именуются лексемой (12) *фомит*.

Приведем ещё несколько слов из русского языка, которые использовались в речи и раньше, но с приходом пандемии обрели большее распространение или были наделены новым смыслом:

(13) *удалёнка* разг. ‘работа из дома, на которую многие организации перевели своих сотрудников из-за необходимости соблюдать карантин, в том числе дистанционное обучение в школах и вузах’;

(14) *инфодемия* ‘информационная эпидемия, часто ложная и преувеличенная’;

(15) *санитайзер* ‘обеззаражающая жидкость’;

(16) *тепловизор* ‘прибор для моментального измерения температуры’;

(17) *социальное дистанцирование* ‘мера по сокращению контактов с другими людьми, соблюдение двухметровой дистанции’.

Для немецкого языка периода пандемии характерно появление большого количества композитов, часто с существительным *Corona* в качестве детерминативного

компоненты, например:

(18) *Coronavirus-Syndrom* <das plötzliche Bedürfnis, sofort raus aus dem Haus oder dem falschen Land, wo man gerade gestrandet ist, und ab und weg zu müssen – vielleicht dahin wo die Welt noch in Ordnung ist – besonders wenn es etwas kränkelt> букв. ‘синдром коронавируса’, т. е. ‘неожиданная потребность немедленно покинуть дом или опасную страну, где оказался в затруднительном, тяжелом положении, желание уйти, возможно, туда, где все в порядке, особенно, если что-то болит’;

(19) *Corona-Marsch* <wie Gänsemarsch und Schlangestehen – nur mit 2-3 Meter Abstand halten> букв. ‘коронавирусный марш’, т. е. ‘медленно двигаться, стоять в очереди, на расстоянии 2-3 метров друг от друга’;

(20) *Corona-Party* <Haus-Party zu Zeiten der Hustseuche, im kleineren oder grösseren Bekannten- / Freundeskreis, wo ja nichts passieren kann> букв. ‘коронавирусная вечеринка’, т. е. ‘вечеринка на дому в период эпидемии кашля, в маленьком или в большом кругу знакомых либо друзей, где точно ничего опасного не случится’;

(21) *Corona-Pfund* <Gewicht zulegen während Corona> ‘набрать вес во время коронавируса’;

(22) *Corona-Gouvernante* <Abstand-Warnerin, die beim Kinderspiel mitgeschickt wird> букв. ‘коронавирусная гувернантка’, т. е. ‘воспитательница, которая контролирует социальную дистанцию во время детских игр’;

(23) *Geisterspiel* <Spiel im Fußball u.s.w., das unter Ausschluss von Zuschauern stattfindet> букв. ‘игра призраков’, т. е. ‘игра в футбол и т. п., во время которой отсутствуют зрители’;

(24) *Herdenimmunität* <kollektive Immunität> букв. ‘стадный иммунитет’, т. е. ‘коллективный иммунитет’;

(25) *Gabenzaun* <Zaun, an den Tüten mit (Lebensmittel-)Spenden für Bedürftige gehängt werden> букв. ‘забор с дарами’, т. е. ‘забор, на котором вывешиваются в пластиковых сумках продукты питания для нуждающихся’.

Помимо активизации словосложения, в немецком языке появляются различного типа аббревиатуры (слоговые, инициальные и т. п.), ср.:

(26) *MuNaske* <**Mu**[nd- und] **Na**[senma]ske> ‘защитная маска’;

(27) *Spuschu* <**Spu**[ck]schu[tz]> букв. ‘защита от плевания’, шутл. ‘защитная маска’;

(28) *VIP* <voll isolierte Person; eine sich selbst isolierende Person> ‘полностью изолированный в период пандемии человек; самоизолирующийся человек’.

3. Выводы

3.1. Стремительное распространение коронавируса принесло немало новых понятий, слов и новых значений слов. Пандемия коронавирусной инфекции обогатила английский, немецкий и русский языки новыми словами, лексико-семантическими вариантами слов и выражениями.

3.2. В структурном отношении лексика пандемии характеризуется в русском, немецком и английском языках в целом активизацией суффиксального способа, словосложения, синтаксического и семантического способов, аббревиации и контаминации. Многие слова в русском и немецком языках являются заимствованиями из английского.

3.3. В стилистическом отношении коронавирусная лексика характеризуется широким регистром (разговорные, фамильярные, ироничные, шутливые, грубые), среди них преобладают слова с негативной коннотацией (*подцепить корону; цифровой концлагерь; ковидиот и др.*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Е. В. Пандемия коронавируса обогатила языки новыми словами и выражениями. Доступ: <https://newdaynews.ru/coronavirus-covid-19/688292.html>. (дата обращения: 20.08.2020).
2. Klose-Kückelhaus A. Neue Wörter in der Coronakrise – von Social-Distancing und Gabenzaun. Доступ: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport>. (дата обращения: 20.08.2020).
3. Möhres Ch. Grübelst du noch oder weißt du es schon? – Glossare erklären Corona-Schlüsselbegriffe. Доступ: <https://www.1.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/29/06/20>. (дата обращения: 20.08.2020).
4. Wikipedia-Artikel «Herdenimmunität». Доступ: <https://de.wikipedia.org/wiki/Herdenimmunität>. (дата обращения: 04.05.2020).
5. Zifonun G. Zwischenruf zu «Herdenimmunität». Доступ: <https://www1.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/>. (дата обращения: 29.06.2020).
6. DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 29.06.2020).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Британский национальный корпус. Доступ: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. (дата обращения: 20.08.2020).
2. Мангеймский корпус немецкого языка. Доступ: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (дата обращения: 20.08.2020).
3. Национальный корпус русского языка. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (дата обращения: 20.08.2020).
4. Urban dictionary. Доступ: <https://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 30.06.2020). [Urban].
5. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Umgangssprache und Sprichwörtern. Доступ: <https://mundmische.de>. (дата обращения: 30.06.2020). [Wörterbuch].

REFERENCES

1. Vasilieva, E. V. *Pandemiya koronavirusa obogatila yazyki novymi slovami i vyrazheniyami* [The coronavirus pandemic has enriched multiple languages with new words and expressions]. Available at: <https://newdaynews.ru/coronavirus-covid-19/688292.html>. (accessed: 20.08.2020). (In Russ.)
2. *DWDS-Themenglossar zur Covid-19-Pandemie*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 29.06.2020).
3. Klose-Kückelhaus, A. *Neue Wörter in der Coronakrise – von Social-Distancing und Gabenzaun*. Available at: <https://pub.ids-mannheim.de/laufend/sprachreport> (accessed: 20.08.2020).
4. Möhrs, Ch. *Grübelst du noch oder weißt du es schon? – Glossare erklären Corona-Schlüsselbegriffe*. Available at: <https://www.1.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/29/06/20/>. (accessed: 20.08.2020).
5. *Wikipedia-Artikel «Herdenimmunität»*. Available at: <https://de.wikipedia.org/wiki/Herdenimmunität>. (accessed: 4.05.2020).
6. Zifonun, G. *Zwischenruf zu «Herdenimmunität»*. Available at: <https://www1.ids-mannheim.de/sprache-in-der-coronakrise/>. (accessed: 29.06.2020).

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Britanskiy natsionalnyy korpus* [British National Corpus]. Available at: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>. (accessed: 20.08.2020).
2. *Mangeymskiy korpus nemetskogo yazyka* [Das Deutsche Referenzkorpus] – DeReKo. Available at: <https://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora>. (accessed: 20.08.2020).
3. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (accessed: 20.08.2020). (In Russ.)
4. *Urban dictionary*. Available at: <https://www.urbandictionary.com>. (accessed: 30.06.2020).
5. *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß an Umgangssprache und Sprichwörtern*. Available at: <https://mundmische.de>. (accessed: 30.06.2020).

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 25 сентября 2020 г.

ГЛАГОЛЫ, МОТИВИРОВАННЫЕ ЗООНИМАМИ, В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОМ И СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье осуществлено описание семантики и структуры глаголов, мотивированных зоонимами, в средневерхненемецком и современном немецком языке. Основная задача заключалась в установлении корпуса зоонимов и мотивированных ими глаголов, их классификации, семантическом, структурном и количественном анализе. В результате установлены общие и специфические характеристики исследуемых единиц в два периода развития немецкого языка.

Ключевые слова: зооним; глагол, мотивированный зоонимом; средневерхненемецкий язык, сопоставительный анализ, формула толкования, инхоативный глагол, каузативный глагол.

ZOONYM MOTIVATED VERBS IN MIDDLE HIGH GERMAN AND MODERN GERMAN

The article describes the semantics and structure of verbs motivated by zoonyms in the Middle High German and Modern German languages. The main aim of the research is to determine the set of zoonyms and the verbs motivated by them, to classify them, the analyse them from semantic, structural and quantitative points of view. As a result, common and specific characteristics of the given units in two periods of German language development are determined.

Key words: zoonym; verb motivated by zoonym; Middle High German; comparative analysis; interpretation formula; inchoative verb, causative verb.

1. В работе рассматриваются глаголы, мотивированные зоонимами (далее ГМЗ), то есть глаголы, образованные от названий животных, в средневерхненемецком (свн.), то есть немецком языке середины XI – середины XIV вв. и в современном немецком, или нововерхненемецком языке (нвн.). Ср. примеры ГМЗ: (1) свн. *esel* ‘осёл’ → *eselen* 1. *eselhaft* *sein* ‘вести себя глупо, как осёл’; 2. *zum esel machen* ‘сделать глупым, как осёл’; (2) *mūs* ‘мышь’ → *mūsen* 1. *mäuse fangen* ‘ловить мышей’; 2. (*stehlend, suchend*) *schleichen* ‘(во время кражи, разыскивая что-л.) прокрадываться’; 3. *listig sein, betrügen* ‘хитрить, обманывать’; 4. *kitzeln* ‘щекотать’; (3) нвн.: *Krebs, m* ‘рак’ → *krebsen* 1. *Krebse fangen* ‘ловить раков’; 2. (ugs.) *sich mühsam (kriechend, tastend) irgendwohin bewegen* ‘(разг.) с трудом (ползком, наощупь) двигаться куда-л.’; (4) *Tiger, m* ‘тигр’ → *tigern* 1. (*selten*) *mit einer an ein Tigerfell erinnernde Musterung versehen* ‘(редко) наносить узор, напоминающий тигровый мех’;

2. (ugs.) *irgendwohin zu einem oft weit entfernten Ziel gehen, marschieren* ‘(разг.) идти, маршировать часто к далеко находящейся цели’.

Немецкие глаголы, мотивированные именами существительными, в том числе ГМЗ, описаны в работах ряда учёных [Carl, 1957-1978; Kühnhold, Wellmann, 1973; Kulak, 1964, Wellmann 1973].

Целью данного исследования является семантическая и структурная характеристика ГМЗ в свн. и нвн.

Материал работы получен из словарей [Graff, DUW, MHW, MND] и из корпуса отыменных глаголов в монографиях [Калиущенко, 2019; Kaliuščenko, 1988].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения динамики развития семантических и структурных типов лексики в свн. и нвн.

2. В исследовании [Калиущенко, 2019: 194-235] представлен корпус отыменных глаголов на трёх срезах истории немецкого языка, но ГМЗ в древневерхненемецком языке представлены только двумя единицами: (5) *fisc* ‘рыба’ → *fiscōn* ‘ловить рыбу’, (6) *fogal* ‘птица’ → *fogalōn* ‘ловить птиц’. В свн. отмечены 26 ГМЗ, в качестве которых рассматриваются здесь как отдельные глаголы ((7) *vischen* ‘ловить рыбу’ ← *visch* ‘рыба’), так и лексико-семантические варианты многозначных глаголов (см. примеры (1), (2)). Они образованы от 20 зоонимов, которые относятся к следующим тематическим группам (см. табл. 1):

- 1) наименования домашних животных: (8) *bock* ‘козёл, баран’, (9) *kalp* ‘телёнок’; (10) *hunt* ‘собака’; (11) *esel* ‘осёл’; (12) *katze* ‘кошка’;
- 2) наименования диких животных: (13) *affe* ‘обезьяна’;
- 3) наименования птиц: (14) *gans* ‘гусь’, (15) *gouch* ‘кукушка’;
- 4) наименования насекомых, червей: (16) *made* ‘червь’, (17) *lūs* ‘вошь’;
- 5) наименования холоднокровных: (18) *visch* ‘рыба’, (19) *kabbik* свн. ‘моллюск’;
- 6) собирательный зооним: (20) *swarm* ‘рой пчёл’.

3. В нвн. количество зоонимов, мотивирующих глаголы, возросло в три раза (см. табл. 1), в тематических группах появились новые зоонимы:

- 1) наименования домашних животных: (21) *Ferkel, n* ‘поросёнок’, (22) *Pudel, m* ‘пудель’, (23) *Sau, f* ‘свинья’;
- 2) наименования диких животных: (24) *Dachs, m* ‘сурок’ , (25) *Luchs, m* ‘рысь’, (26) *Tiger, m* ‘тигр’;
- 3) наименования птиц: (27) *Fink, m* ‘зяблик’, (28) *Reiher, m* ‘ястреб’, (29) *Storch, m* ‘аист’;

4) наименования насекомых: (30) *Ameise*, *f* ‘муравей’, (31) *Grille*, *f* ‘сверчок’, (32) *Käfer*, *m* ‘жук’;

5) наименования холоднокровных: (33) *Krebs*, *m* ‘рак’, (34) *Aal*, *n* ‘уж’, (35) *Frosch*, *m* ‘лягушка’, (36) *Unke*, *f* ‘жерлянка’;

6) собирательный зооним: (37) *Schwarm*, *m* ‘рой пчёл’, ‘стая птиц’.

Сопоставительный анализ показал, что в нвн. отсутствуют следующие зоонимы, мотивирующие глаголы, отмеченные в свн.: (11) *katze*, (15) *gouch*, (16) *made*, (19) *kabbik*. Вместе с тем в нвн. образованы 40 новых ГМЗ от наименований:

1) экзотических диких животных: (38) *Büffel*, *m* ‘буйвол’, (34) *Robbe*, *f* ‘тюлень’, (26) *Tiger*, *m* ‘тигр’, (39) *Känguru*, *n* ‘кенгуру’;

2) детёныш животных: (21) *Ferkel*, *n* ‘поросёнок’; (40) *Fohlen*, *n* ‘жеребёнок’;

3) пород собак: (22) *Pudel*, *m* ‘пудель’; (41) *Pintscher*, *m* ‘пинчер’, (42) *Mops*, *m* ‘мопс’;

4) птиц: (27) *Fink*, *m* ‘зяблик’, (29) *Storch*, *m* ‘аист’.

Таблица 1. Тематические группы зоонимов, мотивирующих глаголы в средневерхненемецком языке

Тематические группы зоонимов	Количество	Примеры
1. Наименования домашних животных	свн. 10	<i>kalp</i> ‘телёнок’ → <i>kalben</i> ‘телиться’
	нвн. 19	<i>Ferkel</i> , <i>n</i> → <i>ferkeln</i> 1. ‘пороситься (о свинье)’; 2. ‘пачкать (как поросёнок)’
2. Наименования диких животных	свн. 2	<i>affe</i> ‘обезьяна’ → <i>effen</i> ‘обезьянничать’
	нвн. 18	<i>Dachs</i> , <i>m</i> ‘сурок’ → <i>dachsen</i> ‘спать, как сурок’
3. Наименования птиц	свн. 3	<i>gouch</i> ‘кукушка’ → <i>gouchen</i> ‘куковать’
	нвн. 8	<i>Storch</i> , <i>m</i> ‘аист’ → <i>storchchen</i> разг. шутл. ‘идти (как аист) с высоко поднятыми ногами широким шагом’
4. Наименования насекомых, червей	свн. 3	<i>made</i> ‘червь’ → <i>maden</i> ‘быть червивым; разлагаться’
	нвн. 9	<i>Laus</i> , <i>f</i> ‘вошь’ → <i>verlausen</i> ‘завшиветь’
5. Наименования холоднокровных животных	свн. 2	<i>visch</i> ‘рыба’ → <i>vischen</i> ‘ловить рыбу’
	нвн. 8	<i>Schlange</i> , <i>f</i> ‘змея’ → <i>sich schlängeln</i> ‘ускользать, уползать, извиваться’
6. Собирательные зоонимы	свн. 1	<i>swarm</i> ‘рой пчёл’ → <i>swarmen</i> ‘роиться’
	нвн. 1	<i>Schwarm</i> , <i>m</i> ‘рой пчёл; стая птиц’
Всего	свн. 21	
	нвн. 63	

4. Семантические группы глаголов, мотивированных именами существительными, в том числе и зоонимами, выделяются с помощью perífrase или формулы толкования на основе мотивационных отношений между мотивирующим именем (в данном случае

зоонимом) и самим глаголом [Волоцкая, 1972; Гинзбург, 1982; Kaliuščenko, 1988; Kulak, 1964; Marchaud, 1964; Wellmann, 1973 и др.]. Так, большинство исследуемых глаголов могут быть описаны следующей формулой толкования «X совершает действия (издаёт звук, запах, двигается), типичные для животного Ym» (здесь X – субъект, Ym – зооним, мотивирующий глагол, приписывающий субъекту признак, характерный для данного животного, это так называемый атрибутивный глагол), напр.: свн. (43) *bock* ‘козёл, баран’ → *bocken* 1. ‘бодаться, как козёл’; 2. ‘пахнуть козлом’. Отыменные глаголы представлены значительным числом семантических типов, например, **объектные** (описываемые формулой толкования «X изготавливает, создаёт Ym – объект», ср.: нвн. (44) *Saft, m* ‘сок’ → *saften* ‘выжимать сок’, (45) *Butter, f* ‘масло’ → *buttern* ‘сбивать масло’), **инструментальные** (с формулой толкования «X совершает действие при помощи инструмента Ym», ср. нвн. (46) *Ruder, n* ‘весло’ → *rudern* ‘грести веслом’), **атрибутивные** (см. пример (42)) и др.

5. Из общего количества (29 семантических групп) отыменных глаголов, устанавливаемых в работе [Kaliuščenko, 1988], ГМЗ отмечены только в восьми группах (см. табл. 2).

5.1. Наиболее продуктивной как в свн., так и в нвн., являются атрибутивные ГМЗ, описываемые толкованием «X ведёт себя, проявляет качества подобно животному Ym». В свн. отмечены девять ГМЗ этой группы, напр.: (1) *esel* ‘осёл’ → *eselen* ‘вести себя глупо, как осёл’, (12) *affe* ‘обезьяна’ → *effen* ‘обезьянничать’. В нвн. в данную группу вошли 44 ГМЗ, например: (45) *Kalb, n* ‘телёнок’ → *kalbern* разг. ‘дурачиться’, (47) *Hamster, m* ‘хомяк’ → *hamstern* ‘скупать, заготавливать впрок (продукты, товары и т.п.)’. Глаголы данной группы обозначают: а) поведение – свн.: (1), (48) *katze* ‘кошка’ → *katzen* ‘грызться, как кошки’, нвн. (12), (46), (47); б) издаваемые звуки (49) свн. *gouch* ‘кукушка’ → *gouchen* ‘куковать’, нвн. (50) *Unke, f* ‘жерлянка’ → *unken* 1. ‘квакать (о лягушках)’; 2. ‘каркать, предсказывать недоброе’; в) запах: свн. (43); (51) нвн. *Bock, m* ‘козёл, баран’ → *böckeln* диал. 1. ‘дурно пахнуть’, 2. ‘пахнуть козлом’; г) манеру движения: (52) нвн. *Käfer, m* ‘жук’ → *käfern* ‘сновать, как жук’.

5.2. «X превращается (как) в Ym». Глаголы данной группы являются инхоативными атрибутивными, то есть выражают начинательность [Storch, 1978], они описываются формулой толкования, в которой глагол «превращаться» может быть перефразирован на семантическом языке: «начинать быть животным, (как) животное, обозначенным зоонимом, мотивирующим глагол». В свн. этому толкованию соответствует один глагол: (53) *hund* ‘собака’ → *hunden* ‘стать (униженным), как пёс’. В нвн. отмечены шесть ГМЗ

этой группы: (54) *Puppe, f* зоол. ‘куколка’ → *sich ein-, verpuppen* ‘окуклиться (о личинке)’; (55) *Tier, n* ‘животное, зверь’ → *vertieren* ‘озвереть, потерять человеческое лицо’.

5.3. «Х превращает Z (как) в Ym». Данная группа включает четыре ГМЗ в сvn.: (56) *gans* ‘гусь’ → *ver-gansen* ‘делать глупым, как гусыня’, и пять ГМЗ в нvn.: (57) *Karaup, m* ‘петух-каплун’ → *karaupen, karaupisieren* ‘каплунировать петуха’. Глаголы данной группы являются каузативными атрибутивными [Недялков, Сильницкий 1969], то есть выражающими значение ‘превращать = каузировать быть [Калиущенко, 1987] (как) животное, которое называет мотивирующий зооним’.

Таблица 2. Семантические группы глаголов, мотивированных зоонимами

Формулы толкования глаголов	Количество	Примеры
1. «Х ведёт себя, проявляет качества (манера движения, запах, звуки) подобно животному Ym»	сvn. 12	<i>katze</i> ‘кошка’ → <i>sich katzen</i> ‘грызться, как кошки’
	нvn. 44	<i>Käfer, m</i> ‘жук’ → <i>käfern</i> ‘сновать, как жук’
2. «Х превращается (как) в Ym»	сvn. 1	<i>hund</i> → сvn. <i>hunden (hündisch werden)</i> ‘стать, начать (вести себя) как собака’
	нvn. 6	<i>Puppe, f</i> зоол. ‘куколка’ → <i>sich verpuppen</i> ‘превратиться в куколку (о личинке)’
3. «Х превращает Z (как) в Ym»	сvn. 4	<i>esel</i> ‘осёл’ → <i>eselen (zum esel machen)</i> ‘делать ослом, глупцом’
	нvn. 5	<i>Karaup, m</i> ‘петух-каплун’ → <i>karaupen, karaupisieren</i> ‘каплунировать петуха’
4. «Х приносит потомство Ym»	сvn. 2	<i>welf</i> ‘щенок’ → <i>welfen</i> ‘щениться, приносить щенков’
	нvn. 4	<i>Lamm, n</i> ‘ягнёнок’ → <i>lammen</i> ‘ягниться’
5. «Х ловит, добывает Ym»	сvn. 5	<i>vogel</i> ‘птица’ → <i>vogelen</i> ‘ловить птиц’
	нvn. 8	<i>Fisch, m</i> ‘рыба’ → <i>fischen</i> ‘ловить рыбу’
6. «Х подвергается воздействию Ym»	сvn. 2	<i>made</i> ‘червь’ → <i>maden</i> ‘быть червивым’
	нvn. 3	<i>Laus, f</i> ‘вошь’ → <i>verlausen</i> ‘завшиветь’
7. «S уничтожит Ym, размножившихся в месте»	сvn. –	
	нvn. 4	<i>Wanze, f</i> ‘клоп’ → <i>entwanzen</i> ‘уничтожать клопов где-л.’
8. «Х стремится к Y» Остаточная группа	сvn. –	
	нvn. 3	<i>Stier, m</i> ‘бык’ → <i>stieren</i> ‘быть в течке (о корове)’, <i>Aal, n</i> ‘уж’ → <i>aalen</i> устар. ‘чистить трубы, пропускать сквозь них ужей’
Всего	сvn. 26	
	нvn. 77	

5.4. «Х (животное) приносит потомство Ym»: глаголы данной группы образованы от наименований детёнышей животных. В сvn. отмечены 2 глагола этой группы, в нvn. – 4,

ср. примеры: свн. (58) *welf* ‘щенок’ → *welfen* ‘щениться’, нвн. (59) *Lamm, n* ‘ягнёнок’ → *lammen* ‘ягниться’, (60) *Fohlen, n* ‘жеребёнок’ → *fohlen* ‘жеребиться’.

5.5. «Х ловит, добывает Ym». Данное толкование описывает семантику пяти глаголов в свн. и восьми – в нвн., например: (61) свн. *vogel* ‘птица’ → *vogelen* ‘ловить птиц’, (62) *mūs* ‘мышь’ → *mūs* ‘ловить мышей’, нвн.: (63) *Fisch, m* ‘рыба’ → *fischen* ‘ловить рыбу’, (64) *Wild, n* ‘дичь’ → *wildern* 1. a) (*strafbarerweise*) *ohne Jagderlaubnis Wild erschießen, fangen*; b) *wildernd (1a) erlegen*: ‘(под угрозой штрафа) без разрешения на охоту стрелять, ловить дичь; 2 (*von Hunden, Katzen*) *herumstreuen und dabei wildlebende Tiere töten* ‘(о собаках, кошках) рыскать и убивать диких животных’.

5.6. «Х подвергается воздействию Ym». В свн. отмечено два глагола и в нвн. четыре глагола данной группы: свн. (65) *made* ‘червь’ → *maden* ‘быть червивым’, (66) *Laus, f* ‘вошь’ → *verlausen* ‘завшиветь’. Глагол *verlausen* имеет переходный лексико-семантический вариант: *Läuse auf jmdn. übertragen* ‘перенести вшей’, ‘заразить вшами’: *eine Baracke verlausen* ‘заразить вшами барак’.

5.7. «Х уничтожает, удаляет Ym из места, помещения Z». Данная группа включает так называемые «привативные» глаголы [Weisgerber 1958: 35]. В нвн. отмечены четыре ГМЗ этой группы: (67) *Ratte, f* ‘крыса’ → *entratten* ‘дератизировать, уничтожать крыс’, (68) *Wanze, f* ‘клоп’ → *entwanzen* ‘уничтожать клопов’.

5.8. Остаточная группа включает несколько глаголов в нвн., см. таблицу 2, а также: (69) *Aal, n* ‘уж’ → *aalen* *ustar.* ‘чистить трубы, пропуская сквозь них ужей’.

Семантика ГМЗ может по-разному соотноситься со значением зоонима:

- 1) ГМЗ первых трёх групп (5.1.-5.3.) основаны преимущественно на одном ярком признаком, типичном для данного животного (см., например (12), (47)) и др.;
- 2) отдельные ГМЗ основаны на 2-3 признаках (см. примеры (2), (41) и др.);
- 3) некоторые глаголы групп 5.2 и 5.3 «вбирают» всё нерасчленённое на признаки значение зоонима, см. примеры (58), (59). К этому типу соотношения семантики ГМЗ и зоонима относятся и глаголы групп 5.4.-5.8.

6. Словообразовательные типы представлены в свн. преимущественно безаффиксными ГМЗ, ср. примеры (1), (2) и др. Исключение составляет глагол с префиксом *ver-* (56) *ver-gansen*. В нвн. большинство ГМЗ также образованы безаффиксным способом, см. примеры (3), (4) и др. Вместе с тем, появились глаголы с суффиксами *-(e)l*, *-er*, *-ier* (*-isier*) (см. примеры (51), (46), (57) и др., а также с префиксами *ein-*, *ent-*, *ver-*, см. примеры (54), (66), (67). Характерно, что определённые префиксы формируют глаголы той или иной семантической группы, ср. префиксы *ein-* и *ver-* отмечены преимущественно в группе 5.2., сообщая им

значение «превращения» [Henzen, 1956]; префикс *ent-* формирует глаголы со значением «лишения», см. ГМЗ группы 5.7.

7. Описание и классификация зоонимов и мотивированных ими глаголов в свн. и нвн. позволяют сделать следующие основные выводы.

7.1. Зоонимы, мотивирующие глаголы, в свн. принадлежат к шести, в нвн. – к восьми тематическим группам (см. табл. 2). В свн. половина зоонимов представляет наименования домашних животных, остальные тематические группы включают единичные наименования. В нвн. количество наименований домашних и диких животных примерно равно.

7.2. Вовлечение значительного числа новых зоонимов в процесс глагольного словообразования в нвн. период объясняется, с одной стороны, развитием словарного состава на основе исконного немецкого лексикона, с другой стороны, на основе наименований «экзотических» животных (см. п. 3).

7.3. В нвн. отмечены ГМЗ групп 5.7, 5.8 (см. таблицу 2), отсутствующих в свн. ГМЗ группы 5.7 выражают значение ‘обеззараживать; уничтожать вредных насекомых, крыс’, их появление обусловлено развитием бытовой культуры общества, медицины (см. табл. 2). Более половины всех ГМЗ (первая группа, см. 5.1, табл. 2) обозначают «вести себя, проявлять качества (манеру движения, запах, звуки, окраску) подобно данному животному». Семантика этих глаголов, как и глаголов второй и третьей групп (см. 5.1.-5.3) основана на метафорическом переносе определённого признака, характерного для данного животного, чаще всего на человека, редко – на другое животное или на неодушевлённый предмет.

7.4. В свн. практически все ГМЗ образованы безаффиксным способом (см. п. 6). В нвн. также преобладают безаффиксные ГМЗ, вместе с тем появились глаголы, образованные при помощи суффиксов и префиксов. В двух группах отмечена корреляция семантики ГМЗ с определёнными префиксами. Так, группа со значением «превращения» представлена преимущественно глаголами с префиксом *ver-*, а группа «уничтожения, удаления» – глаголами с префиксом *ent-*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волоцкая З. М. Опыт описания деривативных значений (на материале русского и польского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва: 1972. 25 с.
2. Гинзбург Е. Л. Существительное в маске глагола // Теоретические аспекты деривации. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 1982. С. 102-133.
3. Калиущенко В. Д. Немецкие отыменные глаголы: синхрония, диахрония, типология. Донецк: ДонНУ, 2019. 250 с. (Типологические, сопоставительные,

диахронические исследования; Т. 17).

4. Калиущенко В. Д. Типология локативных, посессивных и атрибутивных отсубстантивных глаголов // Вопросы языкоznания. 1987. №1. С. 93-106.
5. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. С. 5-19.
6. Carl H. Tiernamen bilden Verben // Wirkendes Wort. 1957-1958. Н. 8. S. 352-357.
7. Erben J. Einführung in die Wortbildungslehre. Berlin: Akademie-Verlag, 1975. 458 S.
8. Henzen W. Der heutige Bestand der Verben mit *ver-* // Fragen und Forschungen im Bereich und Umkreis der germanischen Philologie: Festgabe für Theodor Frings zum 70. Geburtstag / in Verbindung mit dem Institut für Deutsche Sprache u. Literatur hrsg. Von E. Karg-Gasterstädt u. J. Erben. Berlin: Akademie-Verlag, 1956. S. 173-189.
9. Kaliuščenko Vladimir D. Deutsche denominale Verben. Tübingen: Narr, 1988. (Studien zur deutschen Grammatik; Bd. 30).
10. Kühnhold I., Wellmann H. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil: Das Verb. Düsseldorf: Schwann, 1973. 375 S. (Sprache der Gegenwart; XXIX).
11. Kulak M. Die semantischen Kategorien der mit Nullmorphem abgeleiteten desubstantivischen Verben des heutigen Englischen und Deutschen. Tübingen: Univ., 1964. 253 S.
12. Marchand H. Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Englischen, Französischen und Deutschen // Die neueren Sprachen. 1964. Н. 3. S. 105-118.
13. Storch G. Semantische Untersuchungen zu den inchoativen Verben im Deutschen. Braunschweig: Vieweg, 1978. (Schriften zur Linguistik; 9).
14. Weisgerber L. Verschiebungen in der sprachlichen Einschätzung von Menschen und Sachen. Köln; Opladen: Westdeutscher Verlag, 1958. 431 S.
15. Wellmann H. Verbbildung durch Suffixe // Deutsche Wortbildung. Erster Hauptteil. Das Verb. Sprache der Gegenwart. Düsseldorf, 1973. Bd. XXIX. S. 17-140.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Duden. Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski. 3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S. [DUW].
2. Graff E.G. Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache: in 6 Bdn. / Eberhard G. Graff, Hans F. Massmann. Berlin: Beim Verf. und Commission der Nikolaischen Buchh., Bd. 1-6. 1836-1842. [Graff].
3. Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Bd. 1-3. Leipzig: Hirzel. 1872-1878. [MHW].
4. Schiller K., Lübben A. Mittelniederdeutsches Wörterbuch. Bd. 1-5. Bremen: J. Kühtmann, 1875-1880. [MND].

REFERENCES

1. Volotskaya, Z. M. (1972). *Opyt opisaniya derivativnykh znacheniy (na material russkogo i polskogo yazykov)* [The experience of derivation meanings description (based on Russian and Polish languages)]. Moskva: AN SSSR. Institut slavyanovedeniya i balkanistiki. (In Russ.).
2. Ginzburg, Ye. L. (1982). Sushchestvitnoye v maske glagola [A noun with the mask of a verb]. In *Teoreticheskiye aspeki derivatsii*. Perm: Izdatelstvo Permskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
3. Kaliuščenko, V. D. (2019). Nemetskie otymennye glagoly: sinkhroniya, diakhroniya, tipologiya [German denominational verbs: synchronism, diachrony and typology]. In *Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya*, T. 17. Donetsk: DonNU. (In Russ.).

4. Kaliuščenko, V. D. (1987). Tipologiya lokativnykh, possessivnykh i atributivnykh otsubstantivnykh glagolov [The typology of locative, possessive and attributive verbs derived from substantives]. In *Voprosy jazykoznanija*. No. 1. Pp. 93-106. (In Russ.).
5. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). Tipologiya kauzativnykh konstruktsyy [The typology of causative constructions]. In *Tipologiya kauzativnykh konstruktsyy: Morfologischeskiy kausativ*. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
6. Carl, H. (1957-1958). Tiernamen bilden Verben. In *Wirkendes Wort*. H. 8. Pp. 352-357.
7. Erben, J. (1975). *Einführung in die Wortbildungslehre*. Berlin: Akademie-Verlag.
8. Henzen, W. (1956). Der heutige Bestand der Verben mit *ver-*. In *Fragen und Forschungen im Bereich und Umkreis der germanischen Philologie: Festgabe für Theodor Frings zum 70. Geburtstag / in Verbindung mit dem Institut für Deutsche Sprache u. Literatur* hrsg. Von E. Karg-Gasterstädt u. J. Erben. Berlin: Akademie-Verlag. Pp. 173-189.
9. Kaliuščenko, Vladimir D. (1988). *Deutsche denominale Verben*. Tübingen: Narr, (Studien zur deutschen Grammatik; Bd. 30).
10. Kühnhold, I., Wellmann, H. (1973). *Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Erster Hauptteil: Das Verb*. Düsseldorf: Schwann. (Sprache der Gegenwart; XXIX).
11. Kulak, M. (1964). *Die semantischen Kategorien der mit Nullmorphem abgeleiteten desubstantivischen Verben des heutigen Englischen und Deutschen*. Tübingen: Univ.
12. Marchand, H. (1964). Die Ableitung desubstantivischer Verben mit Nullmorphem im Englischen, Französischen und Deutschen. In *Die neueren Sprachen*. H. 3. Pp. 105-118.
13. Storch, G. (1978). *Semantische Untersuchungen zu den inchoativen Verben im Deutschen*. Braunschweig: Vieweg. (Schriften zur Linguistik; 9).
14. Weisberger, L. (1958). *Verschiebungen in der sprachlichen Einschätzung von Menschen und Sachen*. Köln; Opladen: Westdeutscher Verlag.
15. Wellmann, H. (1973). Verbbildung durch Suffixe. In *Deutsche Wortbildung. Erster Hauptteil. Das Verb. Sprache der Gegenwart*. Düsseldorf. Bd. XXIX. Pp. 17-140.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Duden*. Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion; unter der Leitung von G. Drosdowski. 3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996.
2. Graff, E. G. (1836-1842). *Althochdeutscher Sprachschatz oder Wörterbuch der althochdeutschen Sprache*: in 6 Bdn. Berlin: Beim Verf. und Commission der Nikolaischen Buchh., Bd. 1-6.
3. Lexer, M. (1872-1878). *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Leipzig: Hirzel. Bd. 1-3.
4. Schiller, K., Lübben, A. (1875-1880). *Mittelniederdeutsches Wörterbuch*. Bremen: J. Kühtmann. Bd. 1-5.

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: v.kaliushenko@donnu.ru)
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kaliushchenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of Germanic Philology Department (e-mail: v.kaliushenko@donnu.ru)
State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 27 августа 2020 г.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСТАНДАРТНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ РОДСТВЕННИКОВ В НЕОФИЦИАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

В статье анализируются функционально-семантические особенности нестандартных наименований родственников английского, немецкого, русского и украинского языков, а также оценочный потенциал данных лексических единиц в неофициальном общении.

Ключевые слова: нестандартные наименования, окказиональные наименования, узульные наименования, апеллятив, метафора, метонимия, оценка, номинативная функция, вокативная функция, социально-регулятивная функция

© 2020 E. I. Petrishcheva

FUNCTIONAL-SEMANTIC FEATURES OF NON-STANDARD NAMES OF RELATIVES IN INFORMAL COMMUNICATION

The article deals with functional and semantic features of non-standard names of relatives in English, German, Russian and Ukrainian, as well as with the evaluative semantics of these lexical units in informal communication.

Key word: non-standard names, occasional names, common names, appellative, metaphor, metonymy, evaluation, nominative function, vocative function, social-regulatory function

1. Введение. Для современной науки характерна антропоцентрическая направленность. Неотъемлемой частью антрополексики являются наименования родственников. Этот пласт многочисленной и неоднородной лексики подвержен постоянным изменениям, так как он находится в непосредственной связи с уровнем культурного и научного развития самого общества.

Настоящая статья посвящена изучению функциональных особенностей нестандартных наименований родственников в английском, немецком, русском и украинском языках.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью функциональных особенностей наименований родственников как в отдельно взятом языке, так и в сопоставительном аспекте, а с другой, привлечением субстандартной лексики, которая, по нашим наблюдениям, до настоящего времени специально не изучалась.

Объектом исследования являются нестандартные наименования родственников, а **предметом** – функциональные особенности данных лексических единиц, а также их оценочный потенциал в английском, немецком, русском и украинском языках.

Материалом исследования послужили 1491 наименование родственников (англ. – 463 ед.; нем. – 393 ед.; русск. – 370 ед.; укр. – 265 ед.), полученные из толковых и переводных словарей разговорной, сленговой, жаргонной и арготической лексики сопоставляемых языков, а также из Интернет-ресурсов и более 1700 контекстов, полученных в результате сплошной выборки из лексикографических источников и национальных корпусов данных языков.

Отметим, что в материал исследования включались:

а) субстандартные наименования родственников (жаргонизмы, арготизмы, сленгизмы, просторечия, вульгаризмы, разговорные номены), ср.: англ. сленг. *ball-breaker* ‘властная жена, подавляющая своего мужа’; нем. перен. разг. *Büchsenmacher* ‘человек, у которого много дочерей, но нет сыновей’; русск. арг. *курач* ‘муж’; укр. жарг. *вилупок* ‘незаконнорождённый ребенок’;

б) узуальные (общеупотребительные) наименования родственников, ср.: англ. сленг. *annie / nappy* ‘бабуля’; нем. разг. *Muttchen* ‘мамочка’; русск. разг. ласк. *мамуля*; укр. разг. ласк. *татусь* ‘папочка’;

в) окказиональные наименования родственников, употребляющиеся в определенной речевой ситуации и не имеющие широкого распространения, ср.: англ. сленг. *monkey-man* ‘слабый, безвольный муж’; нем. разг. *Gebärmaschine* ‘многодетная мать’; русск. разг. *моя* ‘моя жена’; укр. разг. *згнáра* ‘теща’.

В данной статье все вышеперечисленные типы наименований родственников обозначаются условно как нестандартные наименования родственников (далее ННР).

Целью настоящего исследования является рассмотрение функциональных особенностей ННР в неофициальном общении (семейном и дружеском).

2. Функциональный аспект ННР

Опираясь на материал исследования, а также на работы других ученых, изучавшие функционирование языка в сфере неофициальной коммуникации, следует отметить, что в ходе семейного и дружеского общения ННР в английском, немецком, русском и украинском языках выполняют различные коммуникативные функции, в частности:

- 1) номинативную функцию, связанную с наименованием адресата в речи [Арутюнова, 1976; Гольдин, 2009; Звягинцева, 2011; Петрова, 1983; Погорелко, 2001; Рыжова, 1982; Ehlers, 2009];
- 2) вокативную или контактостанавливающую [Гущина, 2006; Карасик, 2002; Минина, 2000; Рыжова, 1982; Формановская, 2002; Ehlers, 2009];

3) эмоционально-оценочную функцию или оценочно-характеризующую [Гольдин, 2009; Звягинцева, 2011; Леонович, 1999; Оликова, 1973; Погорелко, 2001];

4) социально-регулятивную функцию или этикетную [Гольдин, 2009; Оликова, 1973; Формановская, 2002; Besch, 1998; Braun, 1988; Simon, 2003].

Рассмотрим подробней каждую из них.

2.1. Номинативная функция ННР

Во всех сопоставляемых языках ННР, выполняющие номинативную функцию, выступают в роли обращений, т. е. грамматически независимых и интонационно обособленных компонентов предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающие лицо или предмет, которому адресована речь [БЭСЯ, 1998: 340]. В таких предложениях данные номены призваны вызвать у адресата определенную реакцию на последующее сообщение или вынудить его к совершению действия [Проничев, 1971: 3], ср.:

(1) англ. сленг. «*Mumsy, where have you been? I've been worried*», said Lucas [Urband] ‘Мамочка, где ты была? Я волновался, – сказал Лукас’.

(2) нем. разг. ласк. *Hey Dada, kannst Du mir sagen was los ist?* [DWDS] ‘Привет, папочка, ты можешь сказать, что случилось?’.

(3) русск. разг. шутл., ирон. *Чао, Теплый. Гуд-бай, маман. Прощай, прощай, ледяной ком в горле под названием Rusia, Русия – на испанский манер. Под грохот ударных она пинала свое полунищее детство, эту вечную, не осознаваемую бедность – шоколадные конфеты только на Новый год, яблоко в день, мандарины – по воскресеньям* [НКРЯ].

(4) укр. жарг. *Tu, пахан, не лізь не в своє діло!* [НКУМ] ‘Ты, пахан, не лезь не в свое дело!’.

2.2. Вокативная функция ННР

ННР, используемые в качестве обращений, выполняют еще одну значимую коммуникативную функцию – вокативную. Данная функция определяет ННР как вербальное средство привлечения внимания собеседника и установление контакта с ним в ходе семейного общения. Кроме этого, данные лексемы поддерживают внимание собеседника и размыкают контакт на завершающем этапе коммуникативного акта, ср.:

(5) англ. сленг. *Mam, will ya make me a cupa tea?* [Urband] ‘Мам, сделаешь мне чашечку чая?’.

(6) нем. разг. *Daddy, du mußt mir unbedingt noch eine Tasche kaufen; die du mir fürn Abend gekauft hast, ist ja sehr hübsch ... aber nun habe ich für den Tag gar nichts* [DWDS] ‘Папочка, тебе нужно купить мне еще одну сумку; та, которую ты купил мне на вечер, очень красивая ... но теперь мне нечего носить днем’.

(7) русск. разг. перен. [Обращение жены к мужу] *Не обижайся, мармеладка моя!!! Я же тебя одного люблю, дай поцелую* [TCP2, 249].

(8) укр. разг. *Тоді ідь звідси, – тихо, не вагаючись, відповів батько. – Нічого командувати у моїй хаті. Затяմив? Ідь до своїх бандюків, а мене з Алісою облиши. І забери свої гроши. – Т-с, батя. Я пожартував. Хіба не розумієш ... Тут мама сиділа* [НКУМ] ‘Тогда уезжай отсюда, – тихо, не колеблясь, ответил отец. – Нечего командовать в моем доме. Понял? Поезжай к своим бандюкам, а меня с Алисой оставь. И забери свои деньги. – Т-с, батя. Я пошутил. Разве не понимаешь ... Тут мама сидела’.

В примерах (5)-(8) ННР, выраженные собственно терминами родства, не только называет адресата речи, но и выступает средством привлечения внимания и побуждения к действию.

2.3. Эмоционально-оценочная функция ННР

При анализе эмоционально-оценочной функции ННР заслуживает внимания лексико-семантический аспект исследования данных номенов, их структурно-семантические свойства. В основе данной функции ННР лежит потребность говорящего выразить эмоциональное, особое отношение к члену семьи, свою искренность, свое расположение к адресату (ласку, похвалу, восхищение и т. п.), либо, наоборот, отрицательно-оценочное отношение к собеседнику (осуждение, упрёк, брань и т. п.), выделить какой-либо признак или характерную черту, известную определенному узкому кругу, что определяет особенности семантики изучаемых явлений и позволяет их распределить на две большие группы:

1) ННР, образованные от официальных идентификаторов человека (именования семейных ролей, образованные с помощью суффиксов субъективной оценки: англ. сленг. *mumsie / mumsy* ‘мамочка’, *wifey / wifie* ‘женушка’; нем. разг. *Muttel* ‘мамочка’, *Weibi* ‘женушка’; русск. разг. *батек*, жарг. *брательник*; укр. жарг. *пахан* ‘отец’, разг. ласк. *татусь* ‘папочка’).

2) ННР, образованные по характеризующим признакам и ассоциациям (ННР, образованные в ходе различных метафорических и метонимических переносов, ср.: англ. сленг. *war department* ‘жена’, *sharpshooter* ‘многодетный отец’; нем. разг. *Brötchengeber* ‘отец’, *Finanzamt* ‘родители’; русск. разг. *каблук* ‘муж, находящийся в подчинении у своей жены’, жарг. *реприза* ‘вторая жена’; укр. сленг. *бос* ‘отец’, *олди* ‘родители’).

С помощью ННР дается оценка различных внешних и внутренних свойств членов семьи, их статусу, а именно:

1) **внешности:**

(9) нем. разг. *Daß ich ein abgearbeiteter **Hastrampel*** (букв. ‘домашняя колода’) *geworden wäre?* « » *Na, das natürlich nicht. Nur ... du bist verdammt hübsch geworden!* [DWDS] ‘Чтобы я превратилась в уставшую домохозяйку без чувства стиля? « » Ну, конечно же, нет. Только ... ты стала чертовски красивой!’.

(10) укр. сленг. *Сам симпатичний, а одружився з таким **протигазом*** [ПССУС, 1998: 53] ‘Сам симпатичный, а женился на таком противогазе’.

В примерах (9) и (10) в основе ННР *Hastrampel* <häusliche Ehefrau; Hausfrau ohne modische Eleganz> ‘жена-домохозяйка без модной элегантности’ и *протигаз* <некрасива жінка> ‘некрасивая жена / женщина’ лежит артефактная метафора, т. е. жены с непривлекательной внешностью метафорически ассоциируются в немецком языке с домашней колодой, в украинском – с противогазом.

2) **личностных качеств / характера**, ср.:

(11) англ. сленг. *Joe: Hey dude, you gonna come out drinking tonight? Mike: Yeah right, the **War Department** would blast me with both barrels if I did something without her.* ‘Джо: Эй, чувак, ты собираешься пропустить по стаканчику сегодня вечером? Майк: Да, конечно, военное министерство (т.е. ‘жена’) пристрелит меня из двустволки, если я сделаю что-то без нее’ [Urband]. В приведенном микродиалоге друзей мужчина называет свою сварливую властную жену *War Department* (букв. ‘военное министерство’), используя социальную метафору, т. е. сварливый, властный характер жены сравнивается с функциями и задачами, выполняемыми военным министерством.

(12) нем. разг. *Du traust dich wohl nicht nach Hause zu deiner **Xanthippe**?* [Wiktionary] ‘Ты боишься идти домой к своей Ксантиппе (т. е. ‘сварливой жене’)?’.

(13) укр. разг. *Щастя, в кого жінка Настя, а в кого Горпина, то лиха година* [НКУМ] ‘Счастлив тот, у кого жена Настя, а у кого Горпина – тому выпал злой рок’.

В примерах (12) и (13) ННР образованы с помощью метафоры, в их основе лежит перенос с имени собственного на жену, ср.: нем. *Xantippe* <Bezeichnung für eine zänkische Frau oder Ehefrau nach der Ehefrau von Sokrates> ‘сварливая жена, речь идет о Ксантиппе, жене Сократа, известной своим плохим характером’ и укр. разг. *Горпина* ‘злая, сварливая жена’.

(14) русск. разг. *Веселый мужик, все время на мотоцикле разъезжал с геологической сумкой. А жена была **мегера**, ей, видно, на Кубе не нравилось, и по ночам у них слышались крики и звон разбиваемых тарелок – полы там каменные* [НКРЯ].

В примере (14) для номинации злой, сварливой жены используется мифоним *мегера* – эриния, одна из трех хтонических богинь-мстительниц, олицетворение зависти и гнева.

Ее изображали отвратительной старухой со змеями вместо волос, с оскаленными зубами и с факелом или бичом в руках.

3) поведения:

Отметим, что в немецком, русском и украинском языках выявлены схожие номинации мужа, находящегося в подчинении у жены, со схожим метафорическим образом и аналогичной мотивирующей базой, ср.: нем. разг. *Pantoffelheld* <willenloser Ehemann oder Hausherr, beherrscht von Ehefrau oder Haushälterin> (букв. ‘башмачный герой’) ‘безвольный муж, которым управляет жена’), русск. *подкаблучник* <разг. тот, кто находится в подчинении, под каблуком у своей жены>, укр. *підкаблучник* <розм., жарт. про чоловіка, що знаходиться в повній підлегlosti у дружини> разг. шутл. ‘о муже, который находится в полном подчинении у жены’:

(15) нем. разг. *Oft kennt ein Pantoffelheld nicht seine Probleme, bis er mit einem glücklichen Junggesellen gesprochen hat* [Glosbe] ‘Подкаблучник часто не осознаёт своих проблем, пока не поговорит со счастливым холостяком’.

(16) русск. прост, неодобр. *Грустный, потерянный человек, подкаблучник у стервы, как я понимаю, жены, непьющий, малорослый, трудоголик и бессребреник. Иногда его, конечно, заносило, но кто без греха* [НКРЯ].

(17) укр. разг. шутл. ... *Нажаль, за вдачою Флавіан типовий підкаблучник, і через те йому потрібна жінка без владних амбіцій, бажано взагалі без амбіцій, тиха, сумирна, покірлива...* [НКУМ] ‘... К сожалению, по натуре Флавиан типичный подкаблучник, и поэтому ему нужна женщина без властных амбиций, желательно вообще без амбиций, тихая, смиренная, кроткая ...’.

В английском языке бесхребетного мужа, имеющего чрезвычайно прихотливую девушку или жену именуют *pussywhipped*. В основе данного номена лежит соматический тип метафорического переноса (*pussy* сленг. ‘женщина / вагина’ + *whipped* ‘побитый, потерпевший поражение’):

(18) англ. сленг. *Friend1: Dude, Ryan is really pussywhipped. He follows Christian all over the place, doesn't talk to his friends (unless she does) and only hangs out with her and her friends. Friend2: At least he's getting some* Friend1: *Yeah, but we haven't seen him in 4 months. Tomorrow I'm gonna report him missing to the police* [Urband] ‘Друг 1: Чувак, Райан самый настоящий подкаблучник. Он повсюду следует за Кристиан, не общается со своими друзьями (если только с ней) и тусуется только с ней и ее друзьями. Друг 2: По крайней мере, у него кто-то есть. Друг 1: Да, но мы не видели его 4 месяца. Завтра я сообщу о его пропаже в полицию’.

Сопоставительный анализ ННР показал, что пейоративная, мелиоративная и нейтральная оценка фиксируют различные оттенки отношения говорящего к адресату и третьему лицу.

Семантическая и прагматическая дифференциация данных ННР позволили выделить следующие оттенки:

1) *фамильярности*, выражающий положительную эмоциональную составляющую, подчеркивающий равное положение коммуникантов, приятельские отношения друг к другу, к третьему лицу, о котором идет речь, например:

(19) англ. сленг. *Where's your bro?* *My anchor stayed at home today. Thanks Good!* [Urband] 'Где твой братец? Якорь (т. е. 'младший брат') сегодня остался дома. Слава Богу!'.

(20) нем. разг. «*Was geht, Bro?!*» [Sprachnudel] 'Как дела, братец?'.

В высказываниях (18) и (19) оттенок фамильярности выражают усеченные ННР, в примере (18) также оценочное ННР *anchor* (букв. 'якорь'), в основе которого лежит артефактная метафора: младшего брата/сестру, которые являются преградой для жизни старших братьев / сестер сравнивают с якорем.

(21) русск. разг. фам., ласк. [Обращение матери к ребенку]: *Бейбик* (т. е. 'маленький ребенок'), мы же уже большие мужики:) *Мы смесь не едим, в парках питаемся творожком-тыквой (или чем-то еще баночным), соком-кефиром* [TCPPI: 107].

В данном окказиональном примере мелиоративная оценка выражена заимствованным из английского ННР *бейбик* (← *baby* 'маленький ребенок'), к которому добавлен русский диминутивный суффикс **-ик**.

(22) укр. фам., шутл. *Два спиногризи на шиї – це серйозно* [Ставицька, 2008: 277] 'Два спиногрыза (т. е. 'ребенка') на шее – это серьезно'.

2) *гипокористический* (уменьшительно-ласкательный) оттенок, выражающий эмоциональную реакцию со стороны говорящих, связанную с интимно любовными чувствами. Отметим, что арсенал средств выражения гипокористики в славянских языках более разнообразен по сравнению с германскими языками, ср.: русск. – 22 аф.; укр. – 27 аф.; англ. – 4 аф.; нем. – 6 аф., например:

(23) англ. сленг. ласк. *I gotta go cos mumsie is calling me* [Urband] 'Мне нужно домой, мамочка зовет'.

(24) нем. разг. ласк. *Was machst du denn, Mami!?* [DWDS] 'Что же ты делаешь, мамочка!?'.

(25) русск. разг. ласк. *И вот на свет возник мой крохочуля* (т. е. 'ребенок'). *Радости не виделось границы. При этом в большой степени от того, что этот кошмар закончился* [TCPPI: 137].

(26) укр. разг. ласк. – *А маненя де? Вдома з бабусею* [НКУМ] ‘А малыш (т. е. ‘ребенок’) где? Дома с бабушкой’.

3) *оттенок неодобрения*, передающий пренебрежительное отношение, например:

(27) англ. сленг. *I know that I was a holy terror when I was young, so I guess it's fitting that my own kids give me so much trouble* [FDI] ‘Я знаю, что подростком я был наказанием господним (т. е. ‘непослушным ребенком’), поэтому я думаю, это справедливо, что мои собственные дети доставляют мне так много хлопот’.

(28) русск. разг. *Детей Павел Алексеевич больше не заводил. Не хотел. Он исчезал вовремя, однако в дни молодости гибкого этого опыта, конечно, не было, и дети, конечно, были. Грехи молодости* (разг. ‘внебрачные дети’), как положено всяким грехам, *шли в рост, тянулись и, вдруг вымахав, стали кряжистыми парнями со знакомыми фигурами* [НКРЯ].

(29) нем. разг. *Bei uns nebenan ist eine Milchkuh eingezogen. Ich glaub die hat schon eine Fußballmannschaft samt Ersatzbank zusammengestellt* [Sprachnudel] ‘К нам по соседству переехала многодетная мать. Думаю, у нее уже есть футбольная команда и скамейка запасных’.

В примере (29) неодобрительная оценка родственницы, пренебрежительное отношение к ней выражается через зооморфную метафору: нем. *Milchkuh* <«Milchkühe» sind Frauen, die ein Kind nach dem anderen gebären> ‘молочные коровы – матери, которые рожают детей одного за другим) перен. разг. ‘многодетная мать’ [Küpper, 1987: 273].

(30) укр. пренебр. *Народила вона двох байстрюків бозна від кого, спилася та удавилася!* [НКУМ] ‘Родила она двоих байстрюков (т. е. ‘незаконнорожденных детей’) кто его знает от кого, спилась и удавилась!’.

4) *оттенок иронии*, передающий шутливо-пейоративное отношение, например:

(31) англ. ирон. сленг. *Why do I have to listen to this old fossil?* [Urband] ‘Почему я должен слушать этих старых ископаемых (т. е. ‘родителей’)?’

В данном высказывании ННР *old fossil* (букв. ‘старые ископаемые’) выражает идею архаичных взглядов родителей, воспринимаемых детьми как нечто старое, изжитое, утратившее свое актуальность.

(32) нем. разг. *Die Mutter von Kai ist die absolute Gebärmaschine. Kai bekommt jetzt den vierten Bruder. Und drei Schwestern hat er auch schon* [Wiktionary] ‘Мать Кая – настоящая машина для родов. У Кая появится сейчас четвертый брат. А у него уже есть три сестры’.

В примере (32) многодетную мать иронично сравнивают с машиной, которая запрограммирована производить на свет потомство, тем самым все высказывание получает оттенок пренебрежения.

(33) разг. шутл., ирон. У меня **маман** выдала новую фишку. Она мне теперь говорит, что весь Питер болеет туберкулезом [НКРЯ].

Из приведённого примера видно, что для шутливо-пейоративного отношения к родственникам, ироничного отношения к ним, также используются собственно термины родства, образованные при помощи пейоративного суффикса **-ан**.

(34) укр. ирон. жарг. – Чого носа похнютив? – Чого? Чого? **Спонсори** сказали, більше грошей не дадуть. Батько вирішив мене до самостійності привчити [Ставицька, 2008: 309] ‘– Чего нос повесил? – Чего? Чего? Спонсоры (т. е. ‘родители’) сказали, больше денег не дадут. Отец решил меня к самостоятельности приучить’.

Как видно из примера (34), орнативно-экономическую функцию родителей обеспечивать своих детей материальными благами иронично сравнивают с физическим или юридическим лицом (спонсором), оказывающим финансовую поддержку кому-либо.

5) *оттенок презрения*, выражающий сугубо отрицательное отношение говорящего к родственнику. Как правило, выражается при помощи ННР, образованных в результате различных метафорических и метонимических переносов, часто сопровождаемыми бранными, грубыми эпитетами, например:

(35) англ. сленг. *This f*cking old wolf yards me with my sister* [Urband] ‘Этот чертов кобель (букв. ‘старый волк’) изменяет мне с моей сестрой’.

(36) нем. разг. *Er hat seine Else richtiggehend zur Ehenutte gemacht* [Sprachnudel] ‘Он превратил свою Эльзу в брачную шлюху (груб. ‘жена, которая регулярно изменяет своему мужу с одним или несколькими мужчинами, иногда по указанию/и при посредничестве своего мужа’).

(37) русск. разг. *Ты кобель проклятый! Всё, я с тобой развозжусь, ты понял? Ты понял, кобелина проклятый? Теперь можешь насиовать кого хочешь!* [ТСРР2: 137].

(38) укр. сленг. *Одружився з кішкою, а тепер хоч повіссся* [ПССУС: 30]. ‘Женился на кошке (т. е. ‘гуляющей жене’), а теперь хоть повесься’.

Анализируя материал исследования, нужно отметить преобладание у ННР мелиоративной оценки.

Что касается пейоративной оценки, то материал исследования позволяет сделать вывод, что сугубо отрицательное, презрительное и грубое отношение проявляется в различных ситуациях семейно-бытового и дружеского общения, например, в отношении неверных супругов (как мужа, так и жены), а также незаконнорожденных детей. Как в германской, так и в славянской культурах супружеская неверность и наличие незаконнорожденных детей порицается как самими супругами, так и обществом, что находит свое отражение в языке, ср.:

(39) англ. сленг. *How dare my wife accuse me of being bedswerver? Just because she found women's panties in my suitcase doesn't mean a thing. Prove it!* [Urband] ‘Как посмела моя жена обвинить меня в неверности? То, что она нашла женские трусики в моем чемодане, еще ничего не значит. Докажите это!’.

(40) нем. разг. *Es war ihm ein großer Gedanke aufgestiegen, nämlich dieser: Es liegt alles in meiner Hand, eines Jungfernkindes* (букв. ‘ребенок девы’), *dem die Leute von Cassano ihren Spott und ihre Mißachtung zeigen* [DWDS]. ‘Его осенило: все в моих руках, руках незаконнорожденного ребенка, которому люди Кассано демонстрируют свое презрение и над которым издеваются’.

(41) русск. арг. **Внепарочный** (т. е. ‘незаконнорожденный ребёнок’) – это ребёнок от неизвестного фазера (т. е. ‘отца’). *И вообще. Эврикошет!* [Грачев, 2003: 107].

(42) укр. разг. груб. *Боже Всемогутній! Такими поганими словами його обзвала, що я за все життя таких не чула! Хіба Діва Марія могла би так матюкатися? Ніколи! Ця і виродком Гришу називала, і виблядком, хоча який він виблядок, у нього і мама, і тато були, непутіві, але були* [НКУМ]. ‘Боже Всемогущий! Такими плохими словами его обзвала, что я за всю жизнь таких не слышала! Разве Дева Мария могла бы так материться? Никогда! Эта и уродом Гришу называла, и выблядком, хотя какой он выблядок, у него и мама, и папа были, непутевые, но были’.

2.4. Социально-регулятивная функция ННР

Выбор ННР зависит и от таких факторов, как тип общения (семейное, дружеское), социальный статус коммуникантов, их возраст, степень знакомства, половая принадлежность, место и время коммуникации и др. Перечисленные факторы позволяют выделить еще одну значимую функцию ННР – *социально-регулятивную* или *этикетную*. В ходе семейно-бытового и дружеского общения ННР не только называют адресата речи, но и являются индикатором межличностных отношений, обозначая типовое положение адресанта и адресата относительно друг друга, но и отражают ролевые функции коммуникантов, выражая равенство или неравенство общественного положения участников коммуникации, соотношение их возраста, пола, степень их знакомства, что влияет на выбор ННР в ходе коммуникации: от подчеркнуто официального до фамильярного, интимного.

Одной из особенностей семейной коммуникации является традиционное распределение семейных ролей, семейная иерархия.

Социально-регулятивная функция в семейном общении проявляется в использовании определенных ННР, которые собственно и отражают ролевые функции коммуникантов в семье, например:

(43) нем. разг. *Ich will mein Leben beginnen, Ma.* [DWDS]. ‘Я хочу начать свою жизнь, Мам’.

(44) русск. разг. – *Иди чайку стакан выпей! – Спасибо, батя! Не хочу. – Ну, гляди* [НКРЯ].

(45) укр. жарг. *A що, пахан, не упознал? Я твой синаша!* [НКУМ]. ‘А что, пахан, не узнал? Я твой сынаша!’.

Проявлением социально-регулятивной функции ННР является также выбор языковых средств в ходе общения родителей и детей. Материал исследования свидетельствует о том, что родители в отношении детей используют преимущественно оценочные номены, образованные в результате различных метафорических и метонимических переносов, дети же собственно термины родства, образованные при помощи суффиксов субъективной оценки, либо же их усеченные формы, например:

(46) англ. *M: Is there something you want to tell us? Is Jason Harder picking on you? D: No. M: Oh, my darling! Why didn't you tell me? S: Two reasons: you and dad. You'll overreact and he won't react at all. So I took an average and didn't tell either of you. M: Oh, my poor baby! First thing tomorrow I am going to ring to school. D: No, mum, you are such a control freak! S: Me? A control freak? What I care is the happiness of my children!* [BNC] ‘М: Ты хочешь нам что-то сказать? Джейсон Хардер задирает тебя? Д: Нет. М: О, моя дорогая! Почему ты мне не сказала? Д: Две причины: ты и папа. Ты слишком остро отреагировала бы, а он вообще не отреагирует. Я выбрала золотую середину и никому из вас не сказала. М.: О, моя бедная малышка! Завтра я первым делом позвоню в школу. Д: Нет, мам, ты так помешана на контроле! С: Я? Помешана на контроле? Меня волнует счастье моих детей!’.

Как видно из данного диалога между матерью и дочерью, мать в обращении к своему ребенку использует исключительно оценочные номены (*my darling* и *my poor baby*), тем самым выражая тактику заботы, участия. Дочка, в свою очередь, в своей речи использует только собственно усеченные термины родства (*dad, mum*), не выходя за рамки своего статуса в семье, проявляя тем самым свою коммуникативную компетенцию, отдавая дань уважения своей матери.

В ходе исследования было установлено, что в большинстве случаев одно и то же ННР сочетает в себе несколько функций. Так, например, в немецком (47) *Mami, schau, was dem Heft passiert ist!* [DWDS] ‘Мамочка, посмотри, что случилось с тетрадью’ мальчик

показывает маме испорченную тетрадь с домашним заданием, при этом в качестве обращения использует гипокористическую *Mami* (номинативная функция), с тем, чтобы привлечь внимание адресата к себе (вокативная функция). В то же время получатель информации является матерью отправителя, исполняет свою социальную роль, что позволяет говорить о социально-регулятивной составляющей обращения. Кроме того, наличие характеризующего уменьшительно-ласкательного суффикса *-i* в составе обращения сына к матери (*Mami* ('мамочка') – эмоционально-оценочная функция.

3. Выводы

Сопоставительный анализ функциональных и семантических особенностей нестандартных наименований родственников в неофициальном общении (семейном и дружеском) на материале английского, немецкого, русского и украинского языков позволяет сделать следующие выводы:

3.1. В ситуациях семейного и дружеского общения ННР выступают, с одной стороны, в роли апеллятивов, с другой стороны, являются средством выражения эмоционального, особого отношения к члену семьи.

3.2. ННР в сопоставляемых языках реализуют 4 коммуникативные функции: номинативную, вокативную, эмоционально-оценочную и социально-регулятивную.

3.3. В ходе неофициального общения данные функции ННР часто комбинируются друг с другом, в большей мере – номинативная, вокативная, оценочно-характеризующая функции, и в меньшей степени – социально-регулятивная функция.

3.4. ННР распадаются на следующие типы: а) ННР, образованные от собственно терминов родства; б) ННР, образованные по характеризующим признакам и ассоциациям (оценочные ННР).

4.5. В сопоставляемых языках в сфере семейного и дружеского общения наиболее многочисленными являются ННР с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а также ННР, образованные в ходе различных метафорических и метонимических переносов. Данные языковые формы несут положительную эмоциональную окраску, могут приобретать ласкательный, шутливый оттенок, несут в себе ту или иную характеристику членов семьи (см. 2.3).

3.6. Пейоративные ННР с ярко выраженной отрицательной (презрительной, грубой) оценкой используются обычно в ходе семейных конфликтов, ссор, осуждений для номинации неверных супругов (как мужа, так и жены), а также незаконнорожденных детей.

3.7. В семейном дискурсе русского и украинского языков чаще употребляются ННР с уменьшительно-ласкательными суффиксами, по сравнению с английским и немецким языками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Москва: Наука, 1976. 384 с.
2. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2015. 580 с.
3. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 136 с.
4. Гущина Л. В. Фатическая функция обращения в диалогической речи (на материале современного английского языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов-на-Дону, 2006. 166 с.
5. Звягинцева В. В. Обращение в семейном дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Курск, 2011. 147 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва: Гнозис, 2002. 333 с.
7. Лебеденко Г. А. Обращение в речи немецкого ребенка младшего школьного возраста: прагмалингвистический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2018. 184 с.
8. Леонович Е. О. Прагматический аспект обращения (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 1999. 207 с.
9. Минина О. Г. Обращение в современном английском языке. Коммуникативно-прагматический аспект: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2000. 202 с.
10. Оликова М. А. Обращение в современном английском языке (Опыт структурно-семантического и социолингвистического анализа): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев, 1973. 16 с.
11. Петрова Т. А. Типы номинации коммуникативного адресата в ситуациях непосредственного общения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ленинград, 1983. 20 с.
12. Погорелко А. М. Система средств адресации русского и английского языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Уфа, 2001. 229 с.
13. Проничев В. П. Синтаксис обращения (на материале русского и сербохорватского языков). Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1971. 88 с.
14. Рыжова Л. П. Обращение как компонент коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Москва, 1982. 15 с.
15. Серебренников Б. А. Языковая номинация. Москва: Наука, 1977. 358 с.
16. Формановская Н. И. Речевое общение: Коммуникативно-прагматический подход. Москва: Русский язык, 2002. 2016 с.
17. Besch W. Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 160 S.
18. Braun F. Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures. Berlin: de Gruyter, 1988. 372 p.
19. Ehlers K. Anrede in der Grundschule. Zur jüngeren Entwicklung des Anredeverhaltens in Deutschland // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. 2009. № 37. S. 302-325.
20. Simon H. J. Für eine grammatische Kategorie Respekt: Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina. Tübingen: Niemeyer Verlag, 2003. 236 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грачев М. А. Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. Москва: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 1120 с.
2. Кондратюк Т. П. Словник сучасного українського сленгу. Харків: Фоліо, 2006. 350 с.
3. Онлайн-словарь слов и фраз англоязычного сленга. Urbandictionary. Доступ: <https://www.urbandictionary.com/>. (дата обращения: 10.09.2020). [Urband].
4. Онлайн-словарь повседневного немецкого языка и сленга. Sprachnudel.de. Доступ: <https://www.sprachnudel.de/>. (дата обращения: 18.07.2020). [Sprachnudel].
5. Онлайн-словарь Wiktionary. Доступ: <https://de.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Hauptseite>. (дата обращения: 25.06.2020). [Wiktionary].
6. Онлайн-словарь Glosbe. Доступ: <https://ru.glosbe.com/>. (дата обращения: 13.09.2020). [Glosbe].
7. Онлайн-словарь Farlex Dictionary of Idioms. Доступ: <https://idioms.thefreedictionary.com>. (дата обращения: 17.09.2020). [FDI].
8. Перший словник українського молодіжного сленгу / укл. С. Пиркало. Київ: АТ «ВІПОЛ», 1998. 84 с. [ПСУМС].
9. Ставицька Л. Українська мова без табу. Словник нецензурної лексики та її відповідників. Обсценізми, евфемізми, сексуалізми. Київ: Критика, 2008. 453 с.
10. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А–И / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 776 с. [TCP1].
11. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 2. К–О / отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2017. 864 с. [TCP2].
12. Языкоzнание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. (репр.). Москва: Большая рос. энцикл., 1998. 682 с. [БЭСЯ].
13. Küpper H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart: Klett Verlag für wissen und Bildung, 1987. 959 S.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Британский национальный корпус. Доступ: <https://www.english-corpora.org/bnc/>. (дата обращения: 18.09.2020). [BNC].
2. Национальный корпус немецкого языка. Доступ: <https://www.dwds.de/>. (дата обращения: 13.06.2020). [DWDS].
3. Национальный корпус русского языка. Доступ: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>. (дата обращения: 20.07.2020). [НКРЯ].
4. Национальный корпус украинского языка. Доступ: <http://korpus.org.ua/search/>. (дата обращения: 07.07.2020). [НКУМ].

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semantichekie problemy* [Sentence and its sense: Logic and semantic problems]. Москва: Nauka. (In Russ.).
2. Baykulova, A. N. (2015). *Ustnoe neofitsialnoe obshchenie i ego raznovidnosti* [Oral informal communication and its varieties]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01. Saratov. (In Russ.).
3. Goldin, V. E. (2009). *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Appeal: theoretical problems]. 2-е izd., ispr. i dop. Москва: Knizhnyy dom «LIBROKOM». (In Russ.).
4. Gushchina, L. V. (2006). *Faticeskaya funktsiya obrashcheniya v dialogicheskoy rechi (na materiale sovremennoego angliyskogo yazyka)* [Phatic function of address in dialogic speech (based on the material of modern English)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
5. Zvyagintseva, V. V. (2011). *Obrashchenie v semeynom diskurse* [Appeal in family discourse]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Kursk. (In Russ.).

6. Karasik, V. I. (2002). *Yazyk sotsialnogo statusa* [Language of social status] Moskva: Gnozis. (In Russ.).
7. Lebedenko, G. A. (2018). *Obrashchenie v rechi nemetskogo rebenka mladshego shkolnogo vozrasta: pragmalingvisticheskii aspekt* [Appeal in the speech of a German child of primary school age: Pragmalinguistic aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Pyatigorsk. (In Russ.).
8. Leonovich, E. O. (1999). *Pragmaticskii aspekt obrashcheniya (na materiale angliyskogo yazyka)* [The pragmatic aspect of the appeal (based on the material of the English language)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Pyatigorsk. (In Russ.).
9. Minina, O. G. (2000). *Obrashchenie v sovremenном angliyskom yazyke. Kommunikativno-pragmaticschiy aspekt* [Appeal in modern English. Communicative and pragmatic aspect]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Belgorod. (In Russ.).
10. Olikova, M. A. (1973). *Obrashchenie v sovremenном angliyskom yazyke (Opyt strukturno-semanticeskogo i sotsiolingvisticheskogo analiza)* [Appeal in modern English language (Experience in structural-semantic and sociolinguistic analysis)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Kyiv. (In Russ.).
11. Petrova, T. A. (1983). *Tipy nominatsii kommunikativnogo adresata v situatsiyakh neposredstvennogo obshcheniya* [Types of nomination of a communicative addressee in situations of direct communication]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Leningrad. (In Russ.).
12. Pogorelko, A. M. (2001). *Sistema sredstv adresatsii russkogo i angliyskogo yazykov* [System of means of addressing of Russian and English languages]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Ufa. (In Russ.).
13. Pronichev, V. P. (1971). *Sintaksis obrashcheniya (na materiale russkogo i serbo-khorvatskogo yazykov)* [Syntax of addressing (based on the material of Russian and Serbo-Croatian languages)]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta. (In Russ.).
14. Ryzhova, L. P. (1982). *Obrashchenie kak komponent kommunikatsii* [Appeal as a component of communication]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
15. Serebrennikov, B. A. (1977). *Yazykovaya nominatsiya* [Language of nomination]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
16. Formanovskaya, N. I. (2002). *Rechevoe obshchenie: Kommunikativno-pragmaticschiy podkhod* [Speech communication: Communicative and pragmatic approach]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).
17. Besch, W. (1998). *Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutsche heute und gestern*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.
18. Braun, F. (1988). *Terms of Address: Problems of Patterns and Usage in Various Languages and Cultures*. Berlin: de Gruyter.
19. Ehlers, K. (2009). Anrede in der Grundschule. Zur jüngeren Entwicklung des Anredeverhaltens in Deutschland. In *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. No. 37. Pp. 302-325.
20. Simon, H. J. (2003). *Für eine grammatische Kategorie Respekt: Synchronie, Diachronie und Typologie der deutschen Anredepronomina*. Tübingen: Niemeyer Verlag.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Grachev, M. A. (2003). *Slovar tysyacheletnego russkogo argo: 27 000 slov i vyrazheniy* [Dictionary of millennial Russian argo: 27 thousand words and expressions]. Moskva: RIPOL KLASSIK. (In Russ.).
2. Kondratyuk, T. P. (2006). *Slovnyk suchasnogo ukrayinskogo slengu* [Dictionary of modern Ukrainian slang]. Kharkiv: Folio. (In Russ.).
3. *Onlain-slovar slov i fraz angloyazychnogo slenga. Urbandictionary* [Online dictionary of words and phrases of English slang Urbandictionary]. Available at: <https://www.urbandictionary.com>. (accessed: 10.09.2020).

4. *Onlain-slovar povsednevnogo nemetskogo yazyka i slenga. Sprachnudel.de.* [Online dictionary of everyday German and slang. Sprachnudel.de]. Available at: <https://www.sprachnudel.de>. (accessed: 18.07.2020).
5. *Onlain-slovar Wiktionary* [Online dictionary Wiktionary]. Available at: <https://de.wiktionary.org/wiki/Wiktionary:Hauptseite>. (accessed: 25.06.2020).
6. *Onlain-slovar Glosbe* [Online dictionary Glosbe]. Available at: <https://ru.glosbe.com>. (accessed: 13.09.2020)
7. *Onlain-slovar Farlex Dictionary of Idioms* [Online dictionary Farlex Dictionary of Idioms]. Available at: <https://idioms.thefreedictionary.com>. (accessed: 17.09.2020).
8. *Pershyy slovnyk ukrayinskogo molodizhnogo slengu* [The first dictionary of Ukrainian youth slang] / ukl. S. Pirkalo. Kyiv: AT «VIPOL», 1998. (In Russ.).
9. Stavytska, L. (2008). *Ukrayinska mova bez tabu. Slovnyk netsenzurnoyi leksyky ta yiyi vidpovidnykiv. Obstsenizmy, evfemizmy, seksualizmy* [Ukrainian language without taboos. Dictionary of obscene language and its correspondences. Obscenities, euphemisms, sexualisms]. Kyiv: Krytyka. (In Russ.).
10. *Tolkovyy slovar russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury, 2014. Vyp. 1. A–I / otv. red. L. P. Krysin. (In Russ.).
11. *Tolkovyy slovar russkoy razgovornoj rechi* [Explanatory dictionary of Russian colloquial speech]. Moskva: Izdatelskiy Dom YaSK, 2017. Vyp. 2. K–O / otv. red. L. P. Krysin. (In Russ.).
12. *Yazykoznanie: Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistics: a large encyclopedia of words] / gl. red. V. N. Yartseva. 2-e izd. (repr.). Moskva: Bolshaya ros. entsikl., 1998. (In Russ.).
13. Küpper, H. (1987). *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*. Stuttgart: Klett Verlag für wissen und Bildung.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Britanskiy natsionalnyy korpus* [British national corpus]. Available at: <https://www.english-corpora.org/bnc>. (accessed: 18.09.2020).
2. *Natsionalnyy korpus nemetskogo yazyka* [National corpus of the German language]. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 13.06. 2019).
3. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/index.html>. (accessed: 20.07.2020).
4. *Natsionalnyy korpus ukrainskogo yazyka* [National corpus of the Ukrainian language]. Available at: <http://korpus.org.ua/search>. (accessed: 07.07.2020).

Петрищева Елена Игоревна – преподаватель кафедры германской филологии (e-mail: petrischewa-elen@mail.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Petrishcheva Elena I. – Lecturer of German Philology Department (e-mail: petrischewa-elen@mail.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 октября 2020 г.

ПЕРЕВОД

УДК: 81.33

© 2020 С. И. Горбачевская

О МОДЕЛИРОВАНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В статье обобщено представлен опыт российского и зарубежного переводоведения в моделировании перевода и делается попытка обосновать особенности моделирования художественного перевода. Отмечается неоднозначность термина «модель» и рассматриваются различные подходы к моделированию переводческого процесса. Разработанная автором модель перевода художественного текста основывается на типологических особенностях художественной литературы как формы межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: модель, моделирование, процесс перевода, художественный перевод.

© 2020 S. I. Gorbachevskaya

ON MODELING IN LITERARY TRANSLATION

The paper deals with the experience of Russian and foreign translation studies in translation modeling and attempts to substantiate the features of literary translation modeling. The ambiguity of the term «model» is considered and various approaches to modeling the translation process are described. The model of literary text translation developed by the author is based on the typological features of fiction as a form of interlingual and intercultural communication.

Key words: model, modeling, process of translation, literary translation.

Под моделью (от лат. *modulus* – мера, мерило, образец, норма) в лингвистике обычно понимается схема или образец какой-либо языковой единицы, показывающие последовательное расположение составляющих ее частей. Термином моделирование обозначают как построение (создание) моделей, так и их исследование. Как определяет Ю. Н. Марчук, «моделирование есть способ изучения предмета в тех случаях, когда непосредственное наблюдение его устройства невозможно или крайне затруднительно» [Марчук, 2010: 14]. Гипотетические модели строятся по следующей схеме: сначала формируется гипотеза о внутреннем строении и функционировании оригинала; гипотеза оформляется в виде математической формулы или другой абстрактной конструкции, которая выступает в роли теоретического аналога объекта; затем проверяется состоятельность модели по таким характеристикам, как непротиворечивость, исчерпывающий характер описания объекта; кроме того, определяется, насколько хорошо она объясняет вновь открытые объекты и явления.

Это широкое логико-математическое определение подходит к моделированию перевода, и как процесса, и как результата переводческой деятельности [Там же]. На основе модели переводных соответствий построена разработка систем машинного перевода. В ее структуре представлены следующие этапы: 1) поиск словоформ в тексте и морфологический анализ, 2) работа со словарём оборотов, 3) грамматический анализ до перевода, 4) перевод однозначных слов, 5) перевод многозначных слов, 6) грамматический анализ после перевода, 7) синтез выходных словоформ и текста [Там же: 135].

Машинному переводу противопоставляются модели «человеческого» («ручного») перевода, авторы которых не претендуют на универсальность, но пытаются рассмотреть хотя бы интересующие их отдельные аспекты. Поскольку наиболее существенный этап процесса перевода, т. е. умственные действия, «протекает в голове переводчика и практически недоступен наблюдению», то «при рассмотрении процесса перевода приходится ограничиваться некоторыми косвенными данными (в основном результатами самонаблюдения опытных переводчиков, их предположениями), дополняя и связывая их логическими рассуждениями. Однако даже сделанные на этой ограниченной основе заключения имеют определенную ценность как для теории перевода, так и методики его преподавания» [Латышев, Семенов, 2005: 152].

Согласно Л. Л. Нелюбину, модель переводческой деятельности включает четыре уровня. Первый уровень реализации перевода он обозначает как опознание и первичное осмысление слов общей структуры текста. На втором уровне происходит более глубокое уяснение смысла текста в целом и его отдельных единиц. Третий уровень – это действия переводчика по воссозданию смысловой и стилистической информации оригинала с помощью средств языка перевода. Четвертый уровень Л. Л. Нелюбин называет «контрольным саморедактированием» переводчика [Нелюбин, 2003: 114-115].

Моделирование помогает «осмыслить переводческий процесс» [Шадрин, 2017: 251], и разработка комплексной модели переводческой деятельности является актуальной задачей как для машинного, так и для человеческого перевода. В. И. Шадрин описывает следующие четыре модели перевода: 1) ситуационную (денотативную), трансформационную, семантическую и психолингвистическую. При этом он указывает на недостатки каждой модели. Ситуационная (денотативная) модель перевода предполагает в качестве главной стадии процесса перевода изучение (идентификацию) ситуации исходного языка. Но она не объясняет сам механизм перевода, то есть на каком основании мы должны предпочесть один вариант перевода другим ему подобным. Трансформационная модель перевода отражает сам процесс преобразования (базовых

структур) исходного текста в переводной текст, т. е. перевод в прямом смысле этого слова. Трансформация рассматривается здесь как часть процесса перевода (*анализ – собственно перевод – синтез*), например: *I saw him enter the room – I saw him. He entered the room* ‘Я видел его. Он вошел в комнату – Я видел, как он вошел в комнату’. Но эта модель не объясняет той или иной трансформации, не описывает факты эквивалентности на ситуационном уровне, игнорирует социокультурный и экстравербальный аспекты перевода. Семантическая модель перевода передает этапы выражения значения исходного текста языковыми средствами переводного текста. На уровне *анализа* значение единиц исходного текста представляется в виде набора глубинных семантических категорий (напр., место, время, направление и т. п.). На уровне *перевода* семантические категории исходного языка приводятся в соответствие с аналогичными категориями переводного языка. И на уровне *синтеза* семантические категории переводного языка вербализуются, т. е. получают языковое выражение в виде слов, словосочетаний и предложений. Но, как отмечает В. И. Шадрин, выявление компонентов значения языковых единиц является чрезвычайно трудоемким, модель не объясняет случаи ситуационной эквивалентности, оттенки значения слова и функциональные особенности текста. Психолингвистическая модель перевода представляет перевод как вид речевого акта наряду с говорением, аудированием, чтением и письмом. Она состоит из 3-х стадий: 1) мотивировки речевого акта (побуждение к совершению речевого акта), 2) выработки программы внутреннего кода будущего сообщения и 3) вербализации внутреннего кода, т. е. производство высказывания. Но в ней не учитывается психологическая разница между устным и письменным переводом, понятие внутренней речи вызывает, с точки зрения психолингвистики много спорных вопросов [Шадрин, 2017: 251-257].

В терминологическом словаре-справочнике «Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт)» называются следующие наиболее распространенные модели: аналитическая, герменевтическая, денотативная, интерпретативная, когнитивная, коммуникативная, контекстная, контрастивная, психолингвистическая, семантическая, семиотическая, синергетическая, трансформационная, эквивалентная, а также модель опосредованного перевода [Основные … 2010: 105]. Можно добавить в этот список концептуальное (от лат. *conceptus* – ‘понятие’), или основанное на определенной креативной идеи, моделирование, которое предполагает возможную универсальную последовательность шагов переводческого анализа текста оригинала, исходя из pragматической задачи текста перевода [Горбачевская, Лынник, 2009: 216]. Интересная также разработанная в диссертационном исследовании А. Г. Минченкова когнитивно-

эвристическая модель, согласно которой текст перевода порождается путем объективации на языке перевода сформированной в голове переводчика концептуальной структуры текста оригинала [Минченков, 2008: 4-5].

Все это многообразие моделирования в российской школе перевода касается письменных текстов и говорит о широком спектре параметров, которые учитывают и от которых отталкиваются переводоведы. Следует отметить, что сам термин *модель* и *моделирование* почти никто из основоположников российского переводоведения не использовал. В большинстве пособий по теории перевода говорится о способах, принципах, разновидностях, проблемах, стратегиях. Например, В. Н. Комиссаров называет «создание теоретических моделей перевода и описание различных типов преобразований (трансформаций), с помощью которых возможен переход от отрезка текста оригинала (ИТ) к отрезку текста перевода (ПТ) ... наиболее разработанным методом изучения переводческого процесса» [Комиссаров, 2002: 152]. Он определяет модель перевода как «условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые можно осуществить процесс перевода всего оригинала или некоторой его части» [Там же: 410]. И. С. Алексеева в своих работах использует понятие *переводческой стратегии*, под которой она понимает осознанно выбранный переводчиком алгоритм действий переводчика при переводе одного конкретного текста [Алексеева, 2008: 145]. С. В. Тюленев называет лингвистическими моделями *теории* переводческой деятельности [Тюленев, 2004: 179].

В зарубежном переводоведении обычно представлены следующие лингвистические модели этапов процесса перевода: 1) двухфазная модель (Code-Switching-Prozess), 2) трехфазная (коммуникативная) модель и 3) «круговая» функциональная модель. В первой фазе двухфазной модели или процесса «переключения кода» (фазе анализа / декодирования / рецепции / понимания) происходит рецепция и анализ всех возможных аспектов ИТ (исходного текста) и перекодирование ИТ на ПЯ (язык перевода, переводящий язык). Во второй фазе (фазе синтеза / рекодирования / репродукции) составляется ПТ (переводной текст). Ю. Найда добавил в этот процесс, основываясь на теории трансформационной грамматики Н. Хомского, между фазой анализа и фазой синтеза «промежуточную фазу переноса / трансфера» (Transfer), в которой полученные в фазе анализа элементы поверхностной структуры текста, опирающиеся на интуитивно полученные в ходе «обратной трансформации» (back transformations) элементы ядерных структур ИТ, переносятся на ПЯ (переводящий язык) и выстраивают поверхностные структуры ПТ (переводного текста) [Nord, 2002: 14]. Трехфазная (коммуникативная) модель процесса перевода Лейпцигской переводческой школы представляет перевод как

часть двуязычного акта коммуникации, в центре которого стоит коммуникативная функция языка. Автор ИТ, переводчик и receptor ПТ являются равноправными партнерами по коммуникации. Переводчик а) воспринимает семантику и структуру ИТ, б) эмпирически перерабатывает их на основе своих языковых и предметных знаний в единицы ПЯ и в) структурирует ПТ в соответствии со своими знаниями о нормах ПЯ [Nord, 2002: 15; Kautz, 2002: 63].

«Круговая» функциональная модель процесса перевода К. Норд начинается с фазы «заказа на перевод» (*Übersetzungsauftrag*), который дает направление действиям переводчика. В соответствии с поставленной целью, переводчик анализирует ИТ (фаза анализа), разрабатывает определенную переводческую стратегию, соизмеряя ее с заказом на перевод, создает на этой основе ПТ и проверяет его соответствие требованиям заказчика, то есть снова возвращается к фазе «заказа» [Nord, 2002: 17].

Особый вариант представляет функциональная скопос-модель перевода (греч. *skopos* – «цель, задача»). Согласно этой теории, сформулированной германскими лингвистами К. Райс и Х. Фермером в 1980-е годы, цель перевода – быть инструментом для достижения коммуникативной цели текста оригинала в новой лингвокультурной ситуации – является доминирующим фактором деятельности переводчика, определяющим все ее аспекты [Reiß, 2000: 35]. Важными особенностями такого перевода являются фактор заказчика и адресата, а также необязательность соответствия языковой формы и стиля ИТ и ПТ. Можно представить и такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика. Таким образом, переводчик превращается в центральную фигуру межъязыковой коммуникации [Художественный перевод, 2014: 272-273].

Основная особенность художественного текста – это его эстетическая функция, экспрессивность, образность и метафоричность. Художественная литература как вид искусства является одной из форм человеческой коммуникации. Она отражает не только особенности стиля автора, но несет на себе «печать культуры определенного этапа в истории общества, культуры определенного народа с его традициями, устоями, менталитетом» [Болотнова, 2007: 115-116]. Соответственно, и художественный перевод – это форма межъязыковой и межкультурной коммуникации. Автор моделирует ситуацию реальной действительности, фиктивный кусочек жизни. Получается, что литературный текст по отношению к реальной жизни вторичен. Художественный, или литературный, перевод, который обычно называют вторичным текстом, будет тогда третичен. Переводчик старается увидеть эту жизнь, но передает ее, преломляя через свое мировидение. То есть,

художественный перевод – всегда соз创чество, и его множественность и вариативность имеют объективный характер. Задача литературного переводчика – это не только проникновение в структуру оригинала и осознание взаимосвязанности его компонентов, но и выход в дискурсивное пространство за пределы художественного произведения. Поэтому моделирование художественного перевода – это передача основных линий связи событий и действующих лиц внутри текста оригинала и связи текста с внешним миром: эпохой, культурной средой, в которой живет автор текста и которая определяет его идиостиль.

Мы предлагаем следующую модель перевода художественного текста:

- 1) *анализ текста оригинала* (переключаясь от общего к частному и обратно, переводчик держит в голове текст в целом);
- 2) *определение и поиск решения* прагматических (культурная специфика, пресуппозиции, подтекст и т. п.), конвенциональных (социокультурные и этические нормы, конвенции речевой коммуникации и т. п.) и языковых проблем перевода (языковые особенности авторского стиля и степень переводимости образных средств и т. п.);
- 3) *определение стратегии перевода* как «целенаправленного когнитивного поведения (zielorientiertes kognitives Verhalten)» [Kautz, 2002: 66], то есть более или менее осознанного плана решения конкретных переводческих проблем;
- 4) *создание структурно-смыслового инварианта* текста;
- 5) *анализ текстообразующих прагматических связей* текста (пресуппозиций или необходимых фоновых знаний);
- 6) *оформление* текста перевода на основе принципа репрезентативности, то есть «репрезентации оригинала средствами иного языка», который позволяет сохранить в окончательном тексте перевода важнейшие черты оригинала [Тюленев 2004: 150]. Это значит, что перевод должен быть репрезентативным на разных уровнях (от фонетического до уровня текста в целом), должен точно передавать фактическую информацию и интенции автора, коммуникативную цель и функционально-стилистические особенности оригинала.
- 7) *апробация* текста перевода (проверка степени соответствия оригиналу);
- 8) *редактирование и шлифовка* текста перевода.

Можно предположить, что этапы процесса перевода каждого жанра художественного текста (прозы, поэзии, драматургии) будут иметь свои особенности, поскольку в отличие от «большинства текстов, которые стремятся к соблюдению норм (функциональных стилей), художественные тексты, хотя и подчиняются некоторым общепринятым нормам организации, все же сохраняют значительную долю «активного бессознательного», которое нередко взрывает правильность и влияет на характер

организации высказывания» [Гальперин, 2009: 25]. В этом отношении современное переводоведение находится еще на стадии сбора и анализа практического материала, теоретическое осмысление которого только начинается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. Москва: Междунар. отношения, 2008. 184 с.
2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2007. 520 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 7-е изд. Москва: LIBROKOM, 2009. 144 с.
4. Горбачевская С. И., Лынник Д. С. Концептуальное моделирование предпереводческого анализа текста // Языки в современном мире. Москва: КДУ, 2009. С. 216-228.
5. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва: ЭТС, 2002. 424 с.
6. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. Москва: Академия, 2005. 192 с.
7. Марчук Ю. Н. Модели перевода. Москва: Академия, 2010. 176 с.
8. Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.20. Санкт-Петербург, 2008. 43 с.
9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. Москва: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
10. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / отв. ред. М. Б. Раренко. Москва: ИНИОН РАН, 2010. 260 с.
11. Тюленев С. В. Теория перевода. Москва: Гардарики, 2004. 336 с.
12. Шадрин В. И. Университетское переводоведение. Сакт-Петербург: ВВМ, 2017. 292 с.
13. Художественный перевод. Терминологический словарь-справочник / отв. ред. М. Б. Раренко Москва: ИНИОН РАН, 2014. 379 с.
14. Kautz U. Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens. Goethe Institut. 2. Aufl., München: Iudicium, 2002. 643 S.
15. Nord Chr. Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren. San Vicente: Editorial Club Universitario, 2002. 182 S.
16. Reiß K. Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen. 2. Aufl. Wien: WUV-Univ.-Verl., 2000. 132 S.

REFERENCES

1. Alekseeva, I. S. (2008). *Tekst i perevod. Voprosy teorii* [Text and translation. Issues of theory]. Москва: Mezhdunar. otnoshenia. (In Russ.).
2. Bolotnova, N. S. (2007). *Philologicheskiy analiz teksta* [The philological analysis of the text]. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Flinta: Nauka. (In Russ.).
3. Galperin, I. R. (2009). *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [The text as an object of linguistic research]. 7-е изд. Москва: LIBROKOM. (In Russ.).
4. Gorbachevskaya, S. I., Lynnik, D. S. (2009). *Kontseptualnoe modelirovaniye predperevodcheskogo analiza teksta* [Conceptual modeling of pre-translation text analysis]. In *Yazyki v sovremenном mire*. Москва: KDU. Pp. 216-228. (In Russ.).
5. Komissarov, V. N. (2002). *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Москва: ETS. (In Russ.).

6. Latyshev, L. K., Semenov, A. L. (2005). *Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya* [Translation: theory, practice and teaching methods]. Moskva: Akademia. (In Russ.).
7. Marchuk, Yu. N. (2010). *Modeli perevoda* [Translation models]. Moskva: Akademia. (In Russ.).
8. Minchenkov, A. G. (2008). *Kognitivno-evristicheskaya model perevoda (na materiale angliyskogo yazyka)* [Cognitive-heuristic model of translation (based on English)]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04; 10.02.20. Sankt-Petrburg. (In Russ.).
9. Nelyubin, L. L. (2003). *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar* [Explanatory translation dictionary]. 3-е izd., pererab. Moskva: Flinta: Nauka. (In Russ.).
10. Osnovnye pomyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyy opyt). Terminologicheskiy slovar-spravochnik [Basic concepts of translation studies (Russian experience). Terminology dictionary-reference] / otv. red. M. B. Rarenko. Moskva: INION RAN, 2010. (In Russ.).
11. Tyulinev, S. V. (2004). *Teoria perevoda* [Translation theory]. Moskva: Gardariki. (In Russ.).
12. Shadrin, V. I. (2017). *Universitetskoe perevodovedenie* [University translation studies]. Sankt-Petrburg: VVM. (In Russ.).
13. *Khudozhestvennyy perevod. Terminologicheskiy slovar-spravochnik* [Literary translation. Terminology dictionary-reference] / otv. red. M. B. Rarenko. Moskva: INION RAN, 2014. (In Russ.).
14. Kautz, U. (2002). *Handbuch Didaktik des Übersetzens und Dolmetschens*. Goethe Institut. 2. Aufl., München: Iudicium.
15. Nord, Chr. (2002). *Fertigkeit Übersetzen. Ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren*. San Vicente: Editorial Club Universitario.
16. Reiß, K. (2000). *Grundfragen der Übersetzungswissenschaft: Wiener Vorlesungen*. 2. Aufl. Wien: WUV-Univ.-Verl.

Горбачевская Светлана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры (e-mail: sgaeioy@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, д.1, стр. 13

Gorbachevskaya Svetlana I. – Candidate of Philology, Associate Professor of German Language and Culture Department (e-mail: sgaeioy@yandex.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow State University named after M. V. Lomonosov» 1 Leninskie Gory, B.13, Moscow, 119991

Поступила в редакцию 03 ноября 2020 г.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

УДК 378:001.101-057.87:159.9

© 2020 Н. А. Хлыбова, А. М. Куличенко,
И. В. Томичева, И. В. Гиренко

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЗНАНИЙ В ИЗУЧАЕМОЙ ОБЛАСТИ И ПРОЦЕДУРНЫХ ЗНАНИЙ НА СТРАТЕГИИ ВИЗУАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛА ОБУЧАЮЩИМИСЯ ВУЗОВ

Многообразие ресурсов учебного материала, задействованного в современных вузах, ставит на первое место умение выбирать соответствующий поставленной цели источник, который отвечает потребностям обучения. Эксперимент, проведённый с обучающимися с применением техники окулометрии или eye-tracking, позволил уточнить стратегии визуального исследования, используемые молодыми людьми во время поиска информации по заданной тематике. Более конкретно, данное исследование было направлено на определение типов стратегий визуального исследования предлагаемых материалов и выявление влияния психологических факторов (знаний в данной области и процедурных знаний) на эти стратегии. Результаты показали, что можно с уверенностью отметить четыре основных стратегии визуального исследования, а также определить влияние уровня процедурного знания на эти стратегии.

Ключевые слова: поиск информации, стратегия, визуальное исследование, движение глаз, процедурные знания.

© 2020 N. A. Khlybova, A. M. Kulichenko,
I. V. Tomicheva, I. V Girenko

INFLUENCE OF THE LEVEL OF PROFICIENCY IN THE STUDIED AREA AND PROCEDURAL KNOWLEDGE ON THE STRATEGIES OF VISUAL RESEARCH OF THE MATERIAL BY STUDENTS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

The variety of resources of educational material used in modern Universities prioritizes the ability to choose the appropriate source that meets the needs of training. The experiment conducted with students using the technique of oculometry or eye-tracking, allowed to clarify the strategies of visual research used by young people while searching information on a given topic. More specifically, this study aims at identifying the types of strategies for visual research of the proposed materials and distinguishing the impact of psychological factors (proficiency in the field and procedural knowledge) on these strategies. It can be extensively demonstrated that the results obtained reflected the four main strategies of visual research, as well as the impact of the procedural knowledge level on these strategies.

Key words: search for information, strategy, visual research, eye movement, procedural knowledge.

В современных вузах самостоятельный поиск необходимой информации является повседневной необходимостью для всех обучающихся, независимо от их возраста и уровня подготовки. Поиск информации представляет собой процесс выявления в

некотором множестве документов (текстов), посвящённых указанной теме (предмету), удовлетворяющих заранее определенному условию поиска (запросу) или содержащих необходимые (соответствующие информационной потребности) факты, сведения, данные.

Интегративная обработка словесной и графической информации, осуществляемая в процессе извлечения из нее необходимого содержания, имеет решающее значение для обучения [Zagami, Bocconi, Starkey, 2018]. Обобщение исследований поведения во время поиска необходимой информации обучающимися студентами за последние двадцать лет показывает, что в любом поиске можно выделить несколько шагов:

- определение информационной проблемы (информационной потребности), затем цели;
- выбор определённого источника после прочтывания, обработки и выводов по содержанию предлагаемых источников;
- извлечение и обработка соответствующей информации для достижения первоначально установленной цели;
- последующая интеграция собранной информации с предыдущими знаниями. При достижении цели процесс может закончиться. Во втором сценарии начинается новый цикл исследований.

Другими словами, во время поиска нужной информации происходит два процесса оценки: оценка всего подобранного материала и оценка содержания каждого из подобранного материала [Dmitiroff, Wolfram, 1995].

Обширность, объёмность и многообразие ресурсов учебного и вспомогательного материала, задействованного в современных вузах, ставит на первое место умение выбирать тот необходимый и соответствующий поставленной цели источник, который отвечает потребностям обучения, и подбирать эффективную методику обработки выбранного материала.

Одной из наиболее прогрессивных технологий, которая предоставляет объективные данные о том, куда и почему смотрят респонденты, является метод окулометрии. Глазодвигательная активность является необходимым компонентом психических процессов человека, благодаря которому происходит получение, преобразование и использование зрительной информации [Барабанщиков, Жегалло, 2013]. Регистрация и анализ движений глаз позволяют получить доступ к скрытым (внутренним) формам активности, которые протекают исключительно быстро и неосознанно.

Важнейшим фактором, обуславливающим характеристики движений глаз, является содержание задачи, решаемой наблюдателем. Зная направление взора, длительность и траекторию движения, можно реконструировать психологическую структуру ситуации и

динамику решения задачи. Это обстоятельство является основанием использования окулометрии в качестве метода исследования [Барабанщиков, Ананьева, 2015].

Достоинством окулометрии является возможность установления предпочтений респондента в отношении элементов изображения на мониторе компьютера. Благодаря этому можно воссоздать логику восприятия представленной информации. Результаты, получаемые с помощью системы eye-tracking, позволяют понять, действительно ли наиболее важная информация привлекает внимание пользователя [Mason, Pluchino, Tornatora, 2015]. В широком смысле участие различных перцептивных и когнитивных процессов во время поиска и интерпретации включает генерацию и тестирование гипотез, а также рассуждение и решение проблем. Как и в случае со многими более общими когнитивными задачами, эти процессы динамически взаимодействуют во времени с помощью механизмов прямой и обратной в целях оптимальной интерпретации и принятия решений [Newell, Lagnado, Shanks, 2015].

Психологи и педагоги все чаще обращаются к технологии отслеживания глаз с целью получения подробных качественных и количественных оценок того, как и куда движутся глаза во время поиска и интерпретации визуальной информации [Данилова, 2000]. Считается, что регистрация движений глаз может революционизировать образование, в том числе благодаря разработкам автоматизированных оценок компетентности.

Преимущество техники окулометрии состоит в определении наиболее подходящей контекстной помощи обучающемуся без нарушения процесса обучения, в использовании получаемой информации для оценки его когнитивного состояния.

В данной статье внимание сосредоточено на процессе оценки выбора материала для поиска информации по двум причинам: с одной стороны, эта первоначальная оценка определяет весь результат или часть успешного результата общего поиска информации; с другой стороны, исследования, связанные с визуальной обработкой материала, особенно в случае значительного объема самостоятельной работы обучающихся, были малочисленны. Таким образом, потребовали постановки два основных вопроса: каковы стратегии визуального исследования, используемые обучающимися для анализа информации; и способны ли эти стратегии влиять на уровень знания в изучаемой области, процедурные знания и в какой степени?

Такие методы исследования, как, например, ведение журнала, анализ журнальных страниц, опрос, вопросы, могут предоставить важные данные о поведении, мнениях и ожиданиях обучающихся. Однако только метод отслеживания движения глаз позволяет получать данные о визуальном поведении студентов в реальном времени [Bekkering,

Neggers, 2002]. Окулометрия позволяет с большой точностью отслеживать визуальный путь исследования предоставленного материала конкретным обучающимся.

Существенное преимущество окулометрии заключается в обеспечении временного и пространственного хода когнитивных операций, связанных со временем реализации познавательной деятельности (исследование конкретного). Это позволяет, в частности, отличать начальные когнитивные методы (первые фиксации) от последующих операций контроля, проверки или интеграции информации (чтения).

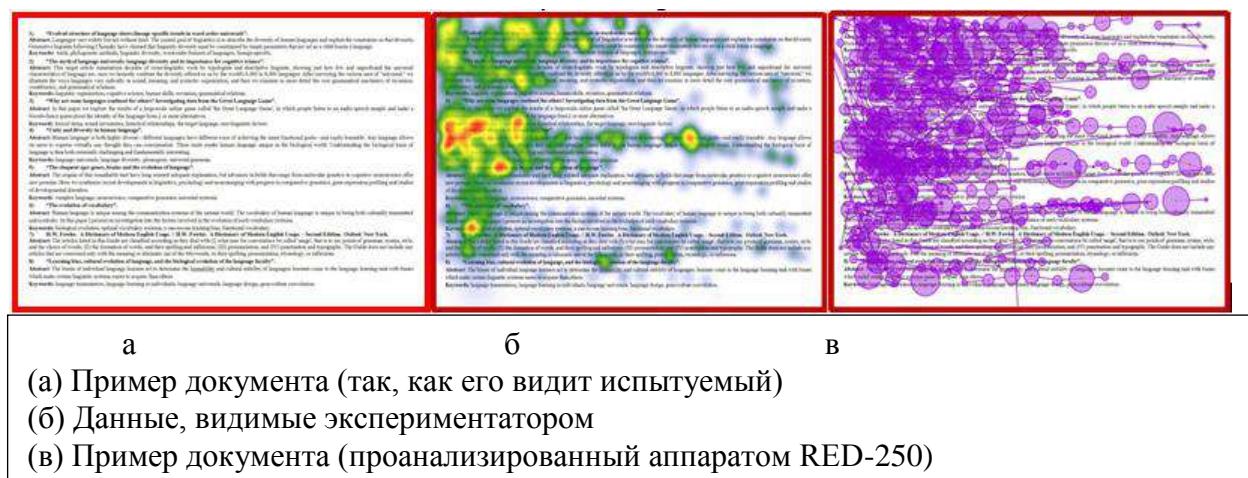

Рис. 1. Методика окулометрии, применяемая к документам, для понимания визуальной разведки

Согласно мнению некоторых исследователей [Nielsen, Pernice, 2010], большинство людей использует для изучения материала так называемую «F-образную» стратегию:

- первоначальное чтение слева направо, на горизонтальной линии (смысл чтения), начиная с самого высоко расположенного на странице материала информации; этот первый элемент представляет собой верхний штрих буквы «F»;
- возврат на вторую строку, без прочтения всего содержимого полностью; этот элемент представляет собой вторую полосу буквы «F»;
- наконец, «сканирование» левой нижней части материала; этот элемент представляет собой вертикальную полосу «F».

Стратегия «F» работает независимо от исследуемого содержательного наполнения материала.

Рис. 2. Визуальный поиск с применением стратегии «F» при изучении любого типа документа

Рассматривая поиск информации как деятельность по решению проблемы, можно различить два типа знаний, которые обуславливают успех или неудачу в деятельности обучающихся: знание в изучаемой области и процессуальные знания [Галашев, 2011]. С когнитивной точки зрения знания в определённой области соответствуют декларативным знаниям и относятся к таковым по предмету извлечения информации («что?»), тогда как процессуальное знание соответствует процедурам для осуществления деятельности («как?»).

В многочисленных исследованиях проводилось изучение влияния как полученных ранее знаний, так и знаний процедурных, на поведение, связанное с поиском информации. Обобщение опыта показывает, что оба типа знаний в значительной степени воздействуют на поведение и результативность обучающихся, проводящих поиск информации в предложенном материале. Обучающиеся с достаточно высоким уровнем знаний о механизмах данного вида деятельности используют стратегии, ориентированные на саму деятельность [Dinet, Rouet, Passerault, 1999]; они сосредоточены, в основном, на самом подходе, могут изменить свою стратегию, если не добились успеха, и регулярно оценивают применяемый ими инструментарий. Обучающиеся с низким уровнем знаний изучаемого материала (т. е. декларативных) чаще всего подвержены неудачам в поиске необходимой информации. Одной из основных причин низкой результативности является то, что обучающиеся, работающие над незнакомой темой (т. е. обладающие недостаточным объёмом знаний в данной области), попадают в категорию неуспешных уже на этапе выбора источника информации.

Работы отечественных и зарубежных исследователей [Клоктунова, Соловьева, Барсукова, Кузьмин, 2019; Dinet, Rouet, 1999] иллюстрируют результативность обучающихся, но не предоставляют информацию о стратегиях визуальной разведки материала. В приведенном эксперименте проведена попытка сфокусироваться на стратегиях визуальных исследований, применяемых обучающимися при выборе необходимой информации из предоставленных им материалов.

В эксперименте участвовал 31 обучающийся направлений подготовки «Психология», «Русский язык и литература», «Юриспруденция» (средний возраст 18 лет, стандартное отклонение = 0,6 года, 32% юношей). Были проанализированы данные отслеживания движения глаз у 28 обучающихся, т. к. для 3 обучающихся калибровка была невозможна.

Экспериментальная часть исследования была основана на бинокулярной регистрации окуломоторной активности при помощи стационарной системы бинокулярного трекинга глаз Eye-Tracker. В центре экрана монитора высвечивалась фиксационная точка, по мере готовности участника к решению заданий на её месте предъявлялся стимульный материал.

Испытуемым предлагалось ответить на вопросы, используя изображение текста, выводимого на экран монитора. Время экспозиции составляло 240 секунд.

Расстояние между обследуемым и монитором со встроенной в него системой удаленной регистрации движения глаз составляло 65-70 см. По координатам центра зрачка и роговичного блика, а также по результатам калибровки рассчитывалось направление взора, привязанное к рассматриваемому наблюдателем изображению. Первичные данные основных характеристик движения взора были обработаны с помощью программы BeGaze.

Процедура состояла из двух этапов:

- этап предварительного тестирования: в качестве первого шага (условие «знакомой темы») каждый обучающийся искал ответы на фактические вопросы, касающиеся темы, отрабатываемой в аудитории в течение как минимум 4 недель;
- посттестовый этап: на втором этапе (условие «незнакомой темы») одному и тому же обучающемуся было предложено найти ответы на фактические вопросы по совершенно новой для него теме.

Эти две фазы повторялись дважды для каждого обучающегося. После фазы предварительного тестирования и до начала теста одна из экспериментальных групп прошла обучение технике поиска необходимой информации (условие «высокие процедурные знания»). Обучающиеся другой группы не получали никакой конкретной инструкции по поиску информации (условие «слабое процедурное знание»).

По умолчанию перед каждым обучающимся находился определённый набор материалов одинаковый для всех. Какая бы ни была фаза (предварительный тест – посттест), независимо от темы (знакомая – незнакомая) и независимо от уровня процедурного знания (низкий – высокий), каждый тестируемый получил список всех предоставленных материалов.

Список был составлен следующим образом: 8 наименований материалов, 4 из которых имели отношение к теме (знакомой и незнакомой). Каждый из этих 8 пунктов был структурирован следующим образом: источник, аннотация, несколько ключевых слов.

На первом этапе интерес представлял визуальный поиск до начального выбора испытуемым и перехода к изучению первого источника. На втором этапе приоритетным явилось влияние процедурных и декларативных знаний в отношении стратегий визуального исследования.

После сбора полных данных отслеживания движения глаз участников эксперимента, независимо от темы (знакомая – незнакомая) и уровня процедурных знаний (низкий – высокий), обзор стратегий визуального исследования позволил выделить четыре типа стратегий, используемых тестируемыми:

(1) стратегия «F»: стратегия соответствует активности, описанной Нильсен и Пернис [Nielsen, Pernice, 2010], и дает графическое представление разведывательной деятельности, аналогичной букве «F»;

(2) исчерпывающая или доскональная стратегия: тестируемый проверяет все компоненты предложенного списка; визуальная разведка распространяется по всем компонентам списка (источник, аннотация, ключевые слова);

(3) стратегия простого визуального обнаружения: обучающийся «перескакивает» от одного ключевого слова к другому, особенно при наличии типографской маркировки (здесь – выделение жирным шрифтом); визуальная разведка относится исключительно к ключевым словам без остановки (фиксации) на расположенной непосредственно с ключевыми словами информации и без её обработки;

(4) стратегия перевернутая «F»: эта стратегия близка к описанной Нильсен и Пернис [Nielsen, Pernice, 2010], за исключением того, что точка входа на странице и направление не соответствуют обычной технике чтения (слева направо и сверху вниз).

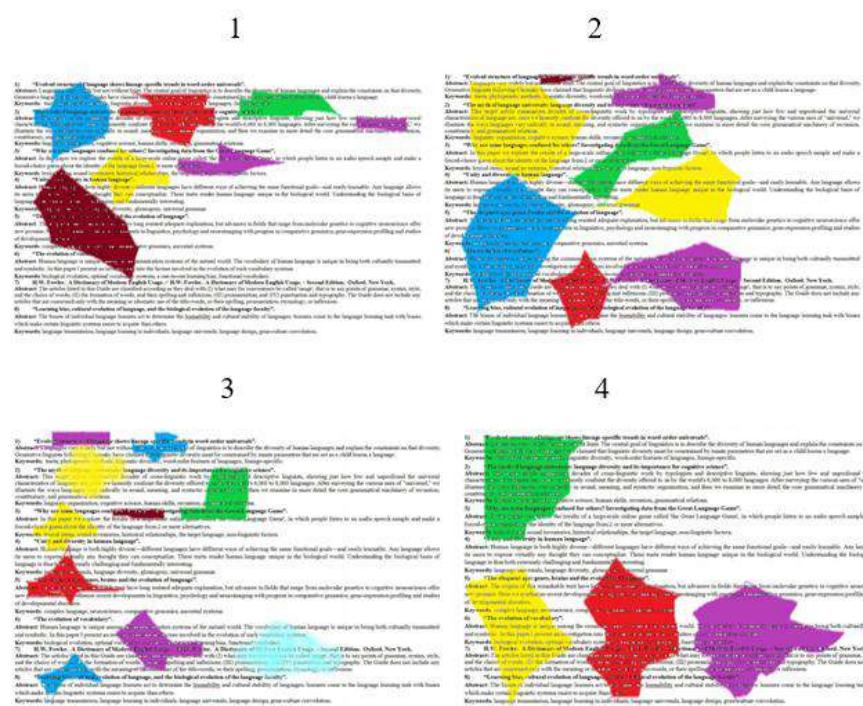

Рис. 3. Четыре стратегии визуального исследования на странице документа

Можно не только выделить несколько визуальных стратегий, использованных обучающимися в ходе эксперимента, но и отметить, что эти стратегии неравномерно распределены в соответствии с уровнем процедурных знаний участников (см. табл.).

Таблица. Распределение стратегий (в процентах) в соответствии с уровнем процедурных знаний испытуемых

Процедурные знания	Стратегия	Предварительный тест		Повторный тест	
		Знакомая тема	Незнакомая тема	Знакомая тема	Незнакомая тема
Низкие (14 тестируемых)	Стратегия «F»	15	11	13	13
	Стратегия доскональная	15	19	11	15
	Стратегия простого визуального обнаружения	58	63	61	54
	Стратегия перевёрнутой «F»	12	7	15	18
Высокие (14 тестируемых)	Стратегия «F»	17	13	11	14
	Стратегия доскональная	14	17	68	55
	Стратегия простого визуального обнаружения	56	59	10	19
	Стратегия перевёрнутой «F»	13	11	11	13

В результате эксперимента приходим к выводу о том, что участники данного исследования в основном используют так называемую стратегию простого визуального обнаружения во время предварительного тестирования (т. е. до какого-либо конкретного обучения выбору информации). Тестируемые, прошедшие инструктаж в области поиска информации, при прохождении посттеста главным образом используют всеобъемлющую доскональную стратегию. Иными словами, стратегия визуального сканирования списка подобранных материалов напрямую зависит от эффективного изучения техник, связанных с поиском.

Полученные данные не показывают влияния знаний изучаемого материала на распределение стратегии визуального исследования.

Проведённый эксперимент был направлен на углубление понимания стратегий визуального исследования, используемых обучающимися вузов во время поиска необходимой информации [Наатанен, 1998]. Конкретнее, исследование было нацелено на определение основных типов стратегий визуального исследования общего списка материалов, предоставленных тестируемым, а также на установление влияния психологических факторов (таких, как знания в изучаемой сфере и процедурные знания) на эти стратегии.

Представленное исследование привело к трем основным заключениям:

- у обучающихся вузов не существует единой визуальной модели изучения списка предлагаемых для поиска информации материалов. Этот вывод частично противоречит результатам, полученным Нильсен и Пернис в экспериментах с испытуемыми старше 30 лет, преимущественно использующими стратегию «F»;
- список предлагаемых для поиска информации материалов не изучается и не воспринимается при чтении как линейный текст;
- уровень процессуальных знаний влияет на стратегию, используемую обучающимися. Обучение поиску информации представляется продуктивным при изучении предлагаемых для поиска информации материалов, поскольку обучающиеся переходят от стратегии простого визуального обнаружения к исчерпывающей всеобъемлющей стратегии после подобной методики обучения. Исчерпывающая стратегия представляет собой стратегию тщательной обработки всего содержания списка с целью селекции различной информации (из источника, аннотации, ключевых слов) для последующего выведения информационного содержания материалов.

Вызывает уверенность, что данное исследование должно быть воспроизведено в течение более длительного периода времени с тем, чтобы проследить потенциальные результаты обучения системе поиска информации. Перспективным представляется

вопрос, останется ли по-прежнему исчерпывающая доскональная стратегия изучения предлагаемых для поиска информации материалов наиболее часто используемой обучающимися через несколько недель или даже месяцев, особенно при отсутствии повтора обучения технике поиска информации. Кроме того, исследование должно быть реплицировано для усовершенствования методики классификации визуальных техник исследования, особенно с использованием статистических инструментов, таких как иерархическая восходящая классификация.

Несмотря на отдельную дискурсивность, проведённое исследование предоставляет важную информацию в нескольких областях. На теоретическом уровне результаты, как правило, указывают на некоторые межличностные различия в отношении стратегий визуального сканирования содержания [Жданова, Рубизова, 2018]. Считается, что стратегия «F» – это стратегия, существующая независимо от того, кто ее использует; однако, как представляется, и другие стратегии выделяют отдельных участников эксперимента. Результаты эксперимента показывают существование отдельных различий в отношении стратегий: один и тот же испытуемый может изменить стратегию на основе определенных когнитивных факторов (например, уровня процедурных знаний).

На образовательном уровне данные результаты демонстрируют, что без этапа подготовки к процессу поиска информации в имеющемся материале большинству обучающихся достаточно простой стратегии визуального обнаружения уже предложенных результатов, без существенного обзорного анализа отображаемого содержания.

В целом, полученные данные свидетельствуют о потенциале методологии отслеживания глаз в качестве инструмента обучения. Выявление проблемных рефлексивных зон и устранение препятствий, вызывающих замедление процесса обучения, может позволить существенно улучшить качество предлагаемых курсов обучения, использование системы eye-tracking может способствовать усовершенствованию организации образовательных сценариев при центрическом подходе преподаватель – обучающийся для формирования будущих навыков самостоятельного решения проблем.

***Работа выполнена на оборудовании ЦКП ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
«Экспериментальная физиология и биофизика».***

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанчиков В. А., Ананьева К. И. Айтреинг в психологической науке и практике. Москва: Когито-Центр, 2015. 410 с.
2. Барабанчиков В. А., Жегало А. В. Регистрация и анализ направленности взора человека. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 316 с.
3. Галашев В. А. Системы поиска и обработки информации. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2011. 149 с.
4. Данилова Н. Н. Психофизиология. Москва: Аспект-Пресс, 2000. 373 с.

5. Жданова Д. Р., Рубизова А. А. Психофизиологические закономерности восприятия информации // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2018. № 3. С. 96-97.
6. Клоктунова Н. А., Соловьева В. А., Барсукова М. И., Кузьмин А. М. Изучение когнитивных процессов обучения при поиске образовательной информации на экране // Перспективы науки и образования. 2019. № 3. С. 326-340.
7. Наатанен Р. Внимание и функции мозга. Москва: Изд-во МГУ, 1998. 559 с.
8. Bekkering H., Neggers S.F. Visual search is modulated by action intentions // *Psychological Science*. 2002. Vol. 13. P. 370-374.
9. Dinet J., Rouet J-F., Passerault J.-M. Document search and ICT: Are «new tools» compatible with students cognitive strategies? // *Proceedings of Hypermédias et Appretissages*. Strasbourg, 1999. P. 149-162.
10. Dmitiroff A., Wolfram D. Search response in a hyper-based bibliographic information retrieval system // *Journal of the American Society for Information Science*. 1995. Vol. 46. P. 22-29.
11. Mason L., Pluchino P., Tornatora M. C. Eye-movement modeling of integrative reading of an illustrated text: Effects on processing and learning // *Contemporary Educational Psychology*. 2015. Vol. 41. P. 172-187.
12. Newell B. R., Lagnado D. A., Shanks D. R. Straight choices: the psychology of decision making. 2nd ed. London: Psychology Press, 2015. 215 p.
13. Nielsen J., Pernice K. Eyetraking Web usability. London: New Riders, 2010. 456 p.
14. Zagami J., Bocconi S., Starkey L. Creating Future Ready Information Technology Policy for National Education Systems // *Technology, Knowledge and Learning*. 2018. Vol. 23. P. 495-506.

REFERENCES

1. Barabanshchikov, V. A., Ananeva, K. I. (2015). *Aytreking v psikhologicheskoy nauke i praktike* [Eye tracking in psychological science and practice]. Moskva: Kogito-Tsentr. (In Russ.).
2. Barabanshchikov, V. A., Zhegalo, A. V. (2013). *Registratsiya i analiz napravленности взора человека* [Registration and analysis of the direction of human gaze] Moskva: Izd-vo «Institut psichologii RAN». (In Russ.).
3. Galashev, V. A. (2011). *Sistemy poiska i obrabotki informatsii* [Information retrieval and processing systems]. Izhevsk: Udm. gos. un-t. (In Russ.).
4. Danilova, N. N. (2000). *Psikhofiziologiya* [Psychophysiology]. Moskva: Aspekt-Press. (In Russ.).
5. Zhdanova, D. R., Rubizova, A. A. (2018). Psikhofiziologicheskie zakonomernosti vospriyatiya informatsii [Psychophysiological patterns of information perception]. In *Byulleten meditsinskikh internet-konferentsii*. No. 3. Pp. 96-97. (In Russ.).
6. Kloktunova, N. A., Soloveva, V. A., Barsukova, M. I., Kuzmin, A. M. (2019). Izuchenie kognitivnykh protsessov obucheniya pri poiske obrazovatelnoy informatsii na ekranе [The study of cognitive learning processes when searching for educational information on the screen]. In *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. No. 3. Pp. 326-340. (In Russ.).
7. Naatanen, R. (1998). *Vnimanie i funktsii mozga* [Attention and brain function]. Moskva: Izd-vo MGU. (In Russ.).
8. Bekkering, H., Neggers, S.F. (2002). Visual search is modulated by action intentions. In *Psychological Science*. Vol. 13. Pp. 370-374.
9. Dinet, J., Rouet, J-F., Passerault, J.-M. (1999). Document search and ICT: Are «new tools» compatible with students cognitive strategies? In *Proceedings of Hypermédias et Appretissages*. Strasbourg. Pp. 149-162.
10. Dmitiroff, A., Wolfram, D. (1995). Search response in a hyper-based bibliographic information retrieval system. In *Journal of the American Society for Information Science*. Vol. 46. Pp. 22-29.

11. Mason, L., Pluchino, P., Tornatora, M. C. (2015). Eye-movement modeling of integrative reading of an illustrated text: Effects on processing and learning. In *Contemporary Educational Psychology*. Vol. 41. Pp. 172-187.
12. Newell, B. R., Lagnado, D. A., Shanks, D. R. (2015). *Straight choices: the psychology of decision making*. 2nd ed. London: Psychology Press.
13. Nielsen, J., Pernice, K. (2010). *Eyetraking Web usability*. London: New Riders.
14. Zagami, J., Bocconi, S., Starkey, L. (2018). Creating Future Ready Information Technology Policy for National Education Systems. In *Technology, Knowledge and Learning*. Vol. 23. Pp. 495-506.

Хлыбова Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии (e-mail: nathliekhlybova@yandex.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского, 4

Куличенко Александр Михайлович – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник (e-mail: alexander.kulichenko@gmail.com), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского, 4

Томичева Ирина Валентиновна – преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии (e-mail: ptitchca@rambler.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского, 4

Гиренко Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Институт иностранной филологии (e-mail: irinagirenko@mail.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Вернадского, 4

Khlybova Natalia A. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Language Department № 2, Foreign Philology Institution (e-mail: nathliekhlybova@yandex.ru) Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky» 4, Vernadskogo ave., Simferopol, Russia, 295007

Kulichenko Alexander M. – Candidate of Biology, Senior Research Officer (e-mail: alexander.kulichenko@gmail.com), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky» 4, Vernadskogo ave., Simferopol, Russia, 295007

Tomicheva Irina V. – Lecturer of Foreign Language Department № 2, Foreign Philology Institution (e-mail: ptitchca@rambler.ru), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky» 4, Vernadskogo ave., Simferopol, Russia, 295007

Girenko Irina V. – Senior Lecturer of Foreign Language Department № 2, Foreign Philology Institution (e-mail: irinagirenko@mail.ru), Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education «Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky» 4, Vernadskogo ave., Simferopol, Russia, 295007

Поступила в редакцию 30 сентября 2020 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкоznанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляющей к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8-12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Межстрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...
Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. Количествоенная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общеязыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общеязыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2002. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: pragmatiche модели употребления protoартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
Монография, книга, раздел монографии	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s refleksivnym kompleksom v tipologicheskem osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Procedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitelno-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
Отдельный том многотомного издания	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskiy slovar sovremennoogo russkogo jazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy jazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
Статья из сборника	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
Журнальная статья	Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Iстория исследования лексических скржшений в германских языках [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i>

	<p>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspeki yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
Интернет-ресурсы	<p>Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
Материал на CD или DVD	Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature</i> / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «*STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA*» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

- Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
- Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

- Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

- 1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;
- 2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устраниены автором;
- 3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редактором, **к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается**. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 16 Выпуск 4 (50) 2020

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 04.12.2020 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 16,0.
Тираж 100 экз. Заказ № 20дек 185/2.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.